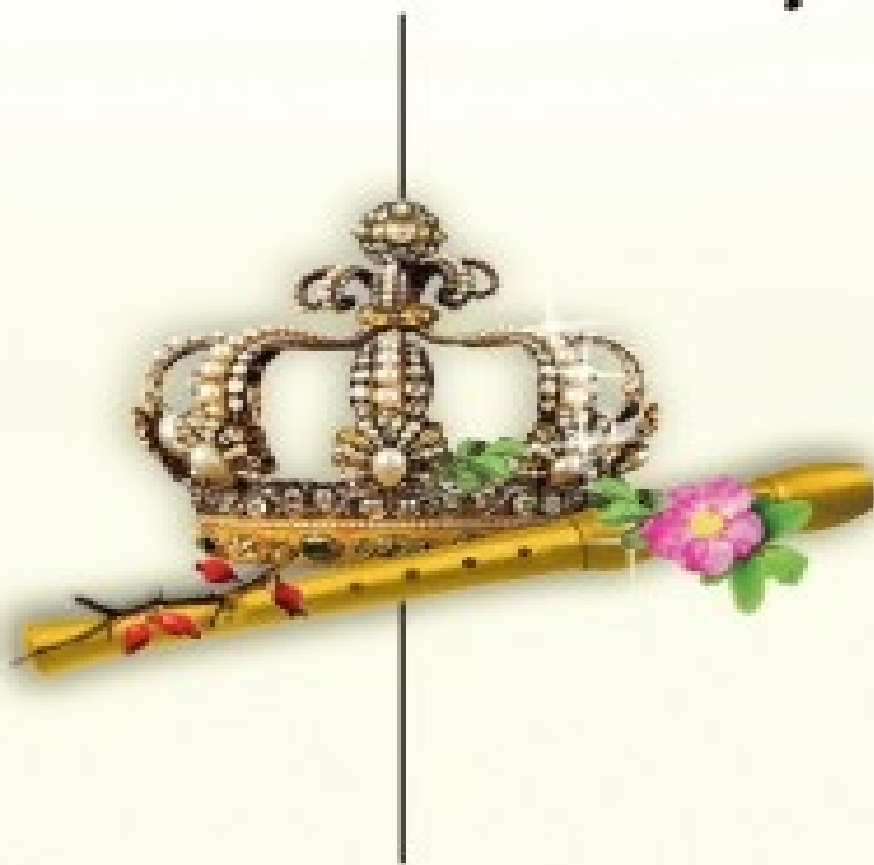

детектив – событие

Елена Михайлова

дудочка
крысолова

Annotation

Алька не понимала, что происходит, чувствовала только – она должна бежать. Бежать из элитного клуба ролевых игр, где произошло убийство ее коллеги, иначе ей самой не выбраться оттуда живой...

Сыщик Макар Илюшин был в ярости – его провела какая-то девчонка! Сбежала прямо из-под носа, хотя хозяин клуба, пригласивший Макара провести расследование, строго-настрого запретил сотрудникам покидать территорию. Значит, она и есть преступница?..

Крысолов верил, что выполняет нужную работу. Крысы хитры и изворотливы, но какой бы облик они ни приняли, он должен очистить от них землю...

Как часто лучшие качества превращаются в смертные грехи, а благородные цели уводят все дальше по дороге в ад...

-
- [Елена Михалкова](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Елена Михалкова
Дудочка крысолова

Глава 1

– Пригнитесь, – вполголоса бросил через плечо провожатый, и Сергей с Макаром подчинились, не раздумывая: в этом месте стоило слушаться беспрекословно.

– Что, кто-нибудь летает? – осторожно осведомился Сергей, чувствуя себя до крайности неудобно – согнувшись, в полутьме, не зная, чего ожидать.

– Птеродактили, – буркнул идущий следом Илюшин.

Бабкин хотел сказать, что он не удивился бы и птеродактилям, но промолчал. Темнота здесь была странная, вот что: клочковатая, местами собирающаяся в чернильные пятна, а местами светлеющая без всяких видимых причин, будто разведенная невидимым источником света до состояния густого синего тумана. И еще она пахла.

Запах тоже смущал Сергея, потому что нельзя было сказать определенно, от чего он исходит, а Бабкин не любил неясностей. Пару раз ему казалось, что он улавливает тягучий аромат восточных специй – это случалось тогда, когда они окунались в туман, – но затем запах специй исчез, и ему почудилось, будто вокруг выросли какие-то сладкие дурмящие водяные цветы вроде лилии. Впрочем, он был не уверен, что так пахнет именно лилия.

– Не птеродактили. Просто потолки низкие, – проговорил провожатый, и Бабкин с Илюшиным не сразу поняли, что он отвечает на заданный минуту назад вопрос.

Когда они попали в этот коридор, ведущий сквозь скалу с шершавыми, теплыми на ощупь стенами, темнота сразу нежно обняла их, и некоторое время они двигались, почти ничего не видя перед собой, кроме узкой спины мужчины в белой рубашке. Тот шел уверенно, не зажигая фонаря, висевшего на поясе, и только коротко предупреждал о возможных препятствиях. Лишь в одном месте, когда тьма раздвинулась, словно занавес, и они оказались возле шумящей стены воды, падающей с потолка, взбивающей снизу дымку мельчайших брызг, мужчина в рубашке остановился, закатал рукав и на несколько секунд сунул руку под воду – по самый локоть. Сделал движение, как будто что-то переключил, а затем, поморщившись, вытащил руку обратно, стряхнул тяжелые капли и пошел дальше, даже не позаботившись о том, чтобы выжать край намокшего рукава.

Под ногами хрустела мелкая галька, перемешанная с песком. Коридор два раза завернул влево, и шум водопада превратился в шорох, который заглушался звуками их собственных шагов. Темнота здесь была сродни ночным зеленым теням в саду, и пахла тоже садом – влажным, душноватым после летнего дождя. В отличие от Макара Сергей Бабкин плохо видел в темноте, но он готов был поклясться, что перед ними – тупик.

– Стойте.

Провожатый, почти не задержавшись, провел рукой по стене. Послышался короткий писк, и дверь, скрытая в стене, приоткрылась; мрак отшатнулся назад, и в зеленоватом призрачном свете, падавшем из пещеры, куда она вела, стало видно, что на самом деле створка – деревянная, покрашенная под цвет красноватого камня. Когда Сергей с Макаром, пригнувшись, нырнули внутрь, провожатый прикрыл ее и сделал приглашающий жест рукой: «Идите».

«Пещера Али-Бабы», – ошеломленно подумал Сергей, оглядываясь. Вокруг действительно был большой грот – с высоким потолком и желтым песком под ногами. С одной стороны стена была завешана восточными коврами, и несколько таких же ковров пестрыми волнами лежало под ними. Неподдалеку, почти на треть утопленные в песок, накренились два кованых сундука: из-под приоткрытой крышки ближнего змейкой выползала золотая цепочка, с конца которой бело-розовой каплей свисала крупная жемчужина. Поблескивающие, словно облитые расплавленным воском, сладости на подносах; выстроившиеся друг за другом кальяны, один больше другого; пузатые чаши толстого изумрудного стекла на грубой полке, крепившейся к стене, за которыми угадывались очертания бутылок, волшебнo менявших форму в зависимости от преломления рассеянного света в стекле чаш... Свет здесь тоже был волшебный: зеленоватый, переменчивый, будто вода, покачивающаяся в десяти шагах от ковров с сундуками.

Небольшое озерцо с дальней стороны ограничивалось каменной стеной, и там, где вода подходила к камню вплотную, она меняла цвет: из зеленой становилась красноватой, в тон отраженной скалистой стене.

А неба эта вода не отражала вовсе. Потому что неба над ней не было – только каменный потолок грота, накрывавший, словно крышка гигантской сковороды, и песок, и крошечное озерцо с красно-зеленой водой.

Возле воды и лежала хозяйка этого грота наслаждений. В тишине, нарушаемой лишь скрипом песка под ногами, Сергей с Макаром подошли к ней и остановились.

Русалка была мертва. Тело казалось выброшенным волной на берег, хотя оба знали, что это невозможно – таких сильных волн здесь не было.

Раздвоенный кончик длинного хвоста, серебристого с проблесками редких золотых чешуек, бессильно колыхался на поверхности воды. Длинные светлые волосы вились по песку следом за белой рукой, вытянутой вперед, словно в отчаянной попытке избежать смерти, нырнуть в золотой песок и раствориться в нем.

Бабкин присел, натягивая перчатки.

– Тело переворачивали? – сухо вато спросил он.

– Да, – ответил после паузы один из мужчин, сидевших на корточках в нескольких шагах от убитой.

От этого короткого слова молчание, сковывавшее всех, будто лопнуло, и заговорили сразу двое:

– Снимки сделаны, камера у нас с собой.

– Ее и без вас нашлось кому ворочать.

Бабкин поднял глаза и внимательно посмотрел на человека, бросившего последнюю реплику. Парень вызывающе откинул голову назад, но быстро стушевался и отвел взгляд.

Бабкин повернулся к телу и осторожно перевалил русалку на спину. Наклонившийся сзади Илюшин только вздохнул: синеватая вдавленная полоса охватывала шею. Веревка, оставившая этот след, сползла чуть ниже и под игрой теней и света казалась живым существом: было похоже, что она вот-вот скользнет в песок и без всплеска уйдет под воду.

– Странгуляционная борозда замкнутая, – вслух подумал Сергей. – Чего и следовало ожидать...

– То есть, если я правильно помню теорию, это почти наверняка удушение?

– Именно. Хотя тут и без борозды ясно, что вряд ли дама сама с собой покончила таким заковыристым способом. Что сказал эксперт о времени смерти? – спросил Бабкин, не оборачиваясь, лишь чуть повысив голос.

– Три часа как мертва, плюс-минус, – тут же с готовностью откликнулись сзади.

Макар и Бабкин переглянулись. Три часа... Оперативно сработал Игорь Васильевич, ничего не скажешь.

Илюшин перевел взгляд на убитую. Перед ним лежала женщина лет сорока с выразительным, красивым лицом. Светлые, под цвет волос, брови, голубоватая кожа, обескровленные губы... Она и впрямь казалась русалкой, вынырнувшей из глубин подземного озера и погибшей в шаге от родной стихии.

Сергей, не снимая перчаток, поднял одну за другой кисти рук жертвы и осмотрел ее пальцы. Следы под ногтями на первый взгляд не видны, но это

еще ни о чем не говорит... «Экспертиза покажет».

– Вы осматривали... э-э-э... помещение? – поинтересовался он.

– Само собой. – По голосу ответившего было слышно, что он задет. – Что уж вы... такими-то вопросами обижаете...

Сергей обернулся. Трое мужчин, сидевших на песке, выжидательно смотрели на него, словно признавая его старшинство, и только один щурился на воду: тот самый парень, который сказал про «ворочать». «С этим типом могут возникнуть сложности. Только проблем такого рода нам не хватало».

– Ну что? – тихо спросил Илюшин. – Серега, сейчас ты решаешь. Что скажешь?

Бабкин вздохнул, потер лоб.

– Чего тут решать... Пошли к Перигорскому. Слышь, Сусанин! – позвал он провожатого, темной тенью застывшего у двери. – Веди нас обратно. И если есть путь, на котором не надо сгибаться в три погибели, то лучше выбери его.

Сидевшие группой мужики хмыкнули, один откровенно засмеялся. Макар вопросительно вскинул брови, оглядел пещеру, но если здесь и была вторая дверь, то ее тщательно замаскировали.

– Есть такой путь, – согласился бесшумно подошедший провожатый. – Вы купаться любите, господа сыщики?

– Да, – живо ответил Илюшин.

– Нет, – одновременно с ним сказал Бабкин.

– Если нет, то прошу той дорогой, которой пришли.

– А если да?

– А если да, то прошу сюда. – Он указал на воду.

– В каком смысле? – озадаченно спросил Сергей.

Илюшин, ни слова не говоря, подошел вплотную к озерцу и, вытянув шею, стал заинтересованно рассматривать дно.

– В прямом, – пожал плечами провожатый, принимаясь расстегивать рубашку.

– И все-таки... – начал Бабкин.

– Через озеро, – сообщил Илюшин, закончив изучать дно, и в голосе его прозвучало удовлетворение. – Потрясающе придумано!

– Совершенно верно. – Мужчина бросил рубашку на песок и начал расстегивать брюки. Действие это в непосредственной близости от трупа показалось Бабкину кощунственным, и он зло бросил:

– Кончайте цирк. У вас человек умер, а вы каким-то идиотизмом занимаетесь.

Провожатый замер, сжимая в руке ремень. В глазах его мелькнула растерянность, сменившаяся пониманием.

– Простите, – виновато проговорил он. – Вас же не предупредили... Второй путь действительно ведет через озеро. Мы-то привыкли, вот и не задумываемся... – Он покосился на труп, шмыгнул и нервно закончил: – В самом деле, извините. Ничего плохого сказать не хотел.

– Второй путь в пещеру проходит через озеро, – почти дословно повторил его слова Игорь Перигорский, когда двадцать минут спустя Сергей Бабкин и Макар Илюшин оказались в его кабинете. – Вы все потом сами увидите.

Высокий, лысый, очень худой, всем своим обликом удивительно напоминающий засушенного богомола, Игорь Васильевич Перигорский сидел в кресле, положив руки на подлокотники и время от времени сгибая и разгибая их в локтях, что только усиливало сходство с насекомым. Умные глаза под полукружьями тяжелых, темных, больших, как тарелки, век смотрели не на Макара с Сергеем, а в окно, за которым сверкал высокий стеклянный купол, казавшийся набитым зеленью, словно банка – водорослями. Оранжерея номер один. Или, по терминологии служащих «Артемиды», первая сцена. Именно с ней у Бабкина были связаны неприятные воспоминания: в свое время пребывание в оранжерее закончилось для Сергея парализующим уколом.

С Игорем Перигорским Илюшину и Бабкину пришлось столкнуться несколько лет назад при расследовании дела о пропавшей Вике Стрежиной. Тогда одна из версий вывела их к пейнт-клубу под названием «Артемиды», который очень заинтересовал обоих^[1].

Клуб был закрытым. Настолько закрытым, что Сергею с Макаром удалось собрать минимум информации о нем. Они разузнали лишь то, что фактически клуб содержат сорок человек, являющихся его членами, что ему принадлежит большая территория неподалеку от Волоколамского шоссе, охраняемая так, что постороннему человеку проникнуть на нее практически невозможно, и на этой территории находятся несколько оранжерей, конюшня, а также вертолетная площадка. Члены клуба были разбиты на небольшие группы, за каждой из которых был закреплен свой день недели. Люди приезжали в «Артемиду» утром, уезжали вечером, и никто не знал, что они делают там на протяжении многих часов. А те, кто знал, молчали.

Особенно Илюшина заинтересовал тот факт, что даже желтые газеты и журналы не упоминали об «Артемиде». Складывалось ощущение, что кто-

то достаточно могущественный приложил большие усилия к тому, чтобы информация о клубе никуда не просачивалась, и ему это удалось.

Однако то, что не получилось у журналистов, удалось Сергею Бабкину. Он смог проникнуть на территорию клуба, но не смог выйти из него, и для того, чтобы вытащить напарника, Макару Илюшину пришлось самому приехать и побеседовать с Перигорским. Тогда-то они и узнали о том, для чего создана «Артемиды».

Клуб был детищем Игоря Перигорского, его вотчиной, в которой он осуществлял мечты и фантазии своих клиентов. Предположение Илюшина о том, что тот содержит дорогостоящий бордель, Перигорский с негодованием отверг: это было бы слишком мелко и плоско. В глубине души Игорю Васильевичу нравилось чувствовать себя волшебником, осознавать, насколько он могущественнее людей, приезжающих к нему. Столько, сколько знал о них Перигорский, не знал, пожалуй, больше никто.

Сперва команда психологов проводила работу с клиентом, выясняя его подсознательные желания, препарируя наклонности и влечения, анализируя темперамент и реакции. Затем в работу включались «сценаристы»: они придумывали сюжет игры, в которой гости Перигорского могли выбрать роль себе по вкусу. Игра реализовывалась в специально созданных декорациях, и кроме гостей в ней участвовали актеры – сотрудники «Артемиды», тщательно отобранные с помощью тех же психологов.

Когда-то Перигорский не пожалел времени на то, чтобы объяснить Макару, в чем состоит уникальность его клуба, и Илюшин хорошо запомнил то, что говорил ему Игорь Васильевич.

«В основе всех наших игр, конечно, лежит сексуальное влечение, но не только оно. Вы понимаете, что наши клиенты не могут иметь недостатка в партнерах любого пола и возраста... Но ведь им нужно не только это. Представьте, что в детстве вы зачитывались историями про индейцев и воображали себя то бледнолицым, то Соколиным Глазом... А теперь вспомните наши «джунгли», вообразите индианок, захватывающих вас в плен и делающих с вами то, чего вы втайне желали, и оцените, насколько такая игра будет для вас увлекательнее, напряженнее и полнее, чем банальный секс с проституткой. Ролевые игры вечны. Наша задача – расцветить их и подогнать по мерке клиента; сделать так, чтобы наш гость поверил в перевоплощение – собственное и окружающего его мира – настолько, насколько это вообще возможно для человека в своем уме. Нет, психически больных людей среди клиентов клуба нет, поскольку они отсеиваются заранее. Вы же понимаете, мне не нужны проблемы. Я заинтересован в том, чтобы все оставались довольны: и клиенты, и те, кто с

ними работает.

Вы удивитесь, но человеческая фантазия не отличается разнообразием. Мы не испытывали сложностей с выбором антуража, в котором происходят игры. Никто из приезжающих к нам гостей не видит себя в мечтах рядом с синеволосой марсианкой среди марсианских пустынь. Лес – но обязательно первобытный, девственный – вот основа большинства сценариев, беспроектный вариант; роскошные интерьеры Средневековья – с той степенью достоверности деталей, которая необходима для наших визитеров; обязательно – водная стихия. В разных вариантах... Но позвольте мне не открывать вам всех секретов клуба....

Среди наших гостей – только мужчины. Почему? Женщины сложнее и изменчивее. Мужчина выбирает игру себе по вкусу и затем готов менять в ней лишь детали – и так на протяжении года, двух... Мужчина хочет либо доминировать, либо подчиниться. Мужчина – и к нам с вами это тоже относится, Макар Андреевич, – прост и понятен: после того, как вы осознали, чего именно он хочет, вам довольно несложно следовать причудам его фантазии.

Женщины же непредсказуемы. Они хотят одновременно доминирования и подчинения, меняют условия игры на ходу, нарушают даже самими собой заданные правила... Сегодня они требуют одного, завтра другого, а послезавтра мы вынуждены выполнять их первоначальные требования, но с некоторыми дополнениями... Нет, это обходится слишком дорого – во всех смыслах. При этом, как ни парадоксально, лучшие сотрудники клуба – женщины. Поймите: если только вы не спрашиваете женщину, чего она хочет, и вообще не пытаетесь этого понять, а преследуете свою цель, то из нее можно извлечь максимум заложенного природой. Женщина – это инструмент, и только. В умелых руках она может стать виртуозным инструментом, но не станете же вы говорить, что прекрасная увертюра была исполнена скрипкой.

Как вы сказали? Женоненавистник? Я? Ни в коем случае. Я отдаю им должное! Нет, не женат... А что вы, собственно, смеетесь?»

Перигорский отвел наконец взгляд от оранжереи и посмотрел на телефон: старый дисковый аппарат, стоявший на краю стола. Телефон тут же послушно зазвонил. Сняв трубку, Перигорский послушал, затем, не меняя выражения лица, сказал бесстрастным голосом: «так заканчивайте с этим поскорее» – и положил ее на место. Глаза грустного насекомого, только что доевшего последнего мало-мальски достойного противника и огорчающегося из-за этого, остановились на Сергее Бабкине.

– Я в ярости, – так же бесстрастно сообщил Игорь Васильевич. – Но к делу это не относится. Я сказал вам по телефону и повторю снова: мне хотелось бы, чтобы вы взялись за расследование этой смерти. Мой помощник, – продолжал он, жестом остановив попытавшегося что-то сказать Бабкина, – только что сообщил, что с опергруппой проблем не возникнет.

– Как это «не возникнет»? – не сдержался Сергей. – Игорь Васильевич, только не говорите, что вы купили всю группу вместе со следователем!

– А если бы и купил? – возразил Перигорский.

– Мы не будем принимать участие в сокрытии произошедшего, – спокойно, но твердо сказал Илюшин, без всяких сомнений объединив себя с Бабкиным широким «мы». – На территории вашего клуба произошло убийство, его можно раскрыть по горячим следам. Но для этого нужно действовать быстро. А вы, кажется, собираетесь заняться любительскими поисками, только чтобы выгородить кого-то из своих...

– Вы в корне не правы, – заметил Перигорский, и слово «клиентов» осталось произнесенным. – Позвольте, я вкратце опишу, как обстоит дело.

Он покосился на телефон и продолжил:

– Как вы уже знаете, несколько часов назад одна из девушек, работающих на третьей «сцене», обнаружила тело своей... коллеги. С явными признаками насильственной смерти. Меня немедленно поставили в известность, и благодаря моему вмешательству дело было поручено не первому попавшемуся следователю, а тому, кого я хотел бы видеть. Насколько слово «хотел» вообще уместно в данной ситуации. Однако параллельно я распорядился собрать свою, так сказать, альтернативную опергруппу, которая приступила к осмотру места происшествия. Вы их видели.

– Вы не имели права... – начал Бабкин.

– В момент совершения убийства на третьей «сцене» находились четверо клиентов и четверо девушек, – перебил его Перигорский. – И больше никого!

– Откуда это известно? – вступил Макар.

– Потому что они были там с утра. Только они! Это входит в игру – я потом вам объясню подробности. Наши сценаристы очень удачно сформировали эту группу: при общем рисунке сюжета у участников практически непересекающиеся предпочтения, и все были довольны, не говоря уже о том, что озеро – лучшая наша выдумка! Но кто-то один из группы – убийца, и это может быть как девушка, так и клиент. Пока по

горячим, как вы выражаетесь, следам этого не удалось установить. Хотя я надеялся. Но, как вы понимаете, в следователе, ведущем это дело, мне важен не его профессионализм, а готовность не дать информации выйти за пределы круга людей, которым она станет известна. Это первое его ценное качество. Потому что если о случившемся пронюхают журналисты... – Перигорский поморщился. – Они вцепятся в брошенные им обрывки сведений, как крокодилы в ляжку антилопы. Огласка, скандалы... Неделю спустя вся Москва будет болтать о том, что происходит за нашими стенами. И если вы полагаете, что мне нужна реклама, то глубоко ошибаетесь. Она нас убьет.

– Но это же невозможно, – удивленно сказал Сергей. – Я имею в виду, сохранение тайны. Следователь не один, с ним работает целая группа, и нет никакой гарантии, что кто-то не проболтается...

– Гарантии нет. Инструменты воздействия есть. И, уверяю вас, я умею ими пользоваться.

Перигорский говорил спокойно, не меняя интонации, но в последней фразе Сергею послышалось что-то угрожающее.

– И что же вы предлагаете? – нахмурился Илюшин. – Кстати, вы не сказали, какое второе ценное качество этого вашего следователя?

– Его гибкость в подходе ко многим вопросам. Он умный человек и понимает, что в его интересах, а что – нет. Поэтому мы смогли найти компромиссное решение.

– И какое же?

– Расследование ведете вы, параллельно основному, официальному. В успех их действий я не верю, но допускаю, что могу ошибаться. В вашем распоряжении мои люди. Все, сколько понадобится. И средства. Тоже – сколько понадобится.

– А если это один из клиентов? – быстро спросил Бабкин.

Перигорский вздохнул.

– Сергей, вы же сыщик, вам нельзя мыслить штампами. Вы отчего-то решили, что главной моей задачей является выгородить человека, убившего Микаэлла, если он из наших гостей. Между тем главной моей задачей является обнаружить убийцу как можно быстрее, ведь только таким образом я могу сохранить вокруг своего клуба тот режим, который обеспечивает защиту «Артемиде». Для этой цели я и предоставляю вам с Макаром Андреевичем карт-бланш на расследование: если кто-то и способен провести его быстро, так это вы.

– А ваша группа? Та, альтернативная?

– Они всего лишь исполнители, качественно делающие свою работу.

Их способностей здесь будет недостаточно. Тем более что дело тонкое, деликатное. Вы же понимаете, каких людей вам придется допрашивать.

– Раз уж мы заговорили о людях... – подал голос Илюшин. – Каким образом вы собираетесь обеспечить лояльность ваших клиентов по отношению к нам?

– Они же не идиоты, Макар Андреевич. И так же, как и я, заинтересованы в том, чтобы расследование проводилось, так сказать, в рамках самого клуба и теми людьми, на молчание которых можно положиться. Кроме того... – он сделал вескую паузу, – ни одна из девушек не покинет его территорию в течение ближайших суток. У вас будет возможность допрашивать их так, как вы сочтете нужным. То же самое относится к клиентам.

– Как вы этого добились? – не смог сдержать удивления Илюшин. – И как они согласились на такие условия?

Перигорский привстал на стуле и наклонился к сыщикам, опираясь худыми руками на стол:

– Как они согласились? Видимо, понимали, что моя просьба является таковой исключительно по форме. Потому что если кто-то посмел совершить убийство у меня под носом, я считаю это вызовом лично мне. – В первый раз в голосе Перигорского прозвучало что-то похожее на гнев. – Вернее сказать, не вызовом, а плевком в лицо! А трое суток – не такой большой срок.

Он сел на место. Илюшин и Сергей переглянулись. Поставив своих клиентов в подобные условия, Перигорский показал, что интересы расследования для него действительно выше интересов людей, которых он обслуживал.

– Как будет строиться сотрудничество с опергруппой? – спросил Бабкин, и Перигорский едва заметно улыбнулся: согласие было получено.

– Группы работают параллельно, обмениваются информацией. Других вариантов просто нет. И мне пришлось пойти на значительную уступку: нам предоставлено три дня, в течение которых мы имеем полный доступ ко всем данным, полученным прокуратурой. Затем нас отстраняют от расследования. Экспертизу проводит прокуратура, однако опрашивать подозреваемых и свидетелей, реконструировать преступление, изучать улики – все это предстоит делать и вам. С помощью моих людей, конечно же...

Он замолчал, выжидательно глядя на Илюшина и Бабкина. Из-за тучи над «Артемидой» неожиданно вывалился край сентябрьского солнца, похожего на репу, и стеклянная крыша вспыхнула в его лучах.

– Тогда не будем терять времени, – подытожил Макар, поднимаясь. – Его у нас немного.

Купол этой оранжереи был не таким высоким, как первый. Бабкину стало понятно, что он тоже из стекла, лишь когда они подошли вплотную: изнутри купол был затянут мелкой голубой сеткой, и со стороны казалось, будто огромный светло-голубой шар лежит на мокрой траве. С разных сторон к куполу вели низкие белые строения: длинные, как лучи, они соединяли оранжерею с другими корпусами клуба.

Теперь у них был новый провожатый: молодой парень с внешностью итальянского героя-любовника – смуглый, черноглазый, с белозубой улыбкой. Он представился Сашей Крупенниковым и в ответ на распоряжение Перигорского ввести сыщиков как можно быстрее в курс дела понимающе кивнул. К облегчению Бабкина, на этот раз, выйдя из кабинета шефа «Артемиды», они пошли совсем другим путем, и меньше чем через пару минут оказались возле голубого шара.

– Самое затратное сооружение из всех. – В голосе Саши, остановившегося возле двери, послышалась гордость. – Но оно того стоило, честное слово.

Когда они вошли внутрь, Сергей, приказавший себе ничему не удивляться, все-таки прищелкнул языком.

Перед ними лежало маленькое море. Синяя спокойная вода, много желто-белого песка, выглядевшего так, словно по нему никогда не ступала нога человека, и скалы, раскрывающие в широком зевке красноватые пасти пещер: целая галерея пещер, щедро оплетенных вьющимися растениями, в некоторых местах создававшими такую плотную завесу, что камня не было видно за их переплетением. Море, уменьшенное в тысячи раз, но отчего-то не производящее впечатления игрушечного. Словно кто-то вырезал из далекого пейзажа крошечную лагуну и перенес ее сюда, под голубой купол.

Здесь было тепло, даже жарко, и Бабкин расстегнул куртку, а затем и вовсе снял ее. Он оглядывался по сторонам, пытаясь понять, за счет чего достигается иллюзия, этот удивительный эффект реальности, заставляющий забыть о том, что меньше чем в двух километрах отсюда – загруженное машинами шоссе, автозаправки, микрорайоны с серыми громадами домов... Сергей всмотрелся в переплетение веток, как будто мог прочесть в нем правильный ответ, и обнаружил, что в зелени прячутся мелкие белые цветки. Это отчего-то слегка разозлило его. Цветки! И можно было не сомневаться, что они живые и пахнут так, как и полагается мелким белым цветкам, – тихо и душисто.

Вода, песок, искусственный камень... Ну и что? Из этого простого сочетания должен был получиться филиал аквапарка, развлечение для детей, которых старательно обманывают взрослые: посмотрите, милые дети, какое у нас море – в тазике, с пластмассовыми корабликами и желтым ковриком вместо берега! Но он-то не ребенок! Тогда отчего ему так хочется сбросить с себя одежду и немедленно шмякнуться на живот, подставляя спину солнцу и ожидая, что через двадцать минут она покроется красноватым загаром? Несуществующему, заметьте, солнцу!

Бабкин присел, зачерпнул в ладонь песок и медленной струйкой высыпал его обратно. Песок был теплый. Из него получилась аккуратная горка с ямкой наверху, в которую упал маленький обломок белой ракушки, захваченный вместе с песчинками.

И Сергей вдруг понял, почему не ощущает себя стоящим в аквапарке или перед отличными театральными декорациями, хотя перед ним были именно они, декорации. Убедительность пряталась в деталях, выверенных настолько, что они совершенно не бросались в глаза.

Он поворошил рукой песок и увидел обломки ракушек, острые краешки которых давно обкатало море. Чуть подалее валялись сухие водоросли, будто выброшенные волной на берег. Этот песок не был стерильным наполнителем искусственной песочницы – или, во всяком случае, он так *не выглядел*.

Сергей встал и глубоко вдохнул морской воздух. От воды подул теплый ветер, пробежал по его волосам, и Бабкин качнул головой, будто избегая прикосновения.

– Туалетный освежитель и вентилятор! – не сдержался он. «Интересно, эти «декораторы» хоть в чем-то допускают проколы?»

– Что? – не понял Саша.

Илюшин рассмеялся.

– Серега отдает должное правдоподобию вашего моря, – пояснил он. – Он-то по привычке ожидал, что будет пахнуть хлоркой...

– Ну да, и нам выдадут шлепанцы, – проворчал Бабкин. – Все-таки ветер – это перебор.

– А-а, вот вы о чем! Нет, ветер обязательно нужен! Раньше было еще звуковое сопровождение, но потом решили, что оно лишнее.

– Крики чаек и укушенных акулой купальщиков? – заинтересовался Макар.

– Ну что-то в этом роде, – ухмыльнулся Саша. – Но, как вы говорите, получился перебор. У нас же все-таки не зона релаксации...

– Вот именно, – заметил Бабкин, тут же вспомнив про труп в пещере. –

Так что, Александр, где ваш короткий путь?

Парень сразу подобрался и деловитым тоном предложил:

– Для начала давайте пройдем в пещеры. Это – технические помещения. Обычно в крайней находятся спасатели, средняя – для отдыха, а две ближних служат кабинками для переодевания.

Сергей усмехнулся, до того неожиданно и неуместно прозвучали эти «кабинки».

– Конечно, для вас в первый раз занимательно, – сказал в ответ Саша, правильно истолковав его усмешку. – А мы-то привыкли. Вот к тому, что внизу, пришлось долго привыкать, да... Это мы так говорим – «внизу», а на самом-то деле, конечно, все на одном уровне.

– Почему нет следов на песке? – спросил Илюшин, пока они шли вдоль берега. – Все клиенты с утра были здесь, значит, должны остаться следы.

– Во-первых, за этим смотрят, и персонал разравнивает песок. Специально, понимаете? Чтобы было как сейчас – словно до нас здесь никто не появлялся. Во-вторых, гости выходили другим путем. Проходите...

Бабкин с Макаром заглянули в пещеру, а вошедший следом Саша включил свет. Настенные лампы вспыхнули и осветили просторное помещение, с одной стороны которого оказались душевые кабины, а с другой – длинный шкаф из нескольких секций.

– Ага... – удовлетворенно протянул Сергей. – А здесь, значит, решили не тратить силы на поддержание иллюзии.

Парень пожал плечами:

– Нет смысла. Все равно этот уровень – лишь прихожая. Какой смысл ставить диван там, где гости должны только переобуться?

– Кстати о «переобуться»... – заметил Макар, усмехнувшись, – я правильно понимаю, что нам предстоит выбрать купальные костюмы?

– Совершенно верно.

Саша толкнул дверцу шкафа, и за ней обнаружили полки с полотенцами, плавками и халатами всех размеров и расцветок.

– Прошу!

Десять минут спустя они стояли по пояс в прозрачной теплой воде. Бабкин, покрывшийся мурашками, ежился и старался избавиться от ощущения, что за ними наблюдают. В плавательных шортах он чувствовал себя глуповато и с завистью косился на Илюшина: тот обладал способностью моментально осваиваться в новом месте и теперь увлеченно

бродил вдоль берега по щиколотку в воде, ворошил песок, и видно было, что ему уже не терпится плыть. Из-за очков на макушке волосы у него встали ежиком, и Макар сразу сбросил лет восемь.

– Точно маска не нужна? – в пятый раз спросил Саша.

Раздевшись, он оказался бугристым и загорелым, но загорелым как-то неровно, пятнами. Сейчас, стоя рядом с Сергеем, он напоминал крупную рыбину, которой поскорее хочется нырнуть.

– Ты же сам сказал: начнем тонуть – нас тут же спасут, – напомнил Бабкин. – Все, двигаем, нечего время терять.

– Значит, плывете за мной следом, – еще раз проинструктировал Саша, – и сразу уходите на глубину. Там ориентируетесь по свету. Лампы – помните, я говорил, да? Желтые такие... Точно сможете на минуту воздух задержать? Или все-таки маски?

– А вода-то пресная! – сообщил Илюшин, незаметно оказавшийся у него за плечом.

– Пресная, конечно. Можно без очков плыть, хотя обычно все их надевают. Кроме «русалок».

– И мы наденем. – С этими словами Макар опустил на глаза очки, и следом за ним то же самое проделал Бабкин.

– Отлично. Проходим восемь шагов – и ныряем. Я скоманую.

– Да пошли уже... командир, – беззлобно проворчал Сергей.

По ровному дну они прошли не восемь, а все десять шагов, и парень остановился. Перед ними вода из голубой превратилась в темно-синюю. Приглядевшемуся Бабкину показалось, что внизу, в глубине, он различает дрожащее золотистое свечение.

– Вот и «колодец». С богом!

Они задержали дыхание и нырнули одновременно, ушли в глубину, как Саша их и учил. Парень плыл чуть впереди, то и дело оглядываясь, и плыл отменно. Бабкин не глядел по сторонам, поглощенный тем, чтобы сохранять темп, но краем глаза успел заметить, что они движутся вниз вдоль стены, выложенной камнем, и через одинаковые промежутки в этой стене расположены желтые лампы, рассекающие светом воду.

Стена закончилась неожиданно, и Саша резко изменил направление движения: вместо того, чтобы продолжать погружаться, повернул в сторону и в несколько сильных гребков оторвался от Сергея и Илюшина. Затем, обернувшись к ним, махнул рукой вверх и сам поплыл туда, где уже можно было различить сквозь воду колеблющиеся очертания берега.

Воздуха Сергею хватило едва-едва, и когда он оказался над поверхностью, шумно вдохнул. Их провожатый уже выходил на берег, и,

проследив за ним взглядом, Бабкин только теперь окончательно понял, что же имел в виду Перигорский.

– Второй путь в пещеру проходит через озеро! – пропыхтел он вынырнувшему Илюшину.

– Мы именно это и говорили! – Макар тоже запыхался, и теперь, перевернувшись на спину, поплыл, разглядывая каменный купол высоко над головой. – Что тебя так удивляет?

– Офигеть, – выдохнул Сергей. – Я не думал... не думал, что оно вот так все окажется.

Он увидел под собой дно и встал на ноги. Саша уже стоял у береговой линии, держа полотенца, и за его спиной темнела пещера – совсем не похожая на ту, в которой они осматривали тело «русалки».

– Это другой грот, – заметил сзади Илюшин. – Надеюсь, его-то хозяйка жива?

Они вышли на берег, растерлись мохнатыми полотенцами. Сергей бросил взгляд на пучки трав, висевших над входом в грот, на широкое зеленое покрывало, расстеленное внутри, и обернулся к Саше:

– Как это устроено?

– И где мы, кстати? – добавил Илюшин.

– Халаты дать? – осведомился провожатый. – Нет? Как хотите... Так, в обратном порядке: мы во втором гроте. Первый – справа от нас.

– Сколько их всего?

– Четыре, по числу девушек. Теперь что касается того, как это устроено...

– Не надо, уже сам сообразил, – махнул рукой Бабкин. – Вы спроектировали два озера, так? Они находятся в соседних куполах...

– Нет-нет, оба в одном. Мы сейчас находимся в «скалах». Именно поэтому здесь нет неба. Фактически мы с вами стоим за теми пещерами, в которых переодевались.

– Ясно... Значит, два озера. И они соединены... Чем, кстати? Трубой?

– Искусственный тоннель в скале, – уточнил Саша. – Широкий, между прочим. Заметил, что, когда мы плыли, противоположная стена была достаточно далеко?

– Я ее вообще не увидел, – признался Сергей. – Ладно, пусть тоннель. Берег второго озера вы разделили на четыре бухты, в каждой из них соорудили пещеру. Ничего не забыл?

– Забыл, что в пещеру можно попасть двумя путями: водным или лабиринтом, – добавил Макар.

– Точно, – кивнул Саша. – В задней стене каждого грота есть дверь,

она выводит в коридор, а тот идет вверх, в соседнее здание. Первый раз вы шли как раз через лабиринт. Только мы его так не называем.

– А как называете?

– Да просто – «коридор», как я и сказал. В нем есть свои развлечения: водопад, например, а за ним небольшой бассейн. И еще кое-что... так, по мелочи. Девушки приходят на работу обычным путем, а клиенты предпочитают попадать сюда через озеро.

– Да... – протянул Бабкин, – красота... Нырнул, выныриваешь – а тут тебя русалка ждет!

– Не обязательно тут. Иногда и в воде. А может и вверх подняться: девчонки – отличные пловчихи. Их специально подбирали, чтобы в воде игрались, не уставая...

– Они что, действительно плавают в этих костюмах? – спросил Илюшин. – Наверняка им жутко неудобно!

– Ошибаетесь. Пойдем посмотрим...

Саша поднялся и, отряхивая крупный песок, направился в грот. Остановившись возле стены, отодвинул край висевшего на ней серо-зеленого ковра, и за ним обнаружилась небольшая комнатка, в которой стояло высокое зеркало и были набросаны какие-то серебристые сетки.

– Вот, смотрите.

Под серебристой сеткой обнаружился костюм. Присев на корточки, Саша очень бережно разложил его на песке и поднял глаза на Макара:

– Видите?

При ближайшем рассмотрении костюм оказался похож на удлиненный купальник, сперва сужавшийся книзу острым клином, а затем расцветавший пышным треугольником хвоста. На серебристую просвечивающую ткань купальника были нашиты лепестки чешуек: синих, зеленых, золотистых... Костюм переливался, поблескивал, и Илюшин живо представил, как красиво должна смотреться в воде девушка в этом наряде.

– До коленок он ноги стягивает, а дальше – хвост, – пояснил Саша. – В хвосте – лапа. Она, кстати, вынимается. Но и двумя ногами вполне можно бултыхать. Девчонки так наострились плавать, что за ними не угонишься. Справа и слева есть карманы. – Он поднял чешуйки там, где они были особенно частыми, и Макар с Бабкиным увидели два надреза на ткани. – Ткань специальная, эластичная, с особой пропиткой – такие используют спортсмены, пловцы. Но для вас, наверное, это не существенно...

Он сложил костюм и встал.

– Сдается мне, – протянул Сергей, – что в этом вашем гроте есть еще сюрпризы. Вот, комнатка потайная обнаружилась. Давай рассказывай, не

стесняйся.

– Да никаких сюрпризов!

– Неужели? А что закрывает вон тот ковер? – Бабкин указал на противоположную стену грота. – Неужели просто так висит, для красоты?

– За ним – душ и туалет.

– Ясненько... Тогда рассказывай про ваших русалок.

Глава 2

Он вышел из дома, насвистывая, потому что настроение было отличное. Отличное! Главное – дни установились совершенно сентябрьские, сухие, как высохший лист, и было не жарко, но и не холодно. Ему хотелось думать, что бабьего лета не случится в этом году, потому что он ненавидел бабье лето. За название, конечно же. Оно его душило – солнцем, запахами, липкой своей теплотой, в которой он чувствовал неправильность: тепло должно быть летом, а не осенью.

– Никакого бабья-лета, я люблю тебя за это! – пропел он бессмыслицу и широко улыбнулся.

Накануне он собрал антоновку с трех яблонь, росших в саду возле дома, и разложил ее по деревянным ящикам, поставив их в прихожей один на другой. Он всегда собирал слегка недозрелые яблоки, еще зеленые – они дольше хранились, да и на вкус нравились ему больше. Мать насмешливо называла их кислятиной, но и сама не брезговала в ноябре утащить яблоко и схрумкать его, морщась от кислоты.

На электричке он проехал несколько станций и вышел там, где раньше никогда не выходил. Ему понравилось место: не слишком людное, потому что поселок виднелся только метрах в пятистах, и было ясно, что он совсем небольшой; с хорошей, в меру загруженной трассой и с широкой обочиной. Обочины имели значение, и он частенько выбирал дороги именно по ним.

Спрыгнув с платформы, он пошел, конечно же, не в сторону поселка, а туда, откуда доносился гул машин. Трасса. Место, откуда все начинается и где все заканчивается. Свистящее «трасса», похожее на след от выстрела, нравилось ему куда больше, чем протяжное «дорога». Дорога – это проселочная колея, по которой хорошо ехать на велосипеде, подставляя лицо ветру и солнцу, а трасса – это нерв, это его жизнь, это струна, на которой талантливый гитарист сыграет то, что захочет. А он – талантливый.

В глубине души он считал себя романтиком.

С километр он прошел не торопясь, совершенно не чувствуя тяжести гитары за спиной. Пара машин притормозила, но он с улыбкой отрицательно покачал головой: нет-нет, спасибо, пока не надо. Второй водитель даже дружески помахал ему рукой на прощание, и Гитарист в шутку отдал честь.

Вот что доставляло ему настоящее удовольствие: осознание того, как легко использовать стереотипы в своих целях. Молодые парни надевают

футболки с ярким рисунком-принтом и думают, что таким образом они привлекают к себе внимание. «Я убил Че Гевару!» – кричат надписи на их одежде. «Здесь должно быть твое рекламное место!» «Погладь кота!»

– Погладь кота, пока он живой... – пропел Гитарист на мотив любимого «Чайфа», – люби его таким, какой он есть!

«Дурачье! – вот что он сказал бы этим молодым парням, если бы захотел. – Вы думаете, необычная одежда привлекает внимание к ее владельцу? Это иллюзия. Девять человек из десяти после происшествия смогут во всех подробностях описать рисунок на футболке и рассказать о шрифте, которым выполнена надпись, но только один окажется в состоянии описать человека в этой футболке!»

Стереотипы, стереотипы... Женщины напичканы ими, как фаршированные курицы – рисом. Да и не только женщины. Умело используя их, вы можете стать невидимкой. Можете вызвать доверие у людей одним своим видом. Можете притвориться безобидным кроликом.

Он вспомнил, какой восторг вызвал у него когда-то рассказ Честертона, в котором преступник в форме почтальона попадал повсюду, куда хотел, и выходил незамеченным, потому что «никто не обращает внимания на почтальонов». Он тогда почувствовал, что столкнулся с чем-то большим, чем просто забавное наблюдение, использованное в сюжете, – он столкнулся с практическим волшебством! Знание психологии, навыки манипулирования сознанием – назовите это как угодно... Суть останется одна: если вы поняли, как это работает, то вы стали гораздо могущественнее большинства окружающих вас людей.

Человек с гитарой за спиной дошел до поворота, оглянулся назад и убедился, что поселка уже не видно. Пройдя еще немного, он остановился, почесал нос и улыбнулся.

– Вы не поверите, – вслух сказал он, – какое воздействие на людей оказывает обычная гитара!

Достать табличку из широкого кармана туристических штанов – дело нескольких секунд. Он упаковывал ее в полиэтилен, чтобы она не мялась, и хотя в кармане табличка сворачивалась в несколько раз, надпись все равно читалась отлично. В меру потертые джинсы, рубашка с длинным рукавом, свитер завязан рукавами на поясе – он выглядел не совсем типичным автостопщиком, но это не имело большого значения. Иногда он и вовсе не доставал свою бумажку, ограничиваясь поднятой рукой. Вот как сегодня, например... Определенно, сегодня будет достаточно руки.

Так вот, гитара... Обычных автостопщиков чаще подбирают мужчины, чем женщины, а все почему? Потому что последние по природе трусливы,

панически трусливы. Они пытаются обезопасить себя. За доли секунды оценивая незнакомцев, они сортируют их, и в коробочку с наклейкой «безопасен» отправляются не больше двадцати процентов. Разве может молодой мужчина, ловящий на трассе машину, попасть в эти двадцать процентов? Вряд ли. Очень сомнительно.

Если только у него нет гитары.

Но гитара принципиально меняет положение дел! Парень с гитарой – это символ чьей-то юности, костров и палаток, песен о солнышке лесном и синей птице, которая обитает рядом с огнегривым львом. Это безбашенная молодость, какая бывает только у романтиков – ненастоящих, выдуманных, живущих в книжках и чужих воспоминаниях. Гитара создает вокруг вас невидимый ореол «своего» парня – парня, который, может, и станет мучить вас песнями собственного сочинения и душераздирающим исполнением чужих, но от которого не стоит ждать ничего плохого. Разве что он забудет вернуть вам небольшой должок и расскажет десяток бородатых анекдотов, над которыми сам же и будет похохатывать.

От парня с гитарой не ожидают ничего плохого.

Он подошел на шаг ближе к трассе и поднял руку с выставленным вверх большим пальцем.

– День такой хороший, и старушки крошат хлебный мякиш сизым голубям...

Он напевал под шум машин и, когда остановилась первая – серый «Пежо», не переставая напевать, пошел к ней. Он уже видел, что за рулем сидит мужчина, и, наклонившись к окну, улыбаясь заискивающе и просяще, назвал самый неудобный пункт назначения, какой только можно было придумать. Водитель отрицательно покачал головой, и Гитарист улыбнулся вслед отъехавшей машине.

Еще три тоже оказались мимо. Одна почти попала в цель, но он вовремя заметил на заднем сиденье подростка, насупленного некрасивого мальчишку. Гитарист сделал вид, что перепутал названия городов, быстро поправился, и женщина развела руками – нет, ей с ним не по пути. Жаль, сказал он, но в любом случае счастливой вам дороги! И подмигнул мальчишке, который, кажется, смутился от этого.

Светло-голубая «Мазда» вылетела из-за поворота на такой скорости, что он, хоть и стоял далеко от шоссе, все же отошел на несколько шагов назад. И когда она резко затормозила, разбрызгав мелкую гальку с обочины, он почувствовал, как будто потянули за струну в сердце.

Легко ступая, взглядываясь сквозь лобовое стекло, он пошел к машине, а струна все дзынькала и дзынькала, подсказывая, что наконец-то он ее

нашел!

– Куда тебе, товарищ? – спросила сидящая за рулем девушка, сильно упирая на последнюю «щ».

Длинные волосы, обтягивающий свитер, пальцы с короткими вишневыми ногтями, на которых облупился лак. Заинтересованный взгляд – Гитарист ей понравился, но пока она не определилась до конца, в какую коробочку его положить.

– В Пирогово.

Он сбросил гитару с плеча, как будто устал ее держать. Это тоже был безупречно рассчитанный ход, который почти никогда его не подводил: людям становилось неловко отказывать человеку, который понадеялся на их доброту.

– Залезай!

Подчиняясь ее команде, он забрался на пассажирское сиденье рядом с ней, а гитару забросил на заднее. «Мазда» рванула с места так, что его откинуло на спинку кресла.

– Пристегнись, гитарист!

Его позабавило то, что она назвала его настоящим именем. Все-таки не зря говорят об их феноменальном чутье.

Она завязала разговор: кто он, откуда, куда идет... Он отвечал, поглядывая на нее, отмечая про себя, что появилась новая порода – с синими ресницами. Волосы белые, губы выпуклые, как у рыбешки, а длинные ресницы – синие, с крошечными комочками у оснований. На правой руке, лежавшей на руле, поблескивал тонкий золотой браслет-цепочка.

– Чего смотришь? Любуешься?

Она засмеялась, и он заметил, что десны у нее розовые, сочные. За окном началась полоса лесопосадок, и то и дело с главной трассы соскальзывали серые ручейки проселочных дорог.

– Я пописать хочу.

От удивления она даже притормозила, взглянула на него.

– Стеснялся раньше сказать, – признался он, напуская на себя смущенный вид. – Извини.

– А чего стесняться-то? Думаешь, девочки не писают? Нашелся, блин, стеснительный. Ладно, я сегодня добрая!

Машина вильнула, остановилась у самых деревьев.

– Вперед! Туалет для мальчиков – справа.

Она снова засмеялась, и он ей улыбнулся.

Ветки и листья шуршали под ногами, осенняя паутина летела

обрывистыми ниточками. Он встал за широким стволом, за которым его точно не было видно, проверил, все ли на месте. Деревья вокруг одобрительно зашумели, он услышал зарождающуюся в глубине их корней симфонию. Ощущение, что он может дирижировать лесом, охватило его, и предчувствие горячей радости ударило в ладони. Ему пришлось сжать их, чтобы напомнить себе, что еще ничего не сделано.

Из леса он выскочил с растерянным лицом, добежал до «Мазды», немного запыхавшись:

– Слушай, такое дело... Короче, там сова лежит под деревом, живая, только оглушенная кем-то! Первый раз такое вижу!

– Да и черт с ней, – недовольно сказала девчонка. – Поехали!

Он покачал головой.

– Не, я не могу. Давай ты поезжай, а я останусь – посмотрю, чем можно помочь.

Она заколебалась. Все они, рожденные от одной праматери, были похожи, и он знал, за какие ниточки нужно их дергать.

Вождеделение. Она его хотела. Она пахла как самка, которой нужен самец, и он представлял, что сейчас творится в ее головке. Девчонка питала небольшие, но устойчивые надежды на то, что он попросит ее телефон, и мечтала, чтобы он потом позвонил. Теперь она прокликает его внезапно проснувшуюся любовь к братьям меньшим и материт его дурацкий альтруизм, но, с другой стороны, он предлагает ей прекрасный повод познакомиться поближе... И она решилась.

– А, хрен с тобой, пойдем!

Обежав машину, она фамильярным жестом взяла его под руку, словно он предлагал ей променад по пешеходной улице города, а не короткую прогулку по лесу. От неожиданного прикосновения его едва не передернуло.

– Далеко идти-то?

– Нет. Вон за тем деревом.

Он аккуратно высвободился, и девчонка, заинтересованная против своей воли, пошла чуть впереди, раздвигая кусты. Ее волосы, примятые от автомобильного кресла, рассыпались по спине – белые сверху, желтоватые на концах.

Он коснулся рукой травы, кончики укололи пальцы и ладонь, и сразу же на него накатилась первая волна музыки, как будто трава была ее проводником. Он глубоко вдохнул, чтобы задержать ее на секунду: волна прошла до горла и растворилась в нем, напитав его силой.

Теперь он знал: все получится, остановить музыку уже невозможно –

разве что задержать ненадолго. Ноздри его раздулись, впитывая запах животного, идущего впереди.

– Ну и где она?

Полуоборот, ее профиль, взмах синих ресниц, недовольно искривленные губы... «Еще не пора... Не пора... Не спугни ее!» Вынужденный следить за собственным голосом, он едва не пропустил вторую волну.

– Слушай, здесь была! Подожди-ка, наверное, за соседним деревом...

Голос у него стал низким, но это ее не насторожило. Она завертела головой, и он увидел, как белый клочок шерсти отделился от остальной массы волос, плавно спустился вниз и повис на ее свитере. Маленькие острые зубки, розовые десны... «При укусе крыса может заразить человека хантавирусом, летальный исход от которого составляет, если не проводить лечение, не меньше десяти процентов».

Вторая волна упала сверху, и от удара он едва не покачнулся. То, что оживало в нем, притягивало к себе со всех сторон звуки, и они из хаоса упорядочивались в стройную систему, математически выверенную конструкцию, выражавшуюся музыкой, безупречнее которой не могло быть ничего в мире. Он даже прикрыл глаза на несколько секунд, боясь, что может не выдержать, упасть оттого, что закружилась голова. Музыка выростала из всего вокруг, проникала в него, и он ощущал, что почти готов совершить то, зачем они пришли.

– Короче, мне это надоело! Пошли отсюда!

Ее визгливый голос ворвался фальшивой, режущей слух нотой в то, что пело вокруг, и не в силах уже противиться себе, он сделал ей знак замолчать.

– Ты чего это на меня машешь-то? Офигел?!

Но и ее вопль уже не мог помешать неотвратимому наступлению его симфонии. Мощный аккорд, взмах веток, синхронный всплеск листьев! Третья волна обрушилась со всех сторон, затопила его, опустошила и наполнила собою, и все тело стало жарким, будто вспыхнуло изнутри. Он ощутил такой мощный прилив желания, что оскалил зубы, чтобы не выплеснуться раньше времени, и крик вырвался даже не из его горла – из него всего, насквозь пропитанного торжествующей, гремящей, оглушительной симфонией смерти.

Она даже не успела ничего понять. Бусинки крови, забрызгавшие кусты, и красные росчерки на траве, и неровное расплывающееся пятно под его ногами – все это случилось уже следом за пиком его наслаждения, и он облегченно опустил на траву, слыша, как затихают в нем звуки,

просачиваясь в землю и возвращаясь туда, откуда появились.

Несколько минут он сидел, приходя в себя, чувствуя выступившую на лбу холодную испарину. Он всегда испытывал сильный приступ слабости и сонливость вслед за тем, как убивал крысу. Подыхая, они забирали у него часть энергии, но это было посильной платой за избавление от тварей.

На лежавшее под кустом тело упал лист. Он заставил себя подняться – нужно было довести дело до конца и уходить. Сделал надрезы в нужных местах, потом стащил с ее руки золотой браслет, огляделся, проверяя, не оставил ли чего-нибудь, что сможет его выдать... А затем, неторопливо и слегка пошатываясь, направился к трассе.

Ему пришлось подождать, лежа в кустах, пока проедут машины. И только когда шоссе опустело, он выбрался из укрытия, добежал до голубой «Мазды», вытащил оттуда гитару и убрал несколько своих волосков, оставшихся на подголовнике сиденья. Достав из кармана салфетку с пропиткой, старательно прошелся по всем поверхностям, особенно тщательно вытер дверную ручку.

Теперь можно было не торопиться. Человек в стоящей у обочины машине не вызывает подозрений, если он один.

Покончив со всем, он закрыл «Мазду» и забросил ключи в лес, не забыв протереть и их тоже. Повесил гитару на спину и зашагал вперед, насвистывая себе под нос веселую мелодию.

– Курить хочется... – страдальчески сказала Женька. – Черт, девочки, до чего же курить хочется!

Алька сочувственно посмотрела на нее, но промолчала. Оксана быстрым движением дотронулась до плеча подруги и тут же нервно отдернула руку, будто испугавшись чего-то. Она за последний час не сказала ни слова, в отличие от Женьки, которая начинала то ругаться, то ныть, то клясть на чем свет стоит «Артемиду» и всех, кого в нее занесло.

– И жрать хочется, – добавила Женька, присовокупив несколько крепких выражений. – Нас кормить будут сегодня или нет?! А?!

– Тише, Жень. Два часа назад кормили, – устало сказала Алька.

– А я еще хочу! Я проголодалась! У меня на нервной почве аппетит просыпается!

Она вскочила и стремительно прошлась по комнате, огибая столы, кресла и напольные вазы. Аля закрыла глаза и откинулась на спинку дивана.

Чувство времени было у нее от природы, и Алька знала, что они сидят в этой комнате четыре часа с четвертью. За все это время к ним никто не

заходил, не считая мальчика, принесшего контейнеры с теплой едой и забравшего пустую посуду спустя полчаса. До этого ее допрашивали почти сорок минут, и, поговорив с девочками, она выяснила, что и их допрашивали тоже – по отдельности. «Значит, не врут, что в гротах не установлены камеры», – подумала она сразу, как только услышала, какие вопросы задавали Оксане и Женьке. Парень, который вел допрос, молодой, напористый и злобный – впрочем, возможно, это была лишь выбранная для общения с ней маска, – кричал на Альку, и один раз ей показалось даже, что ее вот-вот ударят. Он постоянно подносил пальцы ко рту, непроизвольно теребя болячку на губе, и когда той же рукой замахнулся на Альку, она подумала, что укусит его, если он посмеет до нее дотронуться. Что-что, а кусаться она умела.

«Знаешь, в чем преимущество девчонок? – учила ее когда-то подруга. – В том, что мальчишки не кусаются. Не кусаются в драке, сечешь? Бить – пожалуйста, а кусать – нет. А ты можешь и бить, и кусать».

«Я могу и бить, и кусать, – повторила про себя Алька, будто полководец перед началом сражения, настраивающий солдат на нужный лад, открыла глаза, встала и подошла к большому прямоугольному зеркалу, широченная аляповатая рама которого плотно прижималась к стене. Алька готова была голову дать на отсечение, что за зеркалом полно разнообразной аппаратуры. – Пишите, пишите... Наблюдайте за нами. Смотрите: нам скрывать нечего».

Она поправила волосы, глядя себе в глаза, и вернулась на диван.

– Курить хочу, – обреченно проговорили из соседнего кресла. – Черт, до чего же я хочу курить!

– Итак, по порядку, – сказал Саша, стоявший почти вплотную к стеклу, и обернулся к Макару и Сергею. – В креслах сидят Клео и Эль, а та, которая сейчас подходила к зеркалу, – это Ливи.

– Замечательные славянские имена, – себе под нос заметил Илюшин.

– Их специально подбирали... таких? – поинтересовался Сергей, разглядывая девушек.

– Разумеется. Каждая из девочек воплощает определенный образ, который интересен нашим клиентам. Образ должен гармонично вписываться в роль. Скажем, толстухи вызывают влечение у многих гостей, но быть русалками они не могут, потому что жирная русалка – это смешно, а не сексуально.

– Да уж, в сексуальности этим троим не откажешь. – Макар наклонил голову набок, пристально оглядел рыжеволосую девушку, с угрюмым

видом стучавшую голой пяткой по ковру. – Рыжая – что за образ?

– Клео? Чувственность.

Рыжая Клео обернулась к шатенке, сидевшей с отрешенным видом на подлокотнике ее кресла, и что-то сказала. Длинная рубашка, натянувшись, обрисовала высокую грудь, и Бабкин еле сдержался, чтобы не присвистнуть. Девушка была хороша, как ведьминская дочь: с вьющимися длинными кудрями, чуть раскосыми глазами, которые – Сергей не сомневался – должны были по всем правилам отливать болотной зеленью, с розово-белой кожей того нежного оттенка, что характерен для рыжеволосых.

– Хотите, звук включу? – предложил Саша. – Их пишут, но можем и сейчас послушать.

– Не надо, – отказался Макар. – Сначала так на них посмотрим.

Бабкин подошел поближе к стеклу, присмотрелся ко второй девушке, на которой были надеты короткий топ и шортики, и мрачно осведомился:

– А ваших клиентов не пугает уголовная ответственность за развратные действия в отношении несовершеннолетней?

– Эль? – Саша искренне рассмеялся. – Как вы считаете, сколько ей?

Сергей немного подумал, рассматривая очаровательное детское личико со вздернутой верхней губой и нежным провалом ямки над ней. Шатенка, и тоже длинноволосая... Во всем ее облике было что-то от школьницы, в меру прилежной, в меру непослушной. Тонкие руки, неразвитая грудь, узкие бедра и длинные прямые ножки, ровные, как палочки...

– Хотите сказать, ей уже есть восемнадцать? – с нескрываемым скепсисом спросил он. – Дай бог, если пятнадцать.

– Двадцать три. Честное слово! – прибавил Саша, когда Бабкин обернулся к нему. – Поймите, это тоже образ! Нимфетка. Лолита. Ребенок. Очень востребована. Все-таки в каждом мужчине живет педофил.

– Я бы попросил не обобщать, – проворчал Сергей, снова поворачиваясь к стеклу. «Двадцать три! Черт, кто бы мог подумать...»

– Меня, если честно, больше интересует третья, – подал голос Макар. – Я не вижу, какую нишу она может заполнять. Или у вас есть роль блондинки? Это было бы слишком банально.

Все трое посмотрели на светловолосую девушку, откинувшую кудрявую голову на спинку дивана. В ней не было ни подчеркнутой сексуальности Клео, ни мнимой невинности Эль. Девушка как девушка, скорее очень симпатичная, чем красивая. Она напомнила Бабкину какого-то зверька, только он никак не мог сообразить, какого. На фоне ярких подруг она терялась.

– Ангел, – не раздумывая, ответил Саша. – Порочный ангел.

– Неужели? Может, конечно, мне отсюда не видны детали, но как-то не тянет она на ангела, тем более на порочного.

Та, кого назвали порочным ангелом, подняла голову и посмотрела на свое отражение в зеркале. А затем улыбнулась уголками губ.

– Она знает, что с этой стороны зеркала – комната? – удивился Бабкин.

– Нет. Никто из них не знает.

– Хм. Насчет «никто», боюсь, ты погорячился. Что-то мне взгляд ее не нравится...

– Точно говорю, не знает!

– Так почему «порочный»? – перебил их Макар. – Привлекательная женщина, не спорю, хотя ангельская красота мне представлялась чуть более... м-м-м... сдержанной. В этой слишком много жизни.

– Ливи работает недавно, – объяснил Саша. – Ее взяли на место другой девушки, Сони. Та была именно порочным ангелом – потом, если захотите, посмотрите запись. Голубоглазая, и мордашка невинная, а на деле – белокурая бестия. Но для Сони пришлось срочно искать замену, и никого лучше Ливи не нашлось. На самом деле русалка из нее отличная! Шеф за Алькой понаблюдал и сказал, что иногда русалка должна быть просто русалкой, без изысков.

– О, человеческие имена! – оживился Илюшин. – Алька – это сокращение от чего?

– От Аллы. Она Алла Рокунова, но все зовут ее Алькой.

– А две другие?

– Клео – это Женя Коромыслова, а Эль – Оксана Федорчук, – сказал Саша, и Бабкину показалось, что он смутился: сказка разбивалась о прозаические грубоватые имена.

– Женя Коромыслова и Оксана Федорчук... – повторил Макар. – Хорошо, с этими все ясно. А что за образ использовала убитая?

– Микаэлла – самая старшая из них, играла подводную царицу русалок. Была в их группе кем-то вроде начальницы отдела. Ее ампула – опыт.

– Сколько ей было лет?

– Сорок три.

Сергей присвистнул:

– Не старовата для роли русалки? Сорок три года... Я думал, у вас возрастной ценз для девочек очень жесткий.

– Не забывайте, что клиентам требуются разные типажи, – возразил Крупенников. – Она «холодная» блондинка, эдакая Снежная Королева.

Циничная, многое повидавшая, многое умевшая... В играх с клиентами отвечала за элемент садо-мазо, но детали надо уточнять у наших психологов. А в «групповухе» управляла игрой.

– В каком смысле?

– Вот смотрите, – охотно принялся объяснять Саша, – клиенты приходят на эту сцену не только для того, чтобы поплавать и провести время с русалками. Это было бы слишком банально. Точнее, такой день есть, называется «окно», и сегодня был как раз он. Когда «окно», гости делают что пожелают: хотят – в гротах развлекаются, хотят – в озерах плещутся... Но в другие дни разыгрываются сценарии, которые обязательно включают охоту, преследование: например, русалки утаскивают тонущих моряков на дно, или же наоборот – моряки охотятся за русалками. На дальней стороне озера спрятаны лодки, плот, ну и еще кое-какой... антураж. Некоторые из этих игр довольно... ну-у-у... жестокие, и тут Микаэлла была в своей стихии. Это и называется групповухой, а не то, что вы подумали.

– А то, что мы подумали, как называется?

Парень пожал плечами:

– Да никак. В групповой игре важно, чтобы кто-то подавал сигнал для слаженности действий: когда лодку начинать раскачивать или когда моряка «топить»... Это была обязанность Микаэллы.

– А как ее звали на самом деле?

– Так и звали: Микаэлла. Это ее настоящее имя. Микаэлла Костина.

Три женщины, сидевшие за стеклом, застыли неподвижно. Хрупкая нимфеточная красота, чувственная красота, теплая красота.

– Сперва, когда только осваивали эту сцену, взяли трех блондинок, – негромко сказал Саша. – Русалки-русалками: глазища огромные, сами гибкие, худые... Когда они подкрашивались и надевали костюмы, мне даже не по себе становилось. А потом тестовые опросы показали, что они не очень привлекают гостей. Только в качестве экзотики.

– Подкрашивались? – уточнил Бабкин. – А косметика в воде не смывалась?

– Специальная у них, она не смывается. Приглашали гримера, чтобы учил краситься. Девчонки теперь любое лицо себе могут нарисовать. И для волос у них какие-то баночки стоят в гримерках, чтобы не сосульками висели, а красивой волной лежали.

– В гримерках... Как все серьезно.

– А как же! Столько денег вбухать в «сцену», а потом на мелочах прокалываться? Не, шеф не такой человек, чтобы на этом экономить. Уж

если делает лучшее, то по высшему разряду.

– Значит, девушки приходят утром в клуб и расходятся по своим комнатам, так? То есть по гримеркам? – спросил Макар, прикидывая что-то. – А затем, уже в костюмах и в полной боевой раскраске, идут в свои гроты и ждут клиентов? Так?

– Не совсем. Красятся они действительно наверху. На самом деле гримерка у них одна на всех, просто в ней выделен закуток для Микаэллы, поскольку она у девчонок за старшую. Они рисуют мордахи, остаются в какой-то легкой одежде вроде той, которая сейчас на Оксане, и спускаются вниз через коридор, чтобы разойтись по своим местам. А уже в гротах натягивают костюмы. Если их наверху надеть, то сложно будет спускаться.

– Стоп! А как же тогда русалки передвигаются по берегу? – нахмурился Сергей, вспомнив рыбий хвост.

– Там есть две молнии, – объяснил Саша и, как показалось Бабкину, слегка сконфузился. – Они спрятаны под чешуей и при необходимости расстегиваются. Если расстегнуть нижнюю, то хвост распадается на две половинки, но ходить так все равно неудобно.

– А если верхнюю? – непонимающе спросил Сергей и тут же догадался по хмыканью Илюшина, зачем нужна вторая молния. – Понял. Вопрос снимается. Во сколько девушки пришли сегодня?

– В восемь. Каждую из них опросили сразу после того, как нашли тело.

– Во сколько это было? – Сергей успел достать блокнот и торопливо записывал, Макар внимательно слушал, полагаясь на память.

– В двенадцать с небольшим. Девочек развели по разным комнатам, их ответы записывались. Каждая говорит, что была у Микаэллы в пещере, но ни одна не признается в убийстве.

– Зачем они к ней приходили? – спросил Илюшин.

– Видите ли, у девчонок нет жесткого режима. Они не обязаны сидеть каждая в своем гроте и ждать гостей. Наоборот: чем более естественно они будут себя вести, тем лучше, поэтому они могут плавать вместе, заплывать друг к другу в гости, болтать, подниматься наверх и так далее.

Сергей кивнул и закрыл блокнот. Предстояло как можно быстрее изучить результаты предварительного опроса и самим провести беседу со всеми подозреваемыми. «До черта работы! Придется привлекать тех троих, которым платит Перигорский, но что они за работники – неизвестно».

Что-то смутно царапало его все время, пока он смотрел на девушек за стеклом... Какая-то очень простая, совсем очевидная мысль... Бабкин еще раз окинул взглядом троих «русалок» и наконец сообразил:

– Пойдите-ка! Саш, ты сказал, одна из пещер наверху – для спасателей?

– Ну да. Только им запрещено выходить оттуда, если нет...

– Если нет чего? Опасности для клиента, так?! А откуда им узнать, есть такая опасность или нет? Значит, имеются камеры. Логично?

– Логично, – с сожалением в голосе сказал парень. – Но камер нет.

– Как же тогда...

– Камер нет, зато есть тревожные кнопки. Во-первых, у каждой русалки такая в костюме, зашита в области бедра, чтобы можно было легко ее нажать. Она похожа на таблетку, хорошо прощупывается. Во-вторых, аналогичными напичканы все купальные костюмы гостей. Ну и последнее: не зря же постоянные клиенты третьей «сцены» именно те четверо, с которыми вы будете разговаривать... Они – люди тренированные, все – пловцы, и к тому же их регулярно осматривает наш врач. А уж для девчонок медосмотр раз в месяц – это вообще святое!

– А ты уже обрадовался, да? – поддел Сергея Илюшин. – Просмотрели бы запись и за пятнадцать минут раскрыли дело! А главное, до нас, таких умных, никто не догадался это сделать.

– Все, все, извалял мордой в грязи! – Бабкин поднял руки, сдаваясь. – Саш, что еще нам нужно знать?

Парень задумался, почесал за ухом.

– Понимаете, если все в деталях описывать, нам трех дней не хватит. Основное-то я, кажется, рассказал.

– А что за водопад мы видели, когда спускались в грот первый раз? – вспомнил Илюшин.

– А-а, водопад – обычная водяная завеса, а за ней «кастрюлька». Я вам про нее говорил. Бассейн с очень маленькой чашей, из нее быстро можно слить воду и почти так же быстро набрать.

– А смысл?

– Вода разная. Есть горячая с солями, есть еще с какими-то добавками... Честно говоря, не помню точно. Считается, что «кастрюлька» – лечебная, для тех, кому нужно мышцы расслабить после тренировки или еще чего-нибудь в этом роде. Хотите с врачом поговорить?

– Нет, пока не нужно. Преждевременно. Вот что, Саш: я хочу посмотреть записи рабочей группы, касающиеся клиентов. Расклад по времени: где, кто, сколько минут. Для начала.

– А потом?

– Потом будем с ними разговаривать.

– А ты не хочешь разделить: с девушками общаться буду я, а с

клиентами – ты? – предложил Сергей.

– Скорее мы сделаем так: пока ты опрашиваешь девиц, я изучу записи. А потом вместе займемся гостями.

«Сматываться нужно. Срочно».

Алька потянулась, сохраняя видимость спокойствия. Нельзя выпадать из образа. Она – веселое легкомыслие, порхающая бабочка, которую смерть начальницы может ненадолго выбить из колеи, но не расстроить и уж тем более не испугать. Удивление – вот ее главная эмоция. «Только бы дурочку не переиграть».

В том, что предстоят новые допросы, Алька не сомневалась. Перигорский, лысый хрыч, не мог так просто отдать их в руки прокуратуры вместе с любимым детищем, третьей сценой. С него сталось бы закопать труп в песочке на берегу верхнего озера и сделать вид, будто ничего не произошло.

Она покосилась на Женьку с Оксаной. Те были в своем амплуа: одна так и не вышла из роли разъяренной пантеры, вторая изображала полусонную куклу, которую опрокидывают на спинку, и глаза у нее закрываются сами собой. Однако за четыре с половиной часа заключения пыл «пантеры» несколько остыл, и видно было, что Женька прилагает усилия, чтобы держать себя в правильном настрое. Оксана, бледненькая от природы, сейчас показалась Альке мучнисто-белой, и она потянулась к ней, похлопала девушку по коленке:

– Эй, подруга! С тобой все в порядке?

Оксана приоткрыла синие глаза, с испугом уставилась на Альку.

– Как себя чувствуешь? Ты побледнела сильно...

– Я... – начала Оксана, но Женька не дала ей закончить:

– Странно, что не посинела! Почти пять часов сидим! Все, хватит! Надоело!

Она вскочила, и от ее резкого движения Оксана едва не свалилась с подлокотника.

– Что ты хочешь делать?

– Дверь хочу выбить, вот что!

Однако осуществить свое намерение метнувшись к выходу Женька не успела: дверь открылась, и в комнату вошли три человека.

Первый был Сашка Крупенников, к которому Алька относилась хорошо: мальчуган всегда обращался с ними уважительно и не позволял себе сальных заигрываний, в отличие от некоторых других помощников Перигорского. А вот двоих, остановившихся за ним, Алька видела впервые.

Слева, глыбой перегораживая путь к выходу, замер коротко

стриженный мужик с цепким взглядом темных, глубоко посаженных глаз, похожий на бывшего боксера, начавшего полнеть, но вовремя взявшего себя в руки. «Такой стукнет – из меня дух вон», – мелькнула у Альки неуместная мысль. Лицо у мужика было серьезное, мрачное.

А вот второй, стоявший рядом с ним, улыбался. Симпатичный светловолосый парень лет двадцати шести, с загорелым лицом. Следуя привычке, Алька перевела взгляд с лица на руки: длинная сильная кисть, «музыкальные» пальцы. С ходу оценив потенциальную угрозу, исходившую от этих двоих, которых, конечно же, привели к ним не просто так, она вдруг с удивлением почувствовала, что светловолосый, откровенно рассматривающий их, кажется ей куда более опасным, чем тот, второй.

Серые глаза остановились на ней, и Алька напряглась. Но парень кивнул ей как старой знакомой и перевел взгляд на Женьку.

Вот уж кто был великолепен! Когда Саша и его спутники только вошли в комнату, она замерла, словно наткнувшись на стену. Отчасти так оно и было, учитывая габариты стриженного. Но теперь, придя в себя, Женька собиралась устроить концерт: Алька видела это по ее позе, по тому, как Коромыслова потрянула рыжей шевелюрой и часто задышала, раздувая ноздри. «Истеричка! – с восхищением подумала Алька. – Но талантливая же!»

Талант Женьки проявлялся в том, что внушенную себе самой эмоцию она проживала за короткое время на полную катушку, и те, кто общался с ней, могли прочувствовать это на себе в полной мере. Женька будто была током, а затем цепляла крючком и не отпускала до тех пор, пока не выплескивала все накопившееся внутри за недолгий период спокойствия. Гостям она щекотала нервы: дикий нрав в сочетании с дикой же красотой производили сильное впечатление на мужчин. Женька была из тех русалок, которые, хохоча, заманивают моряков на дно и зацеловывают до смерти.

Альке казалось, что все Женькины чувства подкрашены яростью, даже те, с которыми этот ингредиент не сочетается вовсе, – например, любовь к Оксане. Прежде они дружили втроем: Коромыслова, Оксана и Соня, и когда после смерти Сони на ее место взяли Альку, Женька не сразу примирилась с этим.

– Ты! – Коромыслова выставила вперед тонкий пальчик и брезгливо ткнула Сашу в грудь. – Ты знаешь, сколько мы здесь сидим?

– Женечка... – начал парень, но больше ему ничего не удалось сказать.

– Я тебе не Женечка! Пять часов! И хоть бы одна тварь за это время пришла нам сказать: «Потерпите, девочки!» Вы с нами как с половыми тряпками обошлись! Дали вонючие подачки – нате, пожрите!

Коромыслова сделала шаг вперед, и лицо ее оказалось напротив Сашиного лица. Алька подумала, что он сейчас отшатнется, но тот лишь вздохнул.

– Что, чуть какой капец случился, так можно об нас ноги вытирать, да?!

Алька отвлеклась от пылкой Женькиной речи, потому что заметила, как переглянулись двое, стоявших за крупениковской спиной. Младший ухмыльнулся краем рта, старший чуть заметно качнул головой. Как ни короток был этот обмен мнениями, Аля успела перехватить его и неожиданно для самой себя прониклась уверенностью, что эти двое – приятели. Не просто хорошо знакомые люди, долго работавшие вместе и привыкшие понимать друг друга без слов, а именно приятели, между которыми состоялся вполне развернутый диалог.

Тем временем Женька, все ближе подступавшая к Саше, все-таки вынудила его податься назад, так что тот едва не наступил на ногу стриженому, и повысила голос настолько, что Альке захотелось заткнуть уши. Конец ее выступлению был положен неожиданно.

– Сударыня, в гневе вы прекрасны, – с издевательской, как показалось Альке, вежливостью сказал светловолосый. – А когда успокоитесь, будете и вовсе неотразимы.

Женька, оборвав фразу на полуслове, стремительно обернулась к наглецу, собираясь испепелить его взглядом, но то ли подействовало старомодное «сударыня», то ли силы ее иссякли на Крупеникове, но, к удивлению Альки, встретившись глазами с парнем, Коромыслова ничего не сказала. Воспользовавшись паузой, тот шагнул вперед и представился:

– Макар Илюшин. А это мой напарник, Сергей.

Стриженный коротко кивнул.

– Мне очень жаль, что вам пришлось долго просидеть взаперти, – продолжал Илюшин, – но придется отнять у вас еще немного времени. Нам нужно побеседовать с вами. Вы не возражаете?

Отчего-то он обратился персонально к Оксане, и та, почувствовав на себе всеобщее внимание, вздрогнула:

– Я? Нет, не возражаю... Чего я буду возражать...

– Чудесно. Давайте сделаем так... Вы провели здесь больше четырех часов и наверняка проголодались. Я попрошу, чтобы принесли горячей еды, а потом, когда вы, не торопясь, пообедаете, мы поговорим. Не будем же мы мучить голодных девушек...

Он улыбнулся извиняющейся улыбкой, развел руками. Наступила тишина, в которой три девушки осмысливали его предложение, а спустя

несколько секунд она была нарушена хором протестующих голосов: Оксана с Женей протестовали от души, Алька – за компанию с ними, чтобы не отделяться от коллектива.

– С дуба ты рухнул, что ли?! – подытожила всеобщее мнение Женька. – Мы тогда до ночи отсюда не уйдем! Давай сразу проводи свои беседы!

«До ночи мы отсюда в любом случае не уйдем, – мысленно сказала ей Алька. – Но ты удачно сыграла на руку этому обаятельному прохвосту».

– Ну, если вы настаиваете... – с сомнением протянул Илюшин.

– Настаиваем! Мы девушки честные, нам скрывать нечего.

Алька мысленно заплодировала светловолосому. «Ах ты умница! Изобразил видимость заботы о нас, без труда заработал расположение девчонок, а сам прекрасно знал, что мы откажемся...»

– Это хорошо, что нечего скрывать... Александр, где мы можем побеседовать?

– А? – встрепенулся Саша. – Да-да, конечно... Можете в соседнем помещении, там уже все подготовлено.

– Отлично.

Светловолосый снова переглянулся с насупленным, и тот кивнул.

«Вызывать будут по одной, – лихорадочно просчитывала Алька, – потом вести по коридору до соседней комнаты... Там эти двое, а даже если и один, это ничего не меняет – с ним не справишься. Хорошо, допустим, справишься. И что? Из клуба не выбраться: мимо охраны я не пройду... Думай, Алечка, думай!»

Бабкин бросил взгляд на блондинку, стоящую возле дивана с растерянным и несчастным выражением лица, и подумал, что из троих девиц она меньше всего похожа на убийцу.

Глава 3

«Во всем были виноваты женщины. Дьявольские отродья, источник греха на земле. Похотливые самки, вечно алчущие недоступного, они могли обмануть кого угодно – но только не его... Нет, не его!

Он видел их насквозь. У него вызывали отвращение их попытки приукрасить себя, потуги продлить короткую молодость, и он старался держаться подальше от тех, кто вошел в пору увядания, – такие становились особенно хищными, цепкими, жаждущими свежей души и крови, словно эликсира, способного даровать им еще немного юности. Граница проходила по двадцати пяти годам. Он не раз наблюдал – всегда лишь издали, осторожно, – как в глазах бабенки, еще вчера покорной и верной мужу, вдруг загорался бесовской огонь и незаметно для других охватывал ее всю. И тогда на лице, на теле, даже на ее одежде проступала печать порока. Юбки раздувались, потому что бесстыжий ветер лапал их жаркие бедра, и женщина млела от его прикосновений. Чепцы едва заметно сползали на затылок, и пряди волос выбивались из-под них – словно случайно. А их смех... Его передергивало, когда он слышал за собой негромкий рассыпчатый смех какой-нибудь из этих самок: смех женщины, которая смеется не оттого, что ей весело, а по какой-то другой причине. Но по какой – он никогда не мог понять.

По правде сказать, он их боялся.

Когда ему нужна была женщина, он покупал ее, как покупают еду, но, насытившись, сразу уходил. С блудницами все было честно, хотя они и считали, что своими фальшивыми стонами могут выбить из него побольше монет. Он и правда был щедр, но вовсе не потому, что верил их спектаклям.

И эта история, в которую он влип, как птица в смоляной силке, началась с женщины.

Ему нужно было задуматься еще тогда, когда он встретил ее на развилке дорог: пышная, как воскресный хлеб, волосы убраны под чепец так, что не выбьется ни одна прядь, и вся до того ладненькая, аккуратная, скромная... У большинства из них внешний вид обманчив, он это знал, но та толстуха казалась совсем безобидной.

Поначалу она испугалась, когда увидела его, и едва не припустила бежать, задрав свои юбки... Но потом поняла, кто перед ней, и на круглой мордочке отразилось любопытство. После осторожных приветственных фраз она подошла поближе и круглыми глазами осмотрела шест – он

обновил его только накануне, и в какой-то мере ему стало даже приятно, что наконец-то нашелся зритель.

– Это правда Крысиный Король? – голосом, обмирающим от сладкого ужаса, спросила толстушка.

Он покосился на верх шеста, как будто не сам набивал тушки совсем недавно, и небрежно кивнул.

– О-о-о! – Она восхищенно выдохнула, и рот у нее стал такой же круглый, как глаза.

Пухлый ротик, мелкие поблескивающие зубки, крохотные капельки пота над верхней губой... Он отвел взгляд. Незачем смотреть, лишнее это...

Она начала расспрашивать: где он был, что видел... Правда ли, что крысы разговаривают перед смертью и способны даже наслать крысиное проклятие? А правда, что ребенок, увидевший крысу с раздвоенным хвостом, если успеет топнуть три раза и сказать «черт-черт-черт, золото отдай!», может выкопать клад на том месте, где крыса сбросит свой хвост? А она сбросит, конечно же, поскольку это и есть сам черт, а черти боятся, когда их узнают! А правда, что если отрезать, высушить и потолочь крысиный...

Тут она наклонилась к нему и жарко зашептала, понизив голос. Когда он разобрал, о чем она шепчет, покраснел и отодвинулся. Святой Петр, что у них на уме, у этих баб?!

А толстушка настаивала, хихикала, из скромницы, которую он увидел в ней поначалу, на глазах превращаясь в ту самую разбитную бабенку, каких он опасался больше всего, и в конце концов он вскочил и стал собирать свой скарб. Она вскочила следом, не понимая, почему он уходит, и вдруг ее осенило. Значит, у него есть это снадобье с собой! Она обошла его вокруг, подозрительно рассматривая, и что-то в его внешности утвердило ее в этой мысли. С собой, конечно! Всем известно, что они, как колдуны, могут готовить удивительные снадобья из крыс! Пусть он отдаст ей совсем немного своего порошка! Хотя бы чуточку! Не хочет отдавать? Тогда пусть обменяет! У нее с собой в корзине отборные, свежайшие яйца, и если он только захочет, она отдаст ему все...

Но он не захотел. Однако чем больше он упорствовал в своем нежелании, тем сильнее толстушка убеждалась, что средство и впрямь у него имеется. Еще бы, раз он не желает обменивать его! Она уже замучилась перечислять, что есть у нее дома в хозяйстве из того, что она готова ему отдать не задумываясь.

И когда он, посмотрев на небо и прикинув, что день будет жарким,

стажил с себя и уложил в мешок сорочку и плащ, толстушка окинула взглядом его сухое поджарое тело и тут наконец поняла! Она поняла, что ему требуется, и, рассмеявшись над собственной недогадливостью, сказала, что согласна. Заодно они проверят, так ли действует крысиный порошок, как обещают.

Не дожидаясь его ответа, она присела рядом с ним, завязывающим мешок, придвинулась вплотную и выпятила и без того большую грудь, словно предлагая ему взвесить ее, пощупать и оценить, как на рынке оценивают мясо. Он отшатнулся, нелепо упал на спину, и она прильнула к нему, придавила сверху, схватила его руку и положила к себе на задницу. Рука тут же утонула в ней, как в перине. Самое отталкивающее заключалось в том, что все это время она не переставала болтать, и даже когда потянулась к нему своим пухлым ртом, продолжала изрыгать чудовищные нелепицы и хихикать.

Он увернулся от нее, отполз в сторону, оставив попытки сохранить достоинство, и вскочил. Толстушка перевернулась на спину и недоумевающе уставилась на него. Она вспотела, барахтаясь с ним, и теперь ее красные щеки блестели.

– Я... Я дам тебе снадобье! – выпалил он. – Без всякой платы.

Сначала она не поверила, но быстро убедилась, что он не врет, когда увидела, как аккуратно мужчина отсыпает из маленькой коробочки полпригоршни порошка. Ему показалось, что на лице ее промелькнуло разочарование, но, получив то, что хотела, она успокоилась. Сидела на траве, оправляя вокруг себя юбки, и смотрела, как он перевязывает мешок, хотя он предпочел бы, чтобы толстуха очутилась сейчас как можно дальше от него.

Когда он кивнул ей на прощанье, женщина потрясла мешочком с добычей и кокетливо сказала:

– Надеюсь, я тебя еще увижу. Расскажу, как подействовало твое средство!

Вот оно уже и стало *моим* средством, мрачно подумал он. Через год в деревне будут рассказывать легенды о таинственном снадобье из крыс.

– Куда ты сейчас? – спросила толстушка и, не слушая ответа, тут же добавила: – А, знаю! В Хамельн, верно? Говорят, там половодье крыс! Их, конечно, прокляли, как положено, но на этот раз что-то пошло не так. Еще говорят, что бургомистр обещает огромную награду тому, кто избавит от них город. А еще я слышала от Якоба – это дядюшка мужа, он приезжает к нам раз в год, – что видели крысу с короной на голове, и она шипела, словно змея, и высовывала жало! А у тех, кто на нее поглядел, потом

отсохли пальцы!

«Лучше бы у них язык отсох».

Он уже уходил, а она кричала ему вслед:

– И еще эти крысы забрались в ратушу и поместили все углы крысиными знаками! И теперь ни один человек не в состоянии туда войти!

«Крысиные знаки – это, очевидно, помет. Странно, что только углы...»

Лишь уйдя достаточно далеко, он разрешил себе замедлить шаг: до этого его снедало опасение, что бабенка догонит его и снова начнет рассказывать глупые байки. Переведя дух, он даже усмехнулся в отросшую бороду: интересно, поможет ли ей тот невинный состав, который он подсунул под видом целебного лекарства? Смесь сушеных травок, истолченная в пыль, была продана ему одним чудаком: лекарем не лекарем, колдуном не колдуном – святой Петр его разберет! Мельник, одно слово, а значит, водится с нечистой силой. Но помогал его подарок от крысиных укусов хорошо, как мельник и обещал. Вторым хитрым снадобьем, которое он сторговал у него, был сонный порошок. Крысолов временами пользовал его, правда, с большой осторожностью – стоило выпить чуть больше воды, в которой он разводил щепотку средства, и сон мог стать вечным. Полезная вещь, с какой стороны ни взгляни... Жаль, что запасов осталось совсем немного, а в тех краях он не скоро окажется снова, да и неизвестно, будет ли еще жив дед.

Дойдя до новой развилки, он остановился и задумался. Значит, Хамельн... Он не собирался туда идти, подумывал податься западнее, но если байки дошли и сюда, значит, дела в городе и впрямь обстоят неважно. Возможно, его уже кто-то опередил, но попробовать стоит.

Он почесал бороду и свернул на Хамельн.

Деревни стали попадаться все чаще и чаще по мере того, как он приближался к городу. Несколько раз его обогнали всадники на неплохих лошадях, по виду – торговцы: он успел рассмотреть притороченные к лукам седел объемные тюки. Каждый раз, слышав издали топот, он скрывался в лесу – не потому, что боялся, а потому, что никто не должен видеть его в том облике, в котором увидела толстуха. Во всяком случае, никто из города Хамельна и его окрестностей.

В конце концов он решил, что пора приниматься за дело. А самая первая часть его дела заключалась в том, чтобы стать фокусником.

«Что делает фокусник? – размышлял он, углубившись подальше в лес и остановившись под искореженным дубом необъятной толщины, по коре которого сновали черно-красные жуки. – Для начала отвлекает внимание.

Если этого не сделать, фокуса не получится. А людям нужны фокусы».

Да, людям нужны чудеса – в этом он неоднократно убеждался за годы странствий от города к деревне, от деревни к крепости. Порой он чувствовал родство с бродячими комедиантами, за тем исключением, что они спасали людей от скуки, а он – от смерти. «Еще неизвестно, что хуже», – мрачно пошутил он сам с собой.

От смерти, не меньше. Он вспомнил, как четыре лета назад на Вестфалию накатила лавина крыс. Никто не мог объяснить, откуда они взялись, и даже самые здравомыслящие люди стали подозревать козни дьявола. Крысы возникали отовсюду. Лес рождал крыс, поле рождало крыс, река рождала крыс – из воды они выбирались, блестя мокрыми шкурками, и, не обсохнув, бросались к деревням... Не исключено, что, подожди люди еще немного в бездействии, и крыс стало бы рождать небо.

Но до того, чтобы эти твари падали сверху, не дошло. Хватило и имеющихся.

Они съели все. Шурша, пища, возникая из всех щелей и, казалось, даже проходя сквозь стены, крысы оказывались в сараях и подвалах, на кухнях и в погребах, прятались в печах и до обморока доводили кормилиц, высовывая узкие хищные морды из люлек. Они объедали бока домашнему скоту, и не перечесть, сколько коров пало от их зубов. Говорили, что в тот год крысы поели многих младенцев, и он знал, что так оно и было. Что уж говорить о запасах! Он сам видел, как крысы, сбегавшиеся с разных сторон, подпрыгивали и вцеплялись в окорок, подвешенный на уровне головы взрослого мужчины. Сперва черная копошащаяся масса покрыла окорок так, что не видно было ни куска мяса, а затем на нее стали прыгать новые крысы, хватаясь за сородичей. Визжа, держась зубами за хвосты забравшихся первыми, свисая, как живые веревки, они взбирались друг по другу, кусая без разбора все, что попадалось под их мощные челюсти.

Он тогда стоял в стороне и смотрел, как они валятся вниз, увлекаемые на землю своими же собратьями. Когда свалились все, от окорока осталась только кость.

А чуть раньше на поля напали черви и жуки, пожирившие все, растущее из земли, не хуже крыс. Люди решили, что одно проклятие следует за другим, и лишь немногие, как он, знали истинную причину происходящего. И так же, как он, молчали.

Крысы были умны и голодны, их собралось столько, что насытиться прожорливым тварям оказалось невозможно. И тогда они начали охотиться на птиц. Если бы он не видел этого собственными глазами, то не поверил бы: к вороне, севшей на пашню, подбирались несколько крыс, и они

прыгали на нее с разных сторон. Словно передразнивая кошачьи повадки, они прижимались к земле, подползали ближе, а затем пружинисто подскакивали вверх, отталкиваясь всеми четырьмя лапами. Взлетающая птица, столкнувшись с крысой, падала на пашню, и там участь ее была решена.

Правда, лишь одна охота крыс из тех, что он наблюдал – а их было не меньше десяти, – закончилась успехом, но и одна из десяти – это много. Птицы боялись опускаться вниз и улетали прочь, подальше от новых врагов.

Поэтому голод наступил очень скоро. Люди ели кору, уходили в лес, чтобы раздобыть пропитание, но птичьи гнезда были найдены крысами куда раньше и разорены, а одними ягодами насытиться невозможно. Он сам появился в Вестфалии тогда, когда жители начали есть кошек – тех, что остались целыми после набегов крыс, и хорошо помнил, какими измученными и тощими были крестьяне, вышедшие встречать его.

Он сделал все как надо. Провел обряд, побеседовал с Крысиным Королем... А затем сообщил жителям, что ему нужен окорок. Да-да, хороший копченый окорок. Большой. Нет, он не знает, где они добудут его. Зато он точно знает, что с ними случится, если они не смогут его добыть. Крысиный Король сказал ему, что готов уйти, если от него откупятся, и он считает, что цена не слишком высока для того, чтобы бросать насиженное место.

Удивительно, но окорок они раздобыли – конечно, не такой большой и жирный, как ему хотелось бы, но в их положении и этот был чудом. Когда мясо несли по улице, у стоявших вокруг людей были такие глаза, что ему стало не по себе – похоже было, что они вот-вот сами бросятся на окорок, словно крысы. Но у людей хватило выдержки, а самое главное, страха перед ним, чтобы не сделать этого. Тогда он приказал всем разойтись, предупредив, что у тех, кто вздумает подглядывать, в носу отрастет крысиная шерсть, а в желудке заведется страшный зубастый червь. Неизвестно, чего они испугались больше – вряд ли шерсти, подумал он, глядя на их рожи. Этих шерстью в носу не возьмешь. Как бы то ни было, ставни оказались закрытыми плотно, и ни одна дверь не скрипнула, когда он проводил обряд изгнания.

Ему тогда помог деревенский дурачок. На убогого проклятие не подействует, успокоил он стоявших вокруг крестьян, а затем увидел по их лицам, что и без этих слов парня все равно оставили бы ему на съедение. То есть в помощь.

Когда все разбежались, он начинил окорок ядом так, как давно хотел

попробовать. Это было его собственное изобретение. Сперва острым железным прутом он проколол дырки в мясе, а затем заостренными трубочками, сделанными из высушенного купыря, тонкими и полыми внутри, утыкал мясо со всех сторон как можно глубже, вставляя их в готовые отверстия. Яд разболтал в воде, прикрикивая на дурачка, чтобы не отвлекался на его действия, а следил за костром – они развели вокруг узкую полосу огня, не дававшую крысам подобраться к окороку раньше времени. Затем взял самую длинную и тонкую трубку и очень осторожно приступил к завершающему этапу: всасывал раствор в трубку, вовремя останавливаясь, чтобы тот не попал в рот, а затем впрыскивал по очереди в каждую из тех, что были воткнуты в мясо. Закончив работу, он подождал некоторое время, а затем вытащил трубки из окорока.

Купырь, как он и опасался, оказался непрочен, и часть трубок поломалась... «Надо было дудник брать», – подумал он, но дудника на ближайшем берегу не росло, а искать подходящее болото с его зарослями не было времени. Они с дурачком потушили костер, и он приказал ему убираться, а сам отошел в сторону и принялся ждать.

Крысы пришли, не боясь его, и проделали с окороком все то, что и должны были проделать. А яд подействовал даже быстрее, чем он надеялся. Выходит, трубки не подвели.

После он разбросал по всей деревне трупы окоревших крыс, смазав некоторым из них шкурки заранее отрезанным с окорока салом. Но прочие сожрали бы их и без этого. Они сожрали отравленную падаль, и дохлые крысы убили живых. Так оно всегда и бывает, сказал он себе. Так оно и бывает, и не только с крысами.

Из окоченевших тушек получилась гора размером с дом. Он велел всем местным тщательно собрать дохлых крыс, припугнув их тем, что иначе Крысиный Король может разгневаться таким пренебрежением к его погибшим подданным, и жители подчинились. Они во всем его слушались – до поры до времени.

Конечно, они его боялись. Боялись и ненавидели. Когда-то их отношение причиняло ему страдания, но со временем он загрубел настолько, что стал находить в этом мрачное удовольствие. Нет, он вовсе не был избавителем в их глазах – всего лишь меньшим из зол. Но, избавившись от большего, люди очень быстро забывали о том, какой участи избежали, и искали, на кого обратить гнев за перенесенные мытарства.

Именно поэтому, закончив свою работу, он никогда не задерживался на одном месте. К тому же цена, которую он назначал, представлялась весьма

высокой даже до того, как крысы были уничтожены. А уж *после* их гибели она казалась и вовсе несоразмерной сделанному. Иногда находились охотники облегчить его тяжелую ношу, прибрав себе часть полученной им награды. Поэтому со временем он научился пугать их так, чтобы надолго отбить охоту идти за ним по следу, а испугав, пользоваться выигрышем во времени и быстро исчезать.

На тех крысах, которых жители хотели оставить себе в качестве наизидания и напоминания о том, что случилось, – как правило, это были особенно крупные звери, или странного окраса, или такие, у которых имелось редкое уродство, – он ставил свой знак: надрезал на загривке шкурку зверька крест-накрест, подсекал мышцы и немного приспускал кожу вниз, оставляя красный треугольник. В этом не было никакого особого смысла, но ему и не требовался смысл – достаточно того, что люди видели знак и помнили о том, кто его поставил.

Разложив под деревом свои вещи, он принялся неторопливо облачаться. Сперва сорочка, а на нее – верхнее платье, котта – но не такая, что носят честные горожане, не совершающие сделок с нечистой силой и не служащие ей, из одноцветной, хоть и яркой, материи, а пестрая, из лоскутов. Синий, желтый, красный, черный, зеленый... Он пристегнул рукава, один синий, другой желтый, и надел на голову желтое кале. Ткань, подкрашенная шафраном, немного выцвела от времени, но вышитый на ней знак – черная крыса с разинутой пастью, прижатая к земле красным посохом – был таким же ярким, как и в тот день, что вышел из-под иглы девушки-рукодельницы.

К шесту, на котором болталась связка набитых сухой травой крысиных тушек, он привязал несколько бубенцов. Теперь ему не нужно прятаться – наоборот, чем больше внимания он привлечет, тем лучше.

Последнее, что он бережно достал из своего необъятного мешка и повесил себе на шею, была дудочка – простенькая дудочка на шнурке. Он поднес ее ко рту, и короткие переливы огласили окрестный лес и спугнули любопытных дятлов с соседнего дерева.

Теперь он был полностью готов. Под дубом стоял тот, кому предстояло спасти город Хамельн.

Крысолов».

* * *

Комната, которую им выделили для допросов, напоминала будуар, но

Бабкин решил, что придирааться не стоит. Возможно, подумал он, для девушек эта обстановка подойдет как нельзя лучше.

Рыжая Женя Коромылова сидела в кресле напротив него, закинув ногу на ногу, освещенная мягким светом, падавшим из узкого, как бойница, окошка за спиной Сергея.

– Гражданин начальник, дай закурить, а? – нарочито гнусаво протянула она.

Некурящий Бабкин всегда носил с собой пачку сигарет и зажигалку, на опыте не раз убеждаясь, насколько вовремя предложенная сигарета облегчает общение.

– «Мальборо» только, – с извиняющейся интонацией сказал он.

– Плевать! Пускай «Мальборо»...

Бабкин протянул початую пачку, щелкнул зажигалкой, и Женя торопливо вытащила сигарету, закурила, затянулась с такой жадностью, что мысленно он посочувствовал ей – в гроте, конечно, курить русалке было нельзя, а в той комнате, где они сидели под наблюдением, тем более.

«Чертовски соблазнительна», – вот что приходило в голову, когда он смотрел на нее. Книжное какое-то выражение, немного устаревшее, но очень подходящее к рыжеволосой русалке, выпускавшей дым из четко очерченных, ярких, как маки, губ. «Чертовски соблазнительна». На тонкой руке болтался простенький браслет из разноцветного бисера, и Бабкин, удивленный тем, что красавица носит ерундовую вещицу, взгляделся в него. Не такой уж он был и простенький, этот браслетик: бусинки складывались в рисунок из цветов с желтыми серединками и белыми лепестками, незаметный на первый взгляд. Но русалке, решил Сергей, украшение совсем не подходило.

– Расскажи, как у тебя день сегодня складывался, – попросил он, непринужденно переходя на «ты».

– Я уже рассказывала!

– Ты невнимательно вспоминала, могла что-то важное забыть... Попробуй еще раз.

Слушая девушку и делая попутно короткие пометки в блокноте, Бабкин понимал, что она повторяет сказанное прежде. Была в гроте убитой два раза, один раз – одна, второй раз с Эль. «Эль – это у нас нимфетка... Проверить». Приходила поболтать, поесть сладостей, просто убить время: гости плавали в первом озере, соревновались друг с другом.

– А к тебе сегодня кто-то из них приходил?

– Приходил... Олечка, красавчик мой! С утра прибежал, как ошпаренный. – Она довольно усмехнулась. – Покувыркались мы с ним,

правда, недолго, и он уплыл. Ах!

Она картинно вздохнула, взглянула на Сергея из-под длинных ресниц. Интуитивно Женька догадывалась, что ему неприятно ее слушать, и постаралась зацепить его еще раз:

– Олежек, конечно, мальчик красивый, но хозяйство у него с Ванюшиным не сравнится. Да ты сам знаешь, наверное: грузин русского всегда в этом обскачет.

Женька двусмысленно улыбнулась, выпустила дым и решила, что теперь можно и поменять позу. Сняла правую ногу с левой, раздвинула их, на секунду замерла в непристойной позе, и ленивым движением закинула левую сверху. «Ну, хороший мой, краснеть будем?»

– Да-да-да, «Основной инстинкт» все смотрели, – кивнул Бабкин. – Ты, может, поудобнее сядешь?

– Мне и так удобно, не тревожся! – огрызнулась Женька, раздосадованная тем, что не удалось смутить этого большого угрюмого мужика, похожего на медведя.

– Тогда расскажи мне, что ты делала после ухода Олега. Кстати, во сколько он ушел?..

Когда Женька удалилась, Бабкин вздохнул с облегчением. В комнату заглянул Саша, озабоченно спросил:

– Кого теперь тебе прислать?

– Давай, что ли, эту... Эль. Кстати, где Илюшин?

– Он у шефа, они там с опергруппой разговаривают, смотрят показания клиентов. – Он поколебался, но не смог удержаться от вопроса: – Вытащил что-нибудь из этой ведьмы?

– Потом видно будет, – уклончиво ответил Сергей.

– Если кто и придушил Микаэllu, так это она! – убежденно сказал Саша. – Она же просто бешеная! Сейчас узнала, что ей отсюда никуда не уйти, и чуть лицо мне не расцарапала. А я что сделаю?! Распоряжение шефа! «Сидеть в клубе до тех пор, пока убийцу не найдут!»! Шла бы к нему да орала на него...

Бабкин подумал, что Евгения очень хорошо знает, на кого можно орать, а на кого нет, и Перигорскому не грозит услышать ее яростные выкрики.

– Зачем бы ей душить Микаэllu? – поинтересовался он. – Похоже, они были в неплохих отношениях... В гости друг к другу ходили, о клиентах, наверное, сплетничали.

– Ну не знаю...

По Саше было видно, что он разочарован. «Наверное, хотел, чтобы я сразу рыжую расколос. Раз – и готово! Убийца рыдает, раскаявшись, и все довольны».

– Давай сюда вашу нимфетку, – попросил Бабкин. «Ох, эта сейчас тоже начнет выкаблучиваться...»

Оксана вошла, замерла посреди комнаты в растерянности, и одного взгляда на нее Сергею хватило, чтобы понять: эта выкаблучиваться не будет. Девушке было не по себе. Она избегала встречаться взглядом с Бабкиным, и он почувствовал себя мучителем детей. Ему пришлось напомнить себе, что перед ним не ребенок, а двадцатитрехлетняя девушка.

– Сядьте, пожалуйста, – сказал он.

– Я никого не убивала! – выдавила Эль и подняла глаза на Сергея. В них был страх. – Честное слово, не убивала!

Бабкин сообразил, что она боится не кого иного, как его. «Черт, Илюшин бы сейчас очень пригодился... Вот кто умеет разговаривать с перепуганными девицами всех мастей».

– Оксана, послушайте... – как можно мягче сказал он, вспомнив уроки Макара, – вас никто ни в чем не подозревает. Мы с вами немного поговорим о том, что вы сегодня делали, а потом вы вернетесь в свою комнату и сможете поесть. Вы же наверняка хотите есть, правда?

Бабкин говорил, почти не задумываясь, помня то, чему учил его Илюшин: женщина реагирует в первую очередь на интонации, и только во вторую – на смысл произносимого. Ему самому верилось в это с трудом, но, судя по Эль, Макар был прав: девушка немного ожила, опустилась в кресло, сжав колени.

– Ну, вот и замечательно... А теперь вспомните, пожалуйста, во сколько вы пришли в клуб?

Оксана осторожно наблюдала за мужиком, что-то записывавшим в блокноте, и следила за тем, чтобы не расслабляться и не менять положение тела. Ножки вместе, пальцы рук переплетены и прижаты к груди. Во-первых, так она кажется совсем худенькой и юной, а во-вторых, у нее очень выигрышные запястья. Пусть посмотрит, дурачок.

Ей хватило одной минуты, чтобы он заговорил с ней не тем голосом, что был у него вначале, а таким, каким неизбежно начинали разговаривать с Эль рано или поздно почти все мужчины: заботливым и ласковым. У многих появлялись воркующие ноты, но по этому шкафу видно, что от него воркующих нот ждать не приходится. Поэтому он не понравился Оксане: она предпочитала управляемых мужчин.

Она часто называла себя Эль, и в мысленных разговорах обращалась ко второй стороне своей натуры в третьем лице: «А что Эль хочет? А что Эль порадует? Эль, это нам понравится...» Становясь Эль, она на глазах сбрасывала несколько лет, растягивала гласные, двигалась порывисто, иногда неловко. Кожа у нее была от природы тонкая, нежная, и окружающие считали, что Оксана не пользуется косметикой, но только Ливи и Клео знали, сколько времени уходит у нее на правильный макияж. «Что макияж! Через пару лет придется в носогубки рестилайн уколоть... А может быть, и лоб поправить...»

– Знаете, Мика была очень злая, – услышала Оксана свой голос, и в первый миг испугалась, не сболтнула ли чего-нибудь лишнего. Задумавшись, она потеряла нить беседы, позволила себе плести невесть что...

Конечно, «медведь» зацепился за брошенную фразу.

– Злая? В чем это проявлялось?

Оксана решительно загнала Эль поглубже и добросовестно задумалась, стоит ли честно отвечать на вопрос. Выходило, что правда ей ничем не повредит.

– Например, она Ливи терпеть не могла. Изводила ее, приставала к ней!

– Почему?

– Не знаю... Она вообще-то к нам с Клео тоже приставала, но не так сильно. А к Ливи – просто постоянно! То заявляла, что у нее в гроте грязно, то грозила рассказать шефу, что Ливи отказывается делать завивку...

– Завивку? – непонимающе переспросил Бабкин.

– Ну да, завивку. Мы обязаны волосы завивать.

– Зачем?

– Чтобы, когда из воды выходишь, смотрелось красиво: кудряшками, а не сосульками. Вы никогда не замечали, что если у девушки прямые волосы, то они ужасно выглядят мокрые? А нам нужно быть хорошенькими, мы же русалки! Поэтому раз в полгода специальную завивку делаем – и я, и Клео, и Мика...

– А Ливи что, отказывалась?

– Ага. У нее волосы от природы вьющиеся, они и так красивые, зачем их завивкой портить? А Мика ругалась, кричала на нее. Говорю же, злая! И гадости постоянно ей говорила. Ливи терпела, потому что она недавно работает, ей нельзя ни с кем ссориться. Игорь Васильевич очень этого не любит.

– Кто из гостей чаще бывал в гроте Микаэллы?

– Сушков и Олежек, – не задумываясь ответила девушка.

«Олежек... Второй раз слышу про этого Олежека. И к Рыжей он заплывал утром, и у убитой был частым гостем. Интересно, что там Илюшин нарыл...»

– Я замерзла, – пожаловалась Эль, трогательно поводя худыми плечиками. – Можно я пойду? Я вам уже все-все рассказала, честное слово!

Бабкин взглянул на нее, и на долю секунды у него мелькнуло ощущение фальши. Но оно тут же прошло.

– Я сейчас Сашу позову, – сказал он и поднял трубку телефона, не заметив торжествующего блеска в глазах Эль.

Когда снаружи послышались шаги, Алька подобралась и приказала себе немедленно стать умной, хитрой и сильной. И желательно еще невидимой. Можно даже просто невидимой, и бог уж с ними, умом и хитростью. «Мне нужно бежать отсюда, любым способом бежать!» Но когда Крупенников зашел в комнату и жестом показал, что наступила ее очередь, Алька выглядела всего лишь взволнованной и в меру уставшей от долгого ожидания.

– Что, обидела тебя Клео? – сочувственно спросила она у Саши.

Криков Женьки она не слышала, но догадывалась, что та не могла спокойно принять известие о том, что им придется находиться в «Артемиде» до тех пор, пока Перигорский не даст разрешения уйти.

Крупенников только вздохнул.

Они вышли из комнаты с зеркалом, где последние сорок минут Алька сидела в одиночестве, и направились в ту часть здания, где располагались кабинеты врача, массажистов и еще какие-то помещения, в которых она никогда не бывала. «Если ударить Сашку, толкнуть, то можно добежать до комнат и спрятаться в одной из них... Нет, бесполезно. Даже если какая-нибудь окажется открытой, меня очень быстро найдут. Ну же, Аля, думай!»

Из-за двери, мимо которой они проходили, раздались мужские голоса, и она вздрогнула. Саша покосился на нее.

– Все на нервах, – пробормотал он. – Скорее бы это закончилось.

«Боюсь, это закончится не совсем так, как ты надеешься», – мысленно сказала ему Алька, прикидывая, чего ей стоит ожидать. С ней будет беседовать один из тех двоих, что заходили полтора часа назад... Или оба. Если оба, то у нее точно ничего не получится, а вот если один, то шанс есть. Отвлечь его, ударить чем-нибудь тяжелым, и пока он валяется без сознания, выпрыгнуть в окно... «И торопливо закопаться в землю, – закончила она. – Потому что мимо охраны я не пройду, а через стену не

перелезть».

Панический страх, подступавший к ней с того момента, как их собрали вместе и стало ясно, что с территории клуба ей не выйти, накатил снова. «К черту! Выбраться хотя бы из здания, а там будь что будет!»

Но когда они вошли в комнату, где спиной к окну сидел тот, похожий на бывшего боксера, она сразу поняла, что не выберется. Никак. Несмотря на то, что он был один и Алька сразу схватила цепким взглядом, чем его можно было бы ударить.

Но окно! – черт возьми, окно было такое узкое, что даже ребенок не пролез бы в него, и она едва не вскрикнула от разочарования. Крупенников вышел, оставив ее вдвоем с Сергеем – она вспомнила, как его зовут, – и Алька села в кресло, пристроилась на самом краешке. Не для того, чтобы вызвать жалость, а потому что вскакивать с краешка было бы легче, чем из глубины кресла, а она не исключала, что ей все-таки выпадет шанс. Жизнь научила ее, что шанс выпадает всегда, главное – заметить его.

Бабкин отложил блокнот и внимательно посмотрел на девушку. Она напомнила ему типаж, вошедший в моду вслед за появлением на киноэкранах Мэрилин Монро: очаровательная блондинка-хохотушка, глуповатая или притворяющаяся таковой, легкомысленная и ветреная. Только в этой не было выставленного напоказ, всячески подчеркиваемого сексапила, и фигура больше соответствовала современным вкусам. «Ну да, не зря же Саша говорил о том, что пышнотелая русалка им не подходит».

Вглядевшись в ее лицо, Сергей сообразил наконец, какого зверька напоминает ему Алла Рокунова. Лисичку. Треугольное личико, чуть раскосые, широко расставленные серые глаза под светлыми бровями и вздернутые уголки губ, придававшие ее лицу выражение лукавства.

– Ко мне можно на «ты», – быстро сказала она, пока он не успел ничего спросить. – Давай уж без формальностей.

Пожалуй, по первому впечатлению она нравилась ему больше, чем Клео и Эль...

– Это ведь ты нашла тело?

– Да. Но я ничего не трогала!

– Я и не говорю, что трогала. Итак, ты увидела, что Костина лежит возле воды... Кстати, ты вошла через дверь?

– Да... Я зашла – дверь была открыта – и увидела ее. И сразу поняла, что она мертвая! Она так лежала... и эта веревка... Я даже не стала близко подходить. Кажется, закричала и нажала на кнопку в кармане костюма. У нас всех есть такие тревожные кнопки, которые...

– Я в курсе. Что потом?

– Почти сразу приплыли спасатели, но они тоже при мне ничего не трогали. Только отругали меня за то, что я...

Ливи осеклась и смутилась.

– «Что я» – что? – встрепенулся Сергей.

– Я украшения в сундук собрала, – призналась она, отводя глаза. – У нее стоял сундук с драгоценностями, его опрокинули, и часть просыпалась в песок. Мне было страшно смотреть на мертвую Мику, поэтому я отвернулась и стала складывать всю эту бижутерию обратно.

Бабкин выругался про себя: никто не сказал ему о том, что сундук опрокидывали. Это могло не иметь ни малейшего значения, а могло и иметь.

– Зачем ты приходила к Костиной?

– Она сама хотела, чтобы я к ней зашла. Не знаю, зачем.

Он задал еще несколько вопросов, но Ливи повторяла то, что говорила оперативникам – почти сразу же в грот по тревоге прибыло начальство, и ее отправили в отдельную комнату, где дважды допросили, а затем привели туда Эль и Клео.

– Расскажи, что ты сегодня делала утром? – привычно попросил Бабкин.

Ничего нового Рокунова не рассказала. Она тоже, как и Клео с Эль, была утром в гроте Микаэллы.

– Выслушала полагающуюся мне порцию...

Девушка запнулась, и Сергей пришел на помощь.

– Помоев, – подсказал он, внимательно следя за ее реакцией.

Она не смутилась, только нахмурилась.

– В общем, да... У Микаэллы был не самый легкий характер, от нее многим доставалось.

– Но тебя она особенно не любила.

– Она никого не любила, кроме своего сына, – спокойно сказала Алька. – Про него могла бесконечно рассказывать, даже если ее никто не слушал. Почему она придиралась ко мне, я не знаю, но догадываюсь.

– И почему же?

Она взглянула на него без улыбки, словно обдумывая, можно ли ему довериться.

– Потому что Игорь Васильевич не прислушался к ее мнению, когда выбирали новую девушку взамен Сони – той русалки, которая работала до меня. Скажу честно: платят здесь очень хорошо. Очень! Микаэлла привела свою знакомую, но та была брюнеткой, а Игорь Васильевич решил взять блондинку, и приняли меня.

– Почему?

– Потому что джентльмены предпочитают блондинок, – улыбнулась Алька. – А на самом деле не знаю. Я ведь не видела ту девушку, подругу Микаэлле. Может быть, у нее подготовка была недостаточно хорошей для того, чтобы плавать туда-сюда... Ведь это не так просто, как может показаться.

– Мне совсем не показалось, что это просто... – проворчал Бабкин, вспомнив, как они ныряли вместе с Сашей и ему едва хватило воздуха.

– Вот видишь! – тут же подхватила она. – Ты это понял, а многие не понимают! Думают, что плавать по тоннелю из одного озера в другое, задерживая дыхание, это ерунда! Ты знаешь, что мы не должны надевать маски, ведь это разрушает иллюзию?

– Догадываюсь.

– А гости, разумеется, надевают, если хотят. И если они решили поплавать с русалкой, то это может быть очень тяжело и утомительно... Не зря же у каждой из нас разряд по плаванию. Другие просто не справились бы с этим.

– Ясно. Скажи...

Бабкину пришлось прерваться на полуслове: в дверь постучали, и вошел Илюшин.

– Не помешал? – осведомился он. – Серега, я на минуту.

Он положил на стол бумаги, непринужденно присел на его краешек, не обращая внимания на Альку. Она внимательно, почти жадно наблюдала за обоими.

– Вторую строчку смотри, – посоветовал Макар вполголоса.

Бабкин поднял на него глаза, покачал головой.

– Шо, опять?? – спросил он с комическим ужасом в голосе.

– Именно. Даже не могу сказать, облегчает это нашу задачу или усложняет.

Он наклонился ближе к Сергею и заговорил так тихо, что Алька различала только неразборчивое бормотание. Но ее не интересовало содержание их разговора. Она следила за другим: за мимикой, за жестиком, за расстоянием, на которое старший позволил приблизиться младшему... «Они не просто приятели, они друзья! Мальчики, окажитесь голубыми, а? Пожалуйста!» Но Алька уже видела, что они не геи. Впрочем, это не являлось препятствием... В уме ее созрел дикий, рискованный, жестокий план. Для его осуществления обязательны были два условия: второй сыщик должен уйти, и она должна узнать, где можно будет быстро найти его. «Почти невыполнимо...»

– Ладно, заканчивай и приходи, – сказал светловолосый парень по имени Макар, и Алька едва не дернулась от охватившего ее волнения: он уходит!

– А где Женька с Оксаной? – как можно естественнее поинтересовалась она.

Макар обернулся к ней, и ей стало не по себе от его взгляда. Серые глаза, очень умные, оценивающие... Взгляд такой, будто ему по меньшей мере сорок, а не двадцать шесть.

– Мне хотелось узнать, отведут меня потом к ним или нет? – заторопилась объяснить Алька.

– Отведут, – кивнул сыщик. – Я хотел поговорить со всеми вами. Так что, наверное, я и отведу.

Она благодарно улыбнулась, и он улыбнулся в ответ.

Когда дверь за ним закрылась, мозг Альки бешено заработал. Сейчас ей нужно выверять все, каждую мелочь. Слишком многое поставлено на карту, чтобы она могла допустить небрежность.

– Знаешь, Сергей, я кое-что вспомнила, – медленно сказала она, хмурясь, будто вспоминая. «Не переигрывать!»

Он вопросительно посмотрел на нее. Алька потерла висок, невидящим взглядом уставилась на стену за спиной сыщика.

– Нет... – наконец в нерешительности выговорила она, – это, наверное, не имеет значения.

– Что ты вспомнила?

– Микаэлла очень интересовалась личной жизнью наших гостей. Ей нравилось думать, что она осведомлена обо всем, и чувствовать себя хозяйкой положения. Всем нужны иллюзии: кому-то – русалки, кому-то – ощущение собственной значимости... Конечно, напрямую она ничего не смела у них спрашивать, но о чем-то клиенты проговаривались сами, а что-то она, как мне кажется, подслушивала.

– У нее была такая возможность?

– Я про это и хотела тебе сказать... Ты же видел коридор, который ведет вниз, к гротам? Там много сюрпризов и таких фокусов, о которых не знаем даже мы. Один из них – это «кастрюлька».

– Про «кастрюльку» мне рассказали. Это бассейн с горячей водой.

– Да, но дело не в этом. Микаэлла как-то сказала мне, что если в нем нет воды...

Алька замолчала.

– Если в нем нет воды, то что? – терпеливо спросил Сергей.

Она быстро осмотрелась вокруг, словно сообразив что-то. Затем

покачала головой.

– Я могу показать, – тихо сказала она. – Это просто. Господи, я, кажется, поняла, как все было!

Бабкин хотел что-то сказать, но Алька вскочила, испуганно приложила палец к губам и умоляюще замотала головой.

– Когда твой друг вернется? – торопливым шепотом спросила она.

– Минут через пять-десять. А что?

– Нам, наверное, нужно подождать его... А потом я покажу вам, из-за чего убили Микаэлла. Если только за это время они не догадаются...

– Пошли сейчас, – прервал ее Бабкин. – Покажешь, в чем там дело.

Он сунул телефон в задний карман и решительно направился к двери.

Когда они вышли, девушка спряталась за его спиной и схватила Сергея за руку так, что он охнул от боли.

– Ой, извини! Мне показалось, там кто-то есть!

– Никого там нет. – Бабкин на всякий случай заглянул за угол. – Успокойся.

До залы, из которой вниз, к пещерам, вел лабиринт из красного камня, они дошли, никого не встретив по дороге. Оказавшись перед дверью, за которой начиналась лестница, Алька вдруг сообразила, что у нее с собой нет ключа, и похолодела. Ключ остался в костюме русалки... Почти не надеясь на успех, она положила ладонь на холодную плиту, толкнула – и та неожиданно подалась под ее рукой. Алька облегченно выдохнула.

– Ты чего застыла? – проворчал сзади сыщик. Его огромная тень падала на кривые ступени, грубо вырубленные в скале.

– Иду, – сказала Алька и легко скользнула вниз, навстречу дрожащим светильникам, почти неотличимым от факелов.

Когда Илюшин, вернувшись, обнаружил пустой будуар, первым его побуждением было позвонить Бабкину. Однако, подумав, он решил подождать несколько минут: наверняка у Сергея были веские причины для того, чтобы уйти вместе с девушкой. Поэтому когда дверь почти бесшумно приоткрылась, он встал со стула, собираясь поинтересоваться, где друга черти носят, но осекся: в комнату вошел не Бабкин, а Алла Рокунова. Что-то в выражении ее лица изменилось по сравнению с той испуганной блондинкой, которую он видел пятнадцать минут назад, и Макар нахмурился, пытаясь осознать перемену.

Рокунова прикрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Плотнo сжатые губы и странный блеск в глазах насторожили его. Она смотрела на него исподлобья, сжимая что-то в правой руке. Рукав рубашки был мокрый,

и капли стекали на пол.

– Ливи, где Сергей? – спросил Илюшин, специально назвав ее «рабочим» именем.

– Хороший мужик твой Сергей. Доверчивый.

Взгляд Макара метнулся к предмету в ее руке – на долю секунды ему показалось, что это пистолет и девушка сейчас выстрелит в него. Но это был всего лишь телефон.

– Где он, я тебя спрашиваю? – резко сказал Илюшин, вставая.

Он уже понял, что все пошло наперекосяк, но еще надеялся, что ошибся в своих предположениях и стоящая перед ним женщина имеет в виду что-то иное... Но Алька быстро подошла к нему и перевернула телефон кверху экраном.

– У тебя очень мало времени на то, чтобы выслушать меня, а повторять я не буду, – сухо предупредила она. – Твой друг сейчас здесь...

Она нажала на кнопку, и на экране развернулась фотография. Даже слабенькой мобильной камеры хватило, чтобы запечатлеть картинку: на дне маленького бассейна лежал Сергей в позе спящего на животе человека, повернув голову вправо. Алька увеличила снимок, и Макар увидел, что глаза Бабкина закрыты.

– Он без сознания, – спокойно сказала Алька, пока Илюшин молча смотрел на фотографию. – Дверь в коридор закрыта и заблокирована. Это его телефон, видишь?

Илюшин видел. Это действительно был телефон Сергея. Даже если бы он не узнал модель, характерные царапины на корпусе не дали бы ему ошибиться: Бабкин не любил часто менять телефоны и пользовался одним и тем же до тех пор, пока тот окончательно не изнашивался.

– А теперь посмотри... – сказала Рокунова, когда Макар перевел взгляд на нее.

Она подняла левую руку – в ней был зажат маленький черный брелок. Палец лежал на выпуклой кнопке.

– Здесь все автоматизировано до предела, – пояснила Алька. – Эта штуковина придумана специально для нас. Нажимаю на кнопку – в «кастрюльке» включается вода. Она набирается за две минуты. Я поставила температуру на семьдесят градусов.

Илюшин выбросил руку так молниеносно, что, если бы Алька не была к этому готова, брелок был бы уже у него. Но она знала, что он поступит именно так, и успела отпрыгнуть в сторону.

– Еще раз так сделаешь – и нажму на кнопку, – предупредила она. – Мне терять нечего, понял? Мику я придумала, поэтому мне по-любому

нужно выбираться отсюда. Ее, суку, мне не жалко ни капли, она это заслужила... – лицо Рокуновой исказилось от ненависти, – но твоим другом я тоже пожертвую.

– Что ты хочешь от меня? – Илюшин быстро просчитывал ситуацию. При любом раскладе получалось, что эта дрянь успеет нажать на кнопку, а он не успеет попасть вниз быстрее, чем за несколько минут. Если она догадалась заблокировать двери, ведущие в лабиринт, то и больше. Но даже если представить, что он откроет дверь сразу, как только подбежит, Сергей успеет свариться в семидесятиградусной воде. Название «кастрюлька» внезапно приобрело такой ужасающий смысл, что Макар содрогнулся.

– Выведи меня отсюда! – приказала Рокунова.

– Как ты себе это представляешь?! Снаружи охрана.

– Вот именно. Поэтому, если я поведу тебя под дулом пистолета как заложника, мне отсюда не выйти. А если ты поведешь меня, то нас пропустят. И пистолета не понадобится.

Илюшин вынужден был признать, что расчет Рокуновой прост и точен. Перигорский дал всему персоналу указания: помогать ему и Бабкину по мере возможностей. Наверняка такие же инструкции получила и охрана.

– Они свяжутся с боссом, когда мы будем выходить, и он запретит выпускать нас, – быстро сказал Макар.

– Тогда я нажму на кнопку, – пообещала Алька. – Мне все равно за Микаэлла срок светит... На твоего медведя мне плевать, а лысому козлу я подлянку устрою напоследок. Все, время вышло! Нажимаю?

Макар посмотрел ей в лицо. Рокунова была взвинчена до крайней степени: при всех стараниях казаться хладнокровной, она часто дышала, и на виске ее билась короткая синяя жилка. Исчезли привлекательность и кокетство, остались ярость и страх затравленной крысы, готовой кинуться даже на многократно превосходящего силой противника.

«Женщины непредсказуемы», – вспомнил Макар слова Перигорского, с каждой секундой убеждаясь в мысли, что Алла действительно нажмет на кнопку. Нажмет, не задумываясь о последствиях. «А если Серега рассердил ее во время разговора, то она сделает это с большой охотой».

– Пошли. – Илюшин, не раздумывая больше, двинулся к выходу.

– Возьми меня под руку и веди так, как будто хочешь со мной расправиться, – приказала Рокунова.

«Не так уж далеко от истины».

– Быстро, быстро!

Они бежали по коридорам, замедляя шаг, когда встречали людей. Но на них почти не обращали внимания. Расчет Рокуновой сбавывал: все

видели, как ее ведет, ухватив за предплечье, человек Перигорского.

Завернув за угол, она на ходу, не останавливаясь, залезла в карман его джинсов и, вытащив портмоне, сунула себе в нагрудный карман рубашки:

– Фотографию любимой женщины верну при случае.

Поворот направо, еще один, вниз по лестнице, коридор, снова лестница – и все быстро, быстро, почти бегом! Макар пытался сориентироваться, но все мысли из головы начисто выбивала показанная фотография: Бабкин, без сознания лежащий на дне чаши. «Как же она его вырубил?!»

– Сейчас мы выйдем из здания, – предупредила Алька. – До ворот будет совсем недалеко. Не вздумай фокусничать, понял?

Перед дверью Макар на мгновение остановился, взглянул ей в глаза.

– Не трать слов, – посоветовала Рокунова. – Они тебе понадобятся, когда будешь объясняться с лысым.

Илюшину захотелось ударить ее – так, чтобы она потеряла сознание с одного удара, и брелок вывалился бы у нее из пальцев. Но он понимал, что Рокунова может успеть нажать на кнопку. К тому же уже в следующую секунду он осознал, что хотел ударить ее не для того, чтобы обезвредить, а потому, что сейчас она вызывала в нем холодную ярость, какой не вызывала до нее ни одна женщина. Перед ним была хитрая, расчетливая стерва, которая сперва обманула их обоих, притворившись невинной овцой, затем заманила Сергея в ловушку и оглушила, а теперь пользуется им, Макаром, как отмычкой для выхода из своей тюрьмы. И он сам выводит ее из «Артемиды»!

– Хватит рефлексировать, двигаемся! И запомни: теперь жизнь твоего друга зависит только от того, насколько ты будешь убедителен!

Она толкнула дверь, и они вышли из здания, стоявшего ближе прочих к воротам. В лицо Илюшину ударил ветер, показавшийся ему после теплых помещений клуба колючим, как зимний. Только теперь он сообразил, что Рокунова одета в одну рубашку и босоножки, и мельком подумал о том, что, наверное, снаружи ее ждет машина с сообщником.

– Соберись, – сквозь зубы приказала Алька. – Ближе уже!

– Как зовут начальника охраны, знаешь?

– Вадим Лямин.

Охранник, стоявший в стеклянной будке возле ворот, увидел одного из сыщиков, приглашенных боссом. Он пригляделся, чтобы убедиться, что не перепутал, но к ним направлялся именно тот, про кого шеф ясно сказал: «Любые перемещения по территории разрешены». Удивительным было то, что парень практически волочил за собой одну из девчонок, работавших на

дальней «сцене» – хорошенькую грудастую блондиночку, лицо которой сейчас было искажено от боли. Блондиночка была в туфлях и тонкой рубашке, похоже, накинутой на голое тело, а парень – в джинсах и майке, хотя вечер выдался вовсе даже не жаркий.

– Э-э, Вить, чего это с ними? – удивился второй охранник, проследив за направлением его взгляда и тоже заметив странную пару.

– Щас узнаем, – философски пожал плечами Витя.

Парень тем временем подошел вплотную к воротам и делал знаки, чтобы ему открыли. Виктор вышел из будки и направился к ним. Лицо у девицы, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, было заплаканное и покрасневшее, а от крепко держащего ее парня исходила такая ярость, что охраннику стало не по себе. «Измордовал совсем девчонку...»

– Ворота открывай, – холодно приказал Илюшин. – Я тебе сказал, хватит скулить! – обратился он к девушке и сильно потрянул ее.

– Я не хочу туда! – простонала та.

– Раньше надо было думать, теперь поздно. Уже машина снаружи ждет. Да открывай быстрее, тормоз! – рявкнул он на Виктора. – Или мне Лямину позвонить, чтобы он лично сюда прибежал? Сколько я еще должен здесь яйца морозить?!

Хамский тон и грубость сделали свое дело: Виктор немедленно убедился, что парень имеет полное право отдавать ему приказы. Если у него и была мысль связаться с начальником охраны, чтобы уточнить полномочия белобрысого, то после упоминания фамилии шефа она исчезла. Белобрысый явно знал, что делает, и не стоило ему мешать. «Еще назначат потом крайним, если что не так...»

Виктор махнул рукой напарнику, и тот нажал на кнопку пульта. Дверца рядом с воротами щелкнула и приоткрылась.

– Пошла, пошла...

Подталкивая девушку перед собой, Илюшин вывел ее за ворота.

– И не закрывать! – громко крикнул он. – Я сейчас вернусь.

Витя поежился и возвратился в будку.

– Слушай, они совсем озверели, – пожаловался он второму охраннику. – Беспредельщики какие-то. То открой, то закрой... Че там случилось-то, что такую бучу подняли?

Второй охранник пожал плечами. Его не интересовало, что случилось. Главное было – следить, чтобы никто лишний не вошел, а никто нужный не вышел с территории клуба. Остальное – не его ума дело.

Оказавшись за воротами, Алька изо всей силы оттолкнула Илюшина и

отбежала на несколько шагов. Ветер развеивал подол ее рубашки, открывая загорелые бедра. Из проезжавшей мимо машины оживленно засигналили, и она замахала рукой; машина притормозила на противоположной стороне улицы, и Алька, бросив взгляд на Макара, метнулась через дорогу. Нырнула в салон, даже не обернувшись на него, но напоследок швырнула на проезжую часть тот самый брелок, который все это время судорожно сжимала в руке.

Охранник по имени Виктор даже не успел заметить, как белобрысый сыщик снова оказался внутри и забарабанил в стекло будки.

– Лямина твоего к Перигорскому сейчас же! – приказал он.

На ходу набирая номер шефа «Артемиды», Илюшин побежал к главному корпусу и, как только Перигорский взял в трубку, попросил, запыхавшись:

– Игорь, направьте врача на третью сцену, срочно. И попросите взломать или открыть двери.

– Что случилось?!

– Там Сергей, он без сознания. И еще...

– Сергей?! – перебил его Перигорский. – Ваш Сергей?

– Да, да, мой Сергей! Он в чаше бассейна, который за водопадом, и нужно...

– Ваш Сергей только что покинул мой кабинет, – сказал Игорь Васильевич. – Вы с ним, кажется, разминулись.

Прежде чем до Илюшина дошел смысл его слов, он увидел человека, выходящего из корпуса, и застыл на месте. Когда секундное ошеломление прошло, он что-то пробормотал в трубку, извиняясь, и пошел навстречу Бабкину, испытывая глубокое облегчение пополам с изумлением.

– Ну и где она? – сердито осведомился Сергей, подходя и хлопая себя по карманам. – Черт, я телефон где-то посеял... Куда ты отвел эту дурную девицу? И какого лешего тебя носит по всей «Артемиде», так что я не мог тебя найти? Можно сказать, по свидетельским показаниям восстанавливал ваш маршрут...

Илюшин стоял, не двигаясь, и смотрел на Бабкина без выражения.

– Э, Макар!

– Скажи, пожалуйста, где ты был последние десять минут? – задумчиво спросил Илюшин, и лицо у него стало немного отрешенное.

– Ползал, как последний кретин, по их «кастрюльке»! – Бабкин выругался. – Излазил ее всю на брюхе почище ужа, и все без толку. И теперь у меня есть несколько вопросов к нашей блондинке...

Илюшин покачал головой:

– Вынужден тебя огорчить. Боюсь, мой доверчивый друг, возможности задать их в ближайшее время у тебя не будет.

Глава 4

– Как вы могли на это купиться?!

– Спокойнее, спокойнее, – урезонил Перигорский возмущавшегося – молодого парня с глазами навывкате и с брюзгливо оттопыренной нижней губой.

Парня звали Николай. Он постоянно теребил болячку на губе, и Сергей косился на него, раздражаясь все сильнее и сильнее. Но обострять отношения сверх меры не стоило, тем более что они с Илюшиным и впрямь оказались виноватыми со всех сторон, как ни крути.

– Хитра ваша девка... – проворчал старший из оперативников Перигорского, которого остальные звали только по отчеству – Степаныч. – А как две других?

– От этой меньше всего можно было такого ожидать, – признался Саша, маячивший возле окна.

– Понятно. – Оперативник хмыкнул. – Страшно представить, на что тогда другие способны. Бабы, чего...

На его глубокомысленное замечание никто не ответил.

Картину побега Аллы Рокуновой составили быстро, сопоставив рассказы Бабкина и Илюшина. Когда Сергей выходил из комнаты, девушка отвлекла его, притворившись испуганной, и вытащила телефон из кармана. Через подземелье они вместе дошли до водопада, и Алька выключила его: просунула руку сквозь стену воды, на что-то нажала, и спустя минуту они, не промокнув, вошли в крошечную пещеру.

Только тогда девушка согласилась сказать Бабкину, что она имела в виду, говоря, что знает мотивы убийства. По словам Альки, некоторое время назад Микаэлла рассказала ей о необычном звуковом эффекте: человек, прижавшись ухом к стенке чаши бассейна, скрытого за водопадом, мог слышать все, о чем говорили в гроте самой Микаэллы.

– Она не сказала, как узнала об этом, – торопливо говорила Алька. – И не призналась, что именно услышала. Но то, что она подслушивала, – это точно! Пока мы шли, я вспомнила, что несколько раз заставляла ее здесь одну, а что ей делать тут одной?

– Принимать соляные ванны, – предположил Сергей.

– Воды не было! – горячо возразила девушка. – В том-то все и дело! Поэтому я и удивилась! А еще я знаю точно, что у Микаэллы в гроте несколько раз гости оставались по двое, а ее просили ненадолго выйти. Все

помнят, что на наших «сценах» нет ни камер, ни подслушивающих устройств!

– Кто оставался в гроте, когда Микаэлла уходила? – спросил Бабкин.

Рокунова заколебалась, но в конце концов назвала две фамилии. Оба клиента были в числе сегодняшних гостей.

– Но я не ручаюсь, что Микаэлла все это не выдумала! Нужно проверить, чтобы знать наверняка!

– А она была склонна к таким выдумкам?

– Вообще-то нет. Скорее наоборот: она была человеком с довольно бедной фантазией.

– Ладно... Давай проверять.

Дальше Алька без труда убедила Бабкина залезть в бассейн и послушать, не донесутся ли до него голоса оперативников, которые в это самое время должны были в гроте Микаэллы искать улики. Сергей был почти уверен, что девчонка сфотографировала его именно тогда: она сидела на краю чаши, пока он, прикрыв глаза и распластавшись по сухому дну, пытался расслышать хоть что-нибудь.

– А вдруг они уже ушли оттуда? – предположила Алька, когда он поднялся и отрицательно покачал головой. – Вот что – я быстро сбегая в грот и скажу что-нибудь вслух, а вы послушаете!

У Сергея не возникло никаких сомнений в ее искренности. Он лишь заметил, что не совсем понимает, как, а главное, зачем понадобился Перигорскому такой странный способ подслушивать то, о чем говорят в первом гроте.

– Может быть, это получилось само собой? – сказала ему на это Рокунова и, подумав, добавила: – Или он считал, что аппаратуру легко обнаружить, а вот догадаться о таком способе можно только случайно?

Бабкин вынужден был признать ее правоту. Алька убежала, пообещав громко разговаривать сама с собой в гроте, перемещаясь с места на место, если не обнаружит там оперативников, а он остался ползать по бассейну, чувствуя себя улиткой.

– И долго ты так ползал, улитка? – осведомился Илюшин.

Выяснилось, что в бассейне Бабкин находился достаточно долго. Сперва он ждал, пока раздадутся хоть какие-нибудь звуки, но звуков не было, и Рокунова не возвращалась. Сергей уже хотел было отправиться за ней, но затем сообразил, что, вероятно, дверь в грот оказалась закрытой, и Алла вынуждена была искать Сашу, чтобы попросить его пропустить ее туда или дать ей ключ.

Это здоровое в целом предположение дало Рокуновой дополнительные

пять-семь минут, которые она и использовала, чтобы выбраться из «Артемиды».

– Итак, она сыграла блестяще дважды, – подытожил Макар. – Первый раз – когда изобразила перед Сергеем охваченную азартом девицу, которая всего боится, но все-таки открывает ему правду. Второй раз – когда появилась передо мной в образе убийцы. Ей удалось убедить меня, что мой напарник лежит без сознания, и стоит ей нажать на кнопку, как его тут же обварит кипятком.

– Как вы могли поверить в такую глупость, Макар Андреевич? – поморщился Перигорский. – Послушайте, ну вы же умный человек!

– Я бы тоже поверил, – проворчал Бабкин. – У вас здесь столько всего понапихано, что ничего удивительного в бассейне с водой, которую можно залить дистанционно, я бы не нашел. А про то, что вода в «кастрюльке» горячая, нам еще Александр ваш говорил.

– Говорил, да, – уныло подтвердил Саша. – Не семьдесят градусов, конечно... И наливается не с пульта, а если кнопками на панели управления пощелкать. Панель в стене замаскирована, но ее найти, в общем-то, несложно....

Он осекся, заметив взгляд Сергея.

– Никто ничего не искал, – сказал Илюшин, – потому что мы приняли все на веру. Если вы смогли соорудить здесь озера, сообщающиеся между собой, что уж говорить об остальном.

– А что у нее был за брелок? – поинтересовался Степаныч.

– Ключ от раздевалки, – ответил Саша. – Причем сломанный.

– Мне следовало сообразить, что никакой сигнал дистанционного пульта не сможет преодолеть то расстояние, которое разделяло нас и бассейн, – поморщившись, признал Илюшин. – Тем более, когда мы вышли на улицу.

Сергей покосился на него и вздохнул. Со стороны Макар выглядел чуть более сдержанным и менее насмешливым, чем обычно, но Бабкин ясно видел, что друг клянет себя на чем свет стоит. Его провели простейшим образом, и задумайся он хоть на секунду, легко обнаружил бы обман.

– Ничуть не умаляя нашей вины, я все-таки предлагаю перейти к конструктивным предложениям, – продолжал тем временем Макар. – Вадим, девушку ищут?

Начальник охраны по фамилии Лямин, все это время очень тихо разговаривавший в углу по телефону, обернулся к нему:

– Две группы, по пять человек каждая, прочесывают район, где ее

высадил водитель. Его нашли быстро по номеру машины, который запомнил Макар Андреевич. Это таксист, он частенько крутится по району. Девка отказалась с ним расплачиваться тем, на что он рассчитывал, и мужичок велел ей проваливать. Понятно, что охрану периметра нам пришлось ослабить... – Теперь он обращался к шефу. – Откуда людей-то столько взять? Потом еще подьедут, но пока – только те, что есть...

Перигорский кивнул, а Илюшин в очередной раз обругал себя: он был так уверен, что машина, в которую села девушка, ждала ее заранее, что даже не подумал о других возможностях.

– Ей просто очень повезло... – пробормотал он себе под нос. – Невероятно повезло...

– Ты чего? – тихо спросил Бабкин.

– Провожу сеанс самовнушения.

– Успешно?

– Не очень. Значит, ваши люди, Вадим, пока ее не обнаружили...

– Да куда она денется – вечером, в сентябре, в одной рубашке и босоножках?! – возмущенно спросил Николай и вызывающе посмотрел на Макара. – Чего вы ерунду-то городите? На нее все соберутся посмотреть! У нас же народ тупой, зрелища любит... Баба в одной рубашке – это номер! Да о ней завтра в газетах будут писать!

Илюшин пожал плечами:

– Не советую вам забывать, Николай, что эта девушка перехитрила нас обоих. У нее прекрасная реакция, она прирожденная актриса и верно оценивает людей. Она сделала вывод, что я выведу ее с территории клуба, потому что испугаюсь за своего напарника, и ее вывод оказался совершенно точен. Она не дала мне времени подумать, ошеломила меня фотографией, а в довершение всего добавила, что убийство Микаэллы ее рук дело – чтобы у меня не оставалось никаких сомнений в том, что у нее хватит пороку нажать на кнопку. Впрочем, нельзя исключать, что она действительно убийца. В любом случае свою партию девушка разыграла как по нотам – ни единой фальшивой. И вы серьезно думаете, что для нее будет проблемой найти себе одежду?

– Два человека уже отправлены к ней домой, – негромко сказал Перигорский. – Они ждут ее возле квартиры. Но я сомневаюсь, что она там покажется, поскольку все ее вещи остались здесь. В том числе ключи.

– Она выберется из города на первой же попутке, – нехотя заметил Бабкин.

– Э-э-э... дело в том, что ей некуда выбираться. Мою осведомленность нельзя назвать полной, но я с большой долей вероятности предположу, что

наша Аля останется в Москве.

Сергей и Макар с удивлением воззрились на управляющего.

– Откуда такая уверенность, Игорь Васильевич?

– Из знакомства с ее биографией.

Алька была отчаянная. Даже не отчаянная, а бедовая. Так ее звала соседка, пожилая тетя Галя, которая жалела девчонку и потихоньку, незаметно от дяди с теткой подкармливала ее пирожками. Пирожки тетя Галя пекла исключительно с луком, и Алька их не очень-то и любила, но понимала, что отказываться никак нельзя, а потому благодарно принимала очередной пирожок с мокроватым дном и съедала с видимым энтузиазмом на лице под умиленным взглядом соседки. Эта же соседка ей и сказала, что на имени «Алла» настоял отец, а мать хотела назвать ее Александрой – сама признавалась, когда ходила беременная. Услышав слова тети Гали, девочка навсегда стала Алькой и на имя Алла больше не отзывалась.

Отца она помнила плохо, и сохранившийся смутный образ был не сусально-приторным, а совсем даже наоборот: Альке запомнился тяжелый запах и угрожающе большие, все в черных точках руки. Никогда она не воспринимала их как оберегающие – наверное, потому, что отец и не оберегал ее ни от чего. Ему до девчонки особого дела не было.

От матери у Альки осталось несколько фотографий, ее собственных, выкраденных из семейного фотоальбома, а не дяди-тетиных. На одной из них, самой любимой, молодая мама стояла в летнем сарафанчике возле покосившегося заборчика и держала в руке пустое ведро. Может, в нем и была вода, но маленькой Альке хотелось думать, что нет, не было, и что нести ведро маме легко. Снимки она хранила в своей секретной коробочке из-под чая, а коробочку регулярно перепрятывала, чтобы не отыскала глазастая тетка.

Измученная тяжелой работой, вечно усталая, волочившая на себе двоих собственных мальчишек и дочку умершей сестры, из тех серолицых женщин, что, кажется, родились и выросли в тени, Людмила Федоровна считала, что своих тайн у девчонки быть не должно, потому как из тайн вырастает мелкое вранье, из мелкого вранья – крупная ложь, а там и до тюрьмы близко. В силу своего понимания ответственности за ребенка она следила за девочкой и воспитывала ее, и если в процессе воспитания плакать Альке доводилось чаще, чем смеяться, то кто мог бы обвинить в этом Людмилу Федоровну, стоящую на страже благополучия девочки и собственного спокойствия?

Справедливости ради нужно признать, что с Алькой и впрямь

приходилось нелегко. Начать с того, что она врала по поводу и без повода, неимоверно раздражая этим Людмилу Федоровну – та признавала необходимость вранья, но лишь тогда, когда оно было целесообразным! Когда в результате лжи можно что-нибудь получить! Глупая же девчонка врала без всякого представления о выгоде, врала, как птицы поют – постоянно, с увлечением, в особенно упоительные моменты не слыша вокруг себя ничего: ни лошадиного гоготания старших братьев, ни окриков тети: «Да перестанешь ты врать или нет?!» Обычно за этим следовал подзатыльник.

Возвращенная в реальный мир столь чувствительным образом, Алька замолкала, и на лице ее прежде обиды и боли мелькало удивление, словно она не ожидала увидеть рядом ни Петьку с Сережкой, ни тетю.

А чего ожидала – неизвестно.

Она врала с утра, что уже почистила зубы – не вставая с кровати, и заодно за секунду сочиняла историю о том, что зубную пасту украли соседи через вентиляцию... Врала о школе, об оценках, и как-то на протяжении двух месяцев морочила Людмиле Федоровне голову рассказом о новом учителе русского языка и литературы, хромом угрюмом карлике. Сила ее веры в собственные выдумки была такова, что даже дядя с тетей поверили в эту историю, и правда всплыла лишь по вине самой Альки: она сказала, что в классе собирают деньги с родителей на новую трость учителю, и хотя сумма была названа смехотворная, копеечная, но Людмила Федоровна вознегодовала и отправилась в школу – выразить возмущение. Тут-то и выяснилось, что никакого карлика, конечно же, не существует, а русский и литературу ведет громогласная учительница, заслуженная со всех сторон, гордость школы.

Знакомым Алька врала напропалую про отца и мать, про свою семью, особое внимание уделяя образу Людмилы Федоровны, и несколько раз случалось, что к той подходили посторонние люди, укоряя ее и стыдя за всякие безобразия, учиненные в отношении ребенка. Людмила Федоровна содрогалась от ярости, но предотвратить бессовестную клевету не могла.

Апофеозом Алькиных рассказов о тете явилась история о том, как у ее старших братьев завелись блохи и «тетя Люда» заставила бедную девочку их вылавливать.

– Я расческой Петьке и Сережке по волосам водила, а оттуда блошки высывались, – с доверчивым выражением рассказывала девочка бабкам, собравшимся у соседнего подъезда и слушавшим «сиротку» с молчаливым ужасом в глазах. – В мисочку с расчески их собирала и крышечкой закрывала. Я же не знала, что они прыгать умеют... А потом понесла их в

ведро выкидывать, а они как распрыгаются по всей кухне, как разбегутся! Тетя Люда мне кричит: лови их, они же в рагу попрыгают! И бьет их ложкой! А они от ложки скачут на горелку, – и трещат, трещат...

Алька издала звук, который должен был напоминать треск, и взрослые хором вздрогнули. Похлопала ресницами, вздохнула и добавила:

– Но не всех мы с тетей Людой переловили. В рагу-то часть попала...

– И что? – расширив глаза, спросила одна из слушательниц.

– Что-что... Съели, что! Не выкидывать же... У нас в семье ртов – пять штук, а тетя Люда говорит, что для некоторых и блоха – хороша еда.

Тут Алька опустила глаза, вздохнула еще раз, и женщины окончательно убедились, для кого в семье незнакомой им тети Люды «блоха – хороша еда».

Откуда Алька брала детали, она не могла объяснить. И рагу, которого никогда не готовили в их доме, и оказавшиеся в мисочке блохи, которых она ни разу в жизни не видела, и уж тем более треск, раздавшийся после встречи их с горелкой – все это было плодом ее воображения, не имевшим под собой жизненной основы. Но даже когда она несла очевидную ерунду, слушатели до времени верили ей – до того убедительно заплетала Алька кружева своих рассказов.

И, конечно, вид у нее был ангельский. Глазки серые, ясные, волосики льняные, и носик такой розовой кнопочкой... Кривляться Алька терпеть не могла и все истории рассказывала серьезно, доверительным голосом. В отличие от многих своих подружек она с детства любила платьица и обожала наряжаться. И когда белокурая девочка в длинном синем сарафане, из-под которого виднелись пыльные, истоптанные сандалики, приступала к очередной истории, взрослые умилялись и таяли.

Те, кто ее не знал, конечно же.

За выдумку о блохах она была для острастки выпорота ремнем – несильно, но и этого ей хватило, чтобы перепугаться на какое-то время и притихнуть.

Когда Алька начала запойно читать, ее рассказы могли бы обогатиться деталями и вовсе уж фантастическими, но к этому времени она неожиданно сама остыла к выдумкам и увлеклась тем, что Людмила Федоровна именвала «приключениями на свою задницу». В третьем классе она вдохновила мальчишек устроить бой двух кланов на стройке, причем основное сражение должно было разворачиваться на недостроенных стенах второго этажа. Спустя полгода Алька на спор полезла на строительный кран и добралась до самой кабины. Правда, к тому моменту, когда она оказалась внизу, ее уже ждала милиция, и

достались Альке не почести и восхищение ее храбростью, а очередная порка от тети. Но остановить девчонку это не могло.

Не изменяя обожаемым платьям, она бегала и прыгала в ближайшем лесопарке наравне с мальчишками, и никто не смеялся над тем, что «у Рокуновой трусы видны». Веселая, смешливая, заводила и сорвиголова, взбалмошная, но совершенно не злая, легко вспыхивающая, но так же легко остывающая, выдумщица и фантазерка, она и осталась для приятелей «врушкой Алькой», однако прозвище было не обидным, а, скорее, снисходительным.

За что ее действительно уважали, так это за храбрость – за ту ее разновидность, которой редко отличаются женщины. Алька была смела отчаянно, безрассудно, смела той храбростью, которая бывает свойственна лишь детям и тем из взрослых, что не верят в возможность своей смерти.

Казалось, инстинкт самосохранения временами отказывал ей начисто. Она разжимала руки, летя над обрывом на тарзанке, каталась на задней подножке трамвая, скатывалась зимой на доске с высоченной горы, под которой проходила оживленная трасса, дразнила стаю собак, прикормленных сторожем гаражного кооператива, и от этих же собак удирала потом по гремящим крышам гаражей...

Но Алька была и удачлива на редкость. Как будто кто-то, заботящийся о ней, оберегал девочку. Она покрывалась синяками, дважды ломала ребра, один раз, упав с подоконника в школе, заработала сотрясение мозга, но в остальном ей везло. Даже от собак, к которым она все-таки свалилась, подвернув ногу на скользкой после дождя крыше, ее спас взявшийся невесть откуда хозяин огромного пса, спустивший свое рычащее и скалящееся чудовище с поводка. Пес в два счета разогнал дворняг, а Алька тем временем удрала, не зная, кого ей больше бояться – стаю или неожиданного спасителя.

Мужчины оглядывались на нее с тех пор, как ей исполнилось четырнадцать лет, и к шестнадцати Алька вполне освоила весь арсенал женского кокетства. Она была влюбчива, взбалмошна, любила кружить головы, и дворовые девчонки распускали о ней гадкие сплетни, правды в которых было не больше чем на треть.

После того как в семнадцать лет она сбежала из дома, все ее легкомыслие проявилось в полной мере. Алька засыпала где придется и просыпалась неизвестно где, она шаталась с сомнительными компаниями и удирала от милиции, по-прежнему не боялась ни бога, ни черта, ни крепких мальчиков в кожаных куртках, и так же, как и в детстве, поразительным образом выходила невредимой из всех передряг.

И всегда делала что хотела. Добрейшей души женщина, соседка тетя Галя, говорила о ней: «Ох, девка, творит что хотит». Алька, оказавшись в своем районе, всегда заходила к ней поболтать – осторожно, чтобы не наткнуться на братьев. После ее побега Людмила Федоровна год подряд рассказывала всем, готовым слушать, о том, какое же отродье выросло из девчонки, в которую она вложила столько труда и забот. Чувства ее были не показными, а искренними, потому что Алька никогда так и не рассказала тете о том, что Петька и Сережка пытались сделать с ней в отсутствие родителей, вернувшись подвыпившие со студенческой вечеринки. У девочки, которую Людмила Федоровна не именовала иначе как неблагодарной тварью, были свои представления о долге и благодарности.

Так вот, творила Алька и вправду что хотела, не считаясь ни с чем. Как-то раз она оказалась в загородном доме состоятельного бизнесмена, устроившего небольшую вечеринку. Бизнесмен имел виды на Альку, и приятельницы усиленно шептали ей, что такой шанс... только не упустить... Мальдивы и все, что захочешь... Это действительно был шанс. Алька вовсе не была дурой, и уж давно не бессребреницей. Бизнесмен был не стар, не противен ей, и поэтому она оделась так, как ему нравилось: короткое золотистое платье, распущенные длинные волосы, обнаженные руки... Весь вечер в саду играл квартет, и Алька танцевала, хохотала, улыбалась худому, как бездомная собака, голубоглазому скрипачу, изредка взглядывавшему на нее, и совсем не пила.

Бизнесмен обнимал ее по-хозяйски, уже чувствуя, что это его собственность. Когда гости начали разъезжаться, он пошел провожать их, и Алька осталась одна возле искусственного пруда, в котором плавали толстые медлительные рыбы с чешуей под цвет ее платья.

Скрипач подошел, остановился в шаге за ее спиной и негромко сказал:

– Поедешь со мной. Что тебе здесь делать?

Алька обернулась, рассмеялась, качнула головой:

– Глупости говоришь. Иди, скоро хозяин вернется.

– Он ни мне не хозяин, ни тебе. Скажи, что я должен сделать, чтобы ты пошла со мной?

Он улыбался, и Алька улыбалась, и почему было не пошутить в такой хороший теплый вечер?

– Радугу с неба достанешь? Достанешь – уйдем вместе.

– Тебе ее в руки дать или просто показать? – Он не задумался ни на секунду.

– Пожалуй, показать будет достаточно, – серьезно ответила Алька.

Скрипач отвел ее к машине, возле которой в лужицу натек бензин, и

озадаченная таким быстрым исполнением своего желания Алька увидела маслянистую, вонючую, расплывающуюся, но все же радугу. Она постояла возле нее, подняла глаза на мужчину и сказала:

– Подожди меня здесь, мне кое-что нужно сделать. Я быстро.

Забежав в дом, она написала записку и оставила на камине. Записка была краткой: «Извини, я передумала». После чего бегом, борясь с желанием снять туфли, выскочила из комнаты, из дома, из сада, из жизни бизнесмена... И оказалась в постели скрипача, из которой не вылезала две недели. Вылезла похудевшая, влюбленная, счастливая, и еще два месяца жила у него, пока не ушла, хлопнув дверью, из-за того, что он упрекнул ее в корыстолюбии.

По иронии судьбы ее следующий мужчина оказался бывшим деловым партнером того самого бизнесмена. Его номер попал к Альке случайно, и она позвонила, не задумываясь.

– Можно я приду к тебе переночевать? – голосом прилежной девочки спросила Алька, когда Виктор вспомнил, кто она такая.

– С чего бы это? Нет, конечно.

– Хорошо. Прости, если разбудила. – Она в самом деле почувствовала себя виноватой. – Счастливо.

Виктор перезвонил через три минуты.

– Приезжай, черт с тобой! – почти весело сказал он. – Адрес знаешь?

С этим Виктором Алька в конце концов ввязалась в нехорошую историю и едва выпуталась из нее, заодно получив подтверждение одному своему наблюдению – странному, почти мистическому. Ангел-хранитель, так бережно ведущий Альку по ее бестолковому пути, летал только над Москвой. По какой-то причине он отказывался выполнять свою работу за ее пределами. Во всяком случае, после нескольких совпадений Алька совершенно уверилась в том, что вся ее удачливость испаряется, стоит только ей уехать из столицы, что уж говорить о других городах! Нет, на Альку не обрушивались беды, но она теряла способность выходить сухой из воды и даже физически становилась куда уязвимее. Поразмыслив немного и не найдя этому никаких объяснений, Алька решила принять все на веру и по возможности за границами любимого города вести себя так, чтобы не возникало нужды в обращении к ангелу-хранителю.

– У нее нет родных за пределами Москвы – это раз. – Перигорский загнул длинный коричневый палец. – Все ее деньги, карточки, ключи и прочее остались у нас, что затрудняет ей передвижения, – это два. И Рокунова считает, что удача ей изменяет, когда она уезжает из Москвы, –

это три.

– Откуда вы знаете о третьем пункте? – заинтересовался Илюшин.

– Сама проболталась. Как-то мы вполухутку-вполусерьез говорили о том, чтобы построить еще один комплекс типа «Артемиды», но вынесенный из Москвы к Королеву. Тогда она и сказала, что побоится работать так далеко. У меня хорошая память на такие детали. Кстати, Макар Андреевич, что было в вашем портмоне, которое она позаимствовала?

– Деньги, банковские карты. Карты я заблокировал, а денег было немного, не больше пяти тысяч.

– Да, на это она не разбежится. И так, господа сыщики, я слушаю. Какие будут предложения?

– Ловить ее надо, вот какие предложения... – прогудел Степаныч. – Сколько уже времени ваши орлы прочесывают район, где она вышла из машины?

– Час, – откликнулся Лямин.

– Да она могла у знакомых спрятаться как нечего делать! – возбужденно бросил Николай. – И будет сидеть в квартире еще сутки, носы не высовывая.

– Нет у нее знакомых в этом районе, – отрезал Бабкин.

– Откуда такая уверенность?!

– Ты слушал, что здесь было сказано, или болячку ковырял? – Сергей заговорил напористо и зло: парень ему очень не нравился, и он решил прекратить бунт в зародыше. – Девчонку высадили из машины! Высадили! А не сама она вышла и пошла к подружке.

– Ну так поймает новую машину и доедет до подружки! – менее уверенно возразил Николай.

– Вряд ли, – ответил вместо Бабкина начальник охраны. – Мы же девочек тщательно проверяем, чтобы не дай бог чего... И телефончики первое время прослушиваем... Тем более Рокунова только полтора месяца как устроилась. Так что анкетка, полиграф, все дела... Короче, подружек у нее две, и к обеим я уже по человечку направил.

– У мужика своего спрячется, – пожал плечами парень.

– Да вроде нет у нее мужика, одна живет.

Илюшин, которому давно хотелось вмешаться, не выдержал.

– Значит, так, – сказал он негромко, и все обернулись на него. – Игорь Васильевич, вы разрешите, я кратко обрисую план дальнейших действий?

– Пожалуйста, пожалуйста...

– Версий более чем достаточно. Первая: Микаэлла Костина услышала

или узнала что-либо о ком-то из клиентов, и тот решил, что она опасна для него. Вторая: ее убили в сексуальной игре, скорее всего, случайно, поскольку она специализировалась на садо-мазохистском направлении. Третья: кто-то из девушек решил убрать конкурентку. Саша, положение «старшей русалки» давало Костиной какие-то привилегии?

– Да, конечно, – живо отозвался Саша. – Например...

– Неважно, – остановил его Илюшин. – Об этом потом поговорим. Достаточно того, что одна из девиц могла захотеть для себя того же. Или приревновать Микаэллу к одному из гостей.

Перигорский шумно вздохнул за столом.

– И, наконец, наиболее очевидная версия: убийство совершено Рокуновой из мести. Есть показания ее и двух других девушек – из них очевидно, что убитая третировала Рокунову и унижала ее. Это вполне могло стать мотивом.

Макар сделал паузу, но дополнять его или противоречить ему никто не стал.

– Соответственно, расследование ведем по двум направлениям, – продолжил он. – Первое – прежнее: работаем в самом клубе со всеми свидетелями и уликами. Кстати, поиск в гроте погибшей что-нибудь дал?

– Нету там ничего, – ответил Степаныч. – Следы в песке искать – бесполезное дело.

– А что с орудием убийства?

– Вот как раз сказать хотел... – Оперативник был неспешен. – Веревоочка принадлежала погибшей, и взяли ее из сундука с украшениями. Эксперт сейчас ее изучает, крутит-вертит в разные стороны, но чтобы можно было с нее чьи-то пальчики снять – это сильно мне сомнительно. Хотя... Может, и повезет.

– Ясно. Юрий Степаныч, выделите человека для сопоставления показаний свидетелей. Пусть составит таблицу, расчертит по минутам: кто, где, во сколько находился. Время убийства примерно известно, так что, надеюсь, мы сумеем исключить кого-то из оставшихся семерых из списка подозреваемых. В общем, не мне вас учить. Еще двоим придется искать возможные пересечения между клиентами и убитой. Игорь Васильевич, – он обернулся к Перигорскому, – это реально?

– Вы хотите сказать, что понадобятся биографии клиентов и... э-э-э... подробный жизненный путь Микаэллы?

– Именно. Шанс, что пересечение найдется, крайне мал, но пренебрегать им нельзя. Итак, первое направление – это работа в «Артемиде». Второе направление – поиск Рокуновой. Пока что она

является наиболее вероятной подозреваемой. Сергей, возражения?

Бабкин отрицательно качнул головой:

– Никаких возражений. Только один вопрос. Уже сейчас Рокунову ищет десять человек. Ее «дело» прочитали, вытащили оттуда все имена-фамилии, организовали «встречи». Что ты хочешь сделать еще?

– Еще я хочу ее найти, – отрезал Илюшин. – Как сказал один умный человек, если вам нужно прыгнуть на десять метров в длину, то не ищите десять прыгунов, каждый из которых прыгнет на метр, – ищите одного, который прыгнет на десять. Так что мне нужен человек, который поймет, что она предпримет дальше. Просчитает ее шаги. И поймает.

– И у вас есть такой человек, Макар Андреевич? – недоверчиво спросил Перигорский.

– Есть. Я сам.

Наступило молчание, в котором все услышали, как обиженно фыркнул начальник охраны.

– Вадим, я ни в коем случае не ставлю под сомнение профессионализм ваших людей, – тут же отреагировал Илюшин на невысказанный упрек. – Но сейчас требуется нечто иное, чем прочесывание района и сидение под окнами у подруг Рокуновой.

– Хм. И с чего вы планируете начать? – осведомился Перигорский.

– С того, чтобы найти ее следы в том районе, где ее высадил водитель.

– Да ни черта там не нашли! – Лямина задела самоуверенность этого выскочки, которому шеф почему-то доверял беспрекословно.

– Значит, не там искали.

Глава 5

«В Хамельн он вошел в окружении визжащих детей – они не боялись приблизиться к Крысолову. Под звуки дудочки, размахивая шестом, дребезжащим и звенящим бубенчиками, приплясывая и подпрыгивая, Крысолов шел по городу, а дети бежали за ним, передразнивая его походку. Они орали, протягивали руки к шесту, и он отвесил пару затрепанных самым крикливым и наглым, теребившим и дергавшим его за подол и пытавшимся повиснуть на мешке за его спиной. Мешок он оберегал очень тщательно.

Стражники, охранявшие город, пропустили его беспрепятственно. Попробовали бы не пропустить! Мост через ров был опущен, и по нему тонкой струйкой тек небогатый люд – все больше крестьяне на телегах, заваленных мешками. Они шарахались от Крысолова в сторону, крестясь, и все разговоры смолкали при его приближении, стоило только людям разобраться, откуда доносится пение дудочки.

Когда он очутился за городскими воротами, неожиданно раздался звук, который заглушил и вскрики, и разговоры, и уж подавно слабый голосок его игрушки. Звон колокола. «Дон-н-н! Дон-н-н! Дон-н-н! – отбивал колокол, и ему вторил другой: – Дин! Дан! Дон-н-н-н!» Словно город встречал Крысолова, одновременно и приветствуя, и угрожая: тяжелый колокольный звон плыл в небе, растекался по улицам, и дудочкин напев казался слабым и беспомощным, словно придавленным им. Но когда смолкли колокола, дудочка вернулась в свое право, и снова зазвучала простенькая мелодия. Крысолов придумал ее сам много лет назад, с тех пор всегда играл только ее, оказываясь в новом месте, и считал чем-то вроде своего талисмана. Поэтому ему не понравилось, как некстати пробили колокола. Второй его талисман находился в сумке, и он чувствовал, что давно пора его проверить. Но сейчас время было совсем неподходящее. Нужно подождать, когда он окажется в одиночестве.

Женщины, высыпавшие навстречу, смотрели на него расширенными испуганными глазами, а некоторые принимались визжать куда громче своих отпрысков и удирали либо застывали на месте как вкопанные – видно, давненько в их городе не появлялись крысоловы, а если появлялись, то выглядели иначе. «К тому же не каждый день увидишь слугу Дьявола», – с внутренней усмешкой подумал Крысолов. Но он заметил и заинтересованные взгляды. В одном из окон, не закрытых ставнями, мелькнуло его отражение: высокий, худой, заросший человек с синими

глазами. Мать была синеглазой, он пошел в нее. Несколько женщин из тех, которых он покупал, говорили, что у него удивительные глаза – но он не верил: конечно же, лгали, чтобы вытащить из него побольше монет. Некоторые проявляли удивительную настойчивость в попытках встретиться с ним снова, но и это было объяснимо: он всегда платил, и платил щедро.

Оглядевшись, Крысолов увидел: мужчины в городе почти все были с гладкими щеками и подбородками – значит, и сюда пришло поветрие сбривать волосы на лице.

У многих детей он заметил в руках игрушки – вертушки на палках, бешено крутившиеся, когда их лопасти попадали под сильный порыв ветра. Их громкий стрекот заполнял улицы, и непрерывно то здесь, то там начинала трещать новая вертушка. Крысолов видел, как мальчишки, собирающиеся драться, втыкали палки между камней мостовой и вцеплялись друг другу в волосы, словно дикие звереныши. Он никогда не испытывал симпатии к детям, но эти были особенно злобны и яростны.

Он чувствовал присутствие крыс, и близкое присутствие, но ни одного зверька не попалось ему на глаза, хотя он обшаривал улицу внимательным взглядом, стараясь замечать все детали. Он уже начал опасаться, что толстуха соврала ему или все выдумала, потому что город, на первый взгляд, вовсе не был охвачен страхом, как те деревни в Вестфалии. И вид у жителей был озабоченный, а у некоторых испуганный, но то был страх, вызванный его появлением.

И все же толпа, сопровождавшая его, незаметно разрослась. Теперь за ним следовали не только дети, но и взрослые, которые хоть и опасались вступать в разговоры с пришельцем, но перекидывались фразами между собой, словно бы не замечая его, будто шли по своим делам и случайно встретились. Лишь один человек осмелился приблизиться к нему и теперь волочился рядом, почти вплотную, хотя Крысолов предпочел бы, чтобы тот отошел подальше – старый, изъеденный язвами и покрытый коростой старик в лохмотьях, вонючий, как разлагающийся крысиный труп. Дети тыкали в него палками, а старик огрызался, оскаливая оставшийся во рту десяток гнилых зубов. И все время бормотал, бормотал, так что в конце концов Крысолов начал прислушиваться к тому, что же он бормочет.

– Говорят добрые люди, и злые тоже, и те, кто не добрые и не злые, каких большинство, – бубнил старик себе под нос, но вполне отчетливо, так что Крысолов слышал каждое слово, – что появились удивительные крысы, с длинной шерстью, такой длинной, что они кажутся заволосевшими. Еще говорят, что среди черных видели таких крыс, каких никогда не появлялось

раньше, – с белой шерстью, такой белой, словно срезали ее с овец. И говорят также, что от союза белых и черных крыс рождается раз в сто лет такая тварь, которая приходит, чтобы истребить род людской, и узнать ее можно только по знаку зверя за левым ухом и еще по запаху, потому что пахнет от нее молоком, а всем известно, что крысы выкармливают своих отродий желчью, а не молоком. И молоко той твари нужно для того, чтобы выкормить сына дьявольского, ибо из всех живых существ никто, кроме крысы, не согласился на такой грех перед Господом Богом нашим. И еще говорят... – старик понизил голос, – что они разносят черную смерть.

Крысолов вздрогнул и сбился с шага, но не остановился и не подал вида, что расслышал последние слова. Все, что бормотал вонючий нищий до этого, было обычной бессмыслицей, которой Крысолов наслушался невероятное количество за годы своих странствий. Но черная смерть не была бессмыслицей.

Он повернулся и посмотрел на старика, но тот с неожиданным проворством вдруг скользнул в толпу детей, с верещанием рассыпавшихся в разные стороны, и исчез в темном переулке, сверкнув на прощанье неприличной прорехой в своей дырявой одежде. Крысолов проводил его мрачным взглядом. Впрочем, правду говорил нищий или врал, но сказанное им следовало запомнить.

Они двигались по главной улице города туда, где острыми иглами спицей целился в проплывавшее над ним брюхо облака собор. Издалека завидев его, Крысолов поразился тому, насколько тот огромен и величественен. Но отчего-то чем ближе они подходили, тем меньше казался собор, и когда стискивавшие их справа и слева дома расступились и Крысолов очутился на главной площади, впечатление ошеломительной грандиозности рассеялось окончательно. Собор как собор, подходящий для богатого города.

Рядом не такая высокая, но куда более основательная, громоздилась ратуша – мрачное каменное здание, больше похожее на тюрьму. Вокруг – опустевшие лавки, оставленные деревянные лотки, под которыми все вычищено так, словно торговцы, уходя, вылизали площадь языками.

– Где нынче торгуют? – спросил Крысолов у ближайшего мальчишки, поймав того за ухо, чтобы не вывернулся. Он видел подводы крестьян, видел, что в Хамельн привозят провизию, но рынок, перед которым они стояли, был заброшен.

– Нигде! – Мальчишка попытался вырваться, но ухо его стиснули железные пальцы. – Теперь торговцы развозят товар напрямик по бюргерским домам!

– Почему так?

– Потому что крысы! Крысы, добрый господин! Добрый господин, отпусти мое ухо!

– Оторву его и скормлю крысам, если ты соврал, – пригрозил Крысолов. – Отчего же я не вижу ни одной черной твари? Где они все?

В глазах мальчишки мелькнул страх. Он покосился на собор и проблеял:

– Там... Они все там...

– Где – там?!

Но прохвост рванулся изо всех сил, и Крысолов отпустил его. Все равно по глупой роже было видно, что толку от него не добьешься.

Двери ратуши распахнулись, и на ступеньках показалось несколько человек. Крысолов сунул уже ненужную дудочку в карман – свою роль она исполнила, как и его яркий наряд, как и шест, на верхушку которого он еще на подходе к площади предусмотрительно набросил ярко-красный платок, длинные концы которого свисали до середины шеста. К следующему звону колоколов весь Хамельн будет знать, кто появился в его стенах.

Неспешными шагами он направился к поджидавшим его людям, на ходу раздумывая о том, почему же все-таки не видно крыс.

Навстречу ему выдвинулся широкоплечий человек с окладистой черной бородой, едва ли не первый из увиденных Крысоловом, у кого сохранилась растительность на лице. Блестящие, глубоко посаженные глаза смотрели на пришельца угрюмо, но без страха. Пальцы перебирали разноцветные нити на конце расшитого пояса.

– Зачем ты пришел? – зычным голосом спросил он, легко перекрыв шум людей за спиной Крысолова. Те притихли.

– Избавить вас от напасти! – дерзко ответил Крысолов, делая еще шаг ему навстречу и прикидывая расстояние, оставшееся до чернородого. Это могло оказаться важным.

– Где ты видишь напасть? Или ты встретил по дороге хоть одну крысу? – с притворным удивлением осведомился бородатый, и сзади послышались смешки.

– Мне не нужно их видеть. Я их чувствую, – сказал Крысолов, что было истинной правдой. Он не сомневался, что крысы в городе есть. – Или ты думаешь, что я шарлатан?

– Ну что ты! Конечно, нет! – с нескрываемой издевкой возразили ему. – Разве может быть у шарлатана диплом, в котором говорится на одном понятном всем и двух не понятных никому языках, что он – первый во всей стране уничтожитель крыс. Разве могут быть у него письма от

почтеннейших людей города Кельна, в которых описаны его подвиги? Разве, спрошу я тебя, может быть у шарлатана грамота от них же, в которой они благодарят его за чудесное избавление?

«Да, кто-то допустил промашку, попытавшись надуть славных местных жителей, – подумал Крысолов, глядя на высокомерные лица. – Скудоумные лгуны, рассчитывавшие на звонкую монету и не удосужившиеся изобрести ничего правдоподобнее, чем письма и бумажки с печатями – само собой, подложные. Такие трюки проходят только в деревнях, где нет ни одного жителя, разумеющего грамоту. Но в Хамельне?!»

– У меня нет ни дипломов, ни писем, ни грамоты, – громко сказал он, дождавшись, когда утихомирится толпа, снова заворчавшая после слов чернобородого, будто пес, не получивший вождя кость. – Мне они не нужны. Крысам ни к чему грамоты, им нужно Слово, которое изгонит их из города, и я его знаю. Если же ты все-таки считаешь, что перед тобой – мошенник... – он повысил голос и приготовился, – тогда пускай ЭТО убедит тебя в обратном!

В следующий миг он исполнил один из своих коронных фокусов, срабатывавших всегда и со всеми: уронил навстречу чернобородому шест, в последний миг встряхнув его так, что платок слетел и опустился на каменные ступени ратуши.

Он любил эту забаву. Так просто и так впечатляюще. Перед лицами стоящих на крыльце оказались оскаленные морды крыс: все пятнадцать, искусно сшитых вместе, так что казалось, будто из одного толстого тельца вырастают головы – пятнадцать голов, торчащих в разные стороны, словно жутковатый цветок, распускающийся из серого стебля.

Люди вскрикнули и отшатнулись. Конечно же, они не боялись чучел! Но внезапность есть внезапность – ни один из них не успел скрыть своих чувств.

– Я убил его семь дней назад, – презрительно бросил Крысолов, зная, что все равно ни один из них не будет проверять. – Если тебе нужны еще какие-то доказательства, обратись к другому ловцу.

Он вздернул шест, отчего крысы на нем затряслись, повернулся спиной и сделал несколько шагов в сторону городских ворот.

– Э-э, постой! Стой, крысолов!

Что ж, сразу несколько голосов. Это хорошо...

Он нехотя обернулся. Толпа отпрянула назад.

– Похоже, ты в самом деле тот, за кого себя выдаешь, – мрачно сказал чернобородый, поглядывая на шест. – Слишком уж много в последнее

время развелось желающих заработать на несчастьях нашего бедного города.

«Бедного города? – хмыкнул про себя Крысолов, слушавший эту тираду с непроницаемым лицом. – Как бы не так!»

Но вслух сказал совсем другое:

– Я хочу поговорить с бургомистром.

– Проходи.

Оказавшись в ратуше, Крысолов позволил себе осмотреться, уже не скрывая интереса. Просторный, хоть и очень темный зал, в который его ввели, был заполнен людьми, сидевшими на длинных скамьях вдоль стены и толпившихся неподалеку от входа. Судя по одежде, здесь ожидали торговцы. От грубых булыжных стен тянуло сыростью и холодом. Он и его провожатые миновали этот зал и очутились во втором, более светлом, потому что здесь горели свечи в канделябрах на столах, за которыми сидели писари в мантиях и смешных шапках, похожих на ночные колпаки – прежде он таких не видел. Перед некоторыми столами стояли просители, а писари скрипели перьями, уткнувшись в бумаги, будто не в состоянии оторвать от них взгляда. На Крысолова они все же взглянули со сдержанным любопытством и снова углубились в свои занятия.

Перед третьим залом в коридоре стояла охрана – два мордастых стражника с алебардами. Один из них потянулся было к мешку за спиной Крысолова, но тот взглянул на него так, что бедняга живо отдернул руку – видно, опасался, что в силах крысиного ловца откусить ее. Только шест Крысолов прислонил к стене, уверенный в том, что в его отсутствие никто не прикоснется к чучелу.

После этого двери перед ним распахнулись, и он прошел в залу, где принимал посетителей бургомистр Хамельна.

Вытянутая комната с двумя окнами, в которые узкими брусьями падает солнечный свет. В темном углу, куда не проникает солнце, несколько человек – не разглядеть, чем занимаются возле сундуков и лавок. На возвышении у дальней стены – простое деревянное кресло с высоченной спинкой. В кресле – бургомистр в окружении советников. Крысолова осторожно подтолкнули вперед, и он сделал несколько шагов навстречу тому, от кого зависело его пребывание в этом городе.

Бургомистр смотрел на него, стараясь сохранить непроницаемое выражение лица. Но природа выдала ему такое лицо, которое сложно было сохранить непроницаемым, и потому получалось у бургомистра плохо. Оно было пухлое и словно набитое изнутри комочками ваты, бугорками выпиравшими из крыльев короткого носа, из щек... а подбородок и вовсе

был ватный, мягкий – казалось, ткни – и палец утонет. И кожа у бургомистра была розовая-розовая, словно солнце этого лета, прохладного, но щедрого на светлые безоблачные дни, не обжигало ее вовсе.

При том он был высок и держался, как подобает важному человеку, – выкатив вперед объемистый живот, с которого ниспадали складки бархатного красно-лилового платья. Во всем его облике было что-то неуловимо нелепое, и Крысолов внезапно поймал себя на ощущении, будто сидящий в неудобном кресле человек прекрасно осведомлен об этом и сам прилагает старания к тому, чтобы казаться смешным. Это ощущение ему не понравилось. Да и взгляд у бургомистра был испытующий.

У его ног, склонившись, стоял человек и что-то нашептывал, то и дело оборачиваясь на вошедших. Наконец он замолчал, поклонился и стал пятиться назад, пока не скрылся в темном углу.

– Значит, ты называешь себя крысоловом? – нарушил молчание бургомистр. Голос у него оказался высокий, но сильный.

Крысолов молча поклонился в ответ.

– Отвечай!

– Да, ваша светлость. – Он обращался так к любым чиновным господам независимо от того, носили ли они титул. Это всегда себя оправдывало.

– И ты берешься истребить всех крыс Хамельна? И подпишешь бумагу, в которой будет говориться об этом?

Крысолов увидел ловушку и усмехнулся в бороду. Видно, знать этого города привыкла иметь дело с круглыми дураками.

– Ваша светлость, я не берусь истребить *всех* крыс до одной. Это не в силах человеческих. Я лишь могу ручаться, что Крысиный Король уведет большинство своих подданных прочь из этих мест.

За креслом возникло брожение и перешептывание.

– Почему ты считаешь, что у тебя получится то, что не получилось у нашего епископа? – пронзительно выкрикнул стоящий за креслом маленький седой старик с ехидным лицом. – Крысиный Король был вызван на суд, но посмел не явиться, бросив тем самым вызов Церкви. Ты же утверждаешь, что можешь вступить с ним в сговор!

– Ни в коем случае, ваша светлость! – немедленно возразил Крысолов. – Никаких сговоров! Напротив, я сообщу Королю тварей о том, что он нарушил наши законы. У меня есть верные средства для того, чтобы он покинул ваши края.

– Козни дьявола... – проворчал старик, но отступил на шаг назад.

– Сколько времени займет твое колдовство? – брезгливо спросил

чернобородый, который подошел к окну и теперь стоял там вполоборота к Крысолову, заложив руки за спину.

Задавая вопрос, он даже не обернулся, выказывая пренебрежение. Но пренебрежение, как считал Крысолов, есть меньшее из возможных зол. Лучше уж пусть им пренебрегают, чем присматриваются так внимательно, как худой мужчина с заостренным подбородком, длинная черная ряса которого волочилась по каменному полу.

– Около пяти дней.

– Это слишком много! – воскликнул один из советников, и Крысолов едва сдержал удивление.

– Однако... – начал он, аккуратно подбирая слова, – бедствия вовсе не так велики, как рассказывают...

И поймал взгляд, которым обменялись чернобородый и бургомистр.

– Что же может произойти за пять дней? – закончил он, изучающе глядя на них.

Вместо ответа бургомистр наклонился к нему из кресла:

– Сколько ты хочешь за свою работу?

Он взвесил все, чему был свидетелем в этот день, и хотя голос разума говорил, что никто не заплатит больше, чем принято, поскольку в городе нет голода, что-то заставило его сказать совсем другое:

– Сто золотых солидов и тысячу денариев.

Сзади кто-то издал невнятный звук, а бургомистр изумленно привстал, но под взглядами советников сел обратно.

– Сто солидов?! – он рассмеялся, но смех его прозвучал неестественно. – Да ты пьян или сошел с ума!

– И тысячу денариев, – напомнил Крысолов, удивляясь собственному спокойствию и убежденности в том, что он получит то, что просит.

Старик, говоривший о кознях дьявола, трагическим жестом воздел руки к потолку и завопил:

– Тысячу денариев за то, чтобы прогнать три сотни крыс?! Убирайся отсюда! Убирайся, пока тебя не схватили и не бросили гнить в тюремные подвалы! И рассказывай всем о великой милости нашей, по которой мы отпускаем тебя, несмотря на твою наглость!

Однако вопли его звучали не слишком убедительно, и в конце концов старик замолк. Только глаза его продолжали метать молнии.

Крысолов помолчал и сам, по своей воле, подошел ближе к возвышению. Его никто не остановил. Он поднял глаза на бургомистра и тихо сказал:

– Я прошу не так много, если подумать, от чего избавится Хамельн.

Ведь поговаривают, ваша светлость, что крысы разносят черную смерть.

В голубых глазах навывкате отразился ужас, но бургомистр быстро взял себя в руки.

– Это лживые слухи! – прошипел он, наклонившись к Крысолову. – За которые тебя вздернут на виселице, если ты осмелишься еще раз упомянуть об этом!

– Но ведь разношу их не я, – таким же шепотом возразил Крысолов. – И потом, скажи, сильно ли тебе поможет мой труп, если окажется, что я прав?

Наступила тишина. Бургомистр поедал его взглядом. Наконец он откинулся назад и выдохнул:

– Ты берешься избавить город от крыс независимо от любых обстоятельств, которые могут помешать тебе?

– Да, – твердо ответил Крысолов. – В пять дней или меньше. «Если повезет», – добавил он про себя.

Добрая дюжина человек сопровождала его в залу ратуши, где он обязан был поклясться на Библии, что не использует свою силу против Церкви и жителей, и поставить свой знак на договоре с городом. Эта новая комната, куда его привели, была забита манускриптами, большую часть из которых, как он заметил, поели крысы и мыши.

– Ставь свой знак!

Перед ним развернули свиток, который он взял в руки и поднес к глазам под насмешливыми взглядами своих спутников. Они не сомневались, что он не умеет читать. Откуда им знать, что он, сын аптекаря, научился разбирать странные значки в книгах отца, когда ему не было шести. Итак, обычная формула: «Я, пользуясь своей силой, недоступной обычным людям, обязуюсь изгнать...»

– Тебе зачитают вслух, – пренебрежительно сказал чернобородый.

– Благодарю, ваша светлость, – хладнокровно ответил он. – Но в этом нет нужды. Позвольте заметить, что здесь ничего не сказано о моей награде.

Они не смогли скрыть удивления. Затем нехотя распорядились позвать писаря, и тот занес в договор все, что потребовал от него Крысолов. Нельзя было подписывать договор без того, чтобы его не прочитал бургомистр, и потому всей гурьбой они пошли обратно, провожаемые шепотком и недоверчивыми взглядами: весть о прибытии заклинателя крыс уже разносилась по ратуше, а если бы и не разносилась, костюм его привлекал к себе достаточно внимания.

В главной приемной зале все прошло быстро: бургомистр вывел свою

подпись и приложил к свитку печать, которую ему поднесли на золоченом подносе. После этого договор протянули Крысолову, и он, успокоенный, уже собирался поставить свой знак, когда неожиданно осознал, что в зале появился еще один человек, которому здесь не было места. Этот человек прятался в темном углу, как видно, надеясь, что его не заметят среди сборища сутулых стариков, толпившихся возле лавки. Они были как плесень, разросшаяся на влажных холодных стенах, и всякий, попадавший в окружение этой плесени, сливался с ней. Но Крысолов его заметил. Вернее, почувствовал. Он поднял глаза и застыл, сдерживая негодование.

Это была женщина. Как раз входившая в тот возраст, в котором они становились наиболее опасны – около двадцати пяти лет, может быть, чуть младше. Рыжеватая, загорелая, в зеленом чепце и простом сером платье, которое оставляло руки обнаженными по локоть, она смотрела на него так, как ребенок смотрит на зверей в бродячем цирке, – приоткрыв рот, широко распахнув глаза. Когда она увидела, что ее обнаружили, то сперва смутилась и нырнула за спину одного из стариков, но очень скоро выставила рыжую мордочку снова. Он знал, что рыжую, потому что видел золотистое сияние выбившихся из-под чепца волос.

Его охватила злость. Женщине нечего делать в ратуше! К тому же его покорила оскорбительная откровенность ее поступка – она ведь пришла лишь затем, чтобы посмотреть на него, и никто даже не подумал этого скрыть! Он резко черкнул по свитку пером, и поставленный им знак – две пересекающихся линии, как крест со смещенной вниз серединой – внимательно рассмотрели все стоявшие вокруг бургомистра.

Детали были обговорены быстро – где он будет жить, нужны ли ему помощники, сколько бутылок вина в день он хочет получать. Услышав последний вопрос, он понял, что его предшественники не теряли здесь времени зря, а раз так, было бы глупостью не воспользоваться плодами их трудов. Он вышел из ратуши, пообещав бургомистру начать работу с завтрашнего утра, хотя в действительности намеревался освоиться в городе уже сегодня, чтобы понять, как он будет бороться с местными крысами. «Неплохо увидеть хотя бы одну для начала».

У выхода его ждала толпа в три раза большая, чем та, с которой он сюда пришел. Невежественные люди, они полагали, что он *УЖЕ* провел обряд изгнания и сейчас предъявит им крысиные трупы, как будто одно его слово могло истребить всех до единой крыс в городе. Чтобы не разочаровывать их, он снова показал «Крысиного Короля», и большинство тут же разбежалось. Остались лишь дети со своими вертушками, которые выводили его из себя стрекочущими звуками, да несколько мужчин с

туповатыми лицами, которым, похоже, было все равно, на кого глазеть.

Но в последний момент, когда ратуша уже почти скрылась из виду за изгибом улицы, он увидел, как из дверей выскользнула гибкая женская фигура и устремилась за ними, и все время, что они шли до дома, в котором бургомистр распорядился поселить его, рыжая следовала за ним, будто бы по своим делам. Все эти бабы любопытны, как крысы, он давно это заметил. В конце концов она потеряла осторожность и приблизилась к нему почти вплотную. Выведенный из себя таким бесстыдством, он обернулся и поймал ее взгляд, но она не отвела глаза, а продолжала смотреть на него, будто замороженная. Крысолов сплюнул, отвернулся и больше не оборачивался. Дразнить самолюбие развязной бабенки он не собирался».

* * *

Серебряный шар, крутившийся над полутемным залом, сверкал и рассыпал блики, которые валились на танцующих, как снег, и исчезали в никуда. Музыка гремела вовсю, но даже она не заглушала азартных криков, доносившихся из соседнего зала, и резких, как выстрел, ударов: там компания мужчин гоняла шары на бильярдном столе, и официантки сновали туда-сюда все с новыми и новыми кружками пива. Алька даже наведальась в этот зал, оценила потенциал игроков, стараясь не привлекать к себе внимания, но вернулась на свое место, разочарованная. Менеджеры, смывшиеся из дома, вот кто это был. «Сбежавший из семейной клетки менеджер, конечно, страшный зверь, – подумала Алька. – Но мне, увы, не подойдет».

Возле шеста в центре танцпола извивалась, томно закатив глаза, пухленькая девушка лет семнадцати. Сидя за стойкой бара, Алька поглядывала на нее и размышляла, как скоро девица шлепнется. «Полминуты. Если ей повезет, то одна минута».

Воодушевленная жидкими аплодисментами двух бледного вида юношей, раскачивающихся возле танцпола не в такт музыке, девица повернулась спиной к шесту, опустила на корточки и стала медленно подниматься, прогнувшись в спине. «Кто ж тебя, милая, учил попу так отклячивать? – мысленно посочувствовала ей Алька. – Ты же, как пить дать...»

Закончить мысленную фразу она не успела: девушка потеряла равновесие, покачнулась и свалилась набок, в последнюю секунду ухватившись за шест.

– Третий раз уже падает, – флегматично заметили за Алькиной спиной. – А все не уgomонится.

– Мы, женщины, такие, – согласилась она, обернувшись.

Бармен, разумеется. Коренастый невысокий парень со взглядом пройдохи. Смотрит на нее с интересом, ухмыляется совершенно откровенно. «Может, ты мне и нужен, дружочек?»

Парень смешал коктейль, поставил на стойку перед Алькой.

– За счет заведения.

– Спасибо.

Она еще не решила, подойдет он ей или нет, и потому улыбнулась многообещающе, с намеком.

– Володь, три «кровавых Мэри», – выпалила подбежавшая официантка, и бармен, подмигнув Альке, отошел в сторону, а она задумалась, невидяще глядя на танцующих.

Из города нужно было бежать. Алька рассмотрела все варианты и мысленно извинилась перед ангелом-хранителем. «Ты же видишь, – про себя сказала она, – такое дело... Боюсь, даже тебе не удастся мне помочь. Но ты не переживай, я что-нибудь придумаю. Нам с тобой главное – найти подходящую кандидатуру на роль проводника».

Алька ни секунды не сомневалась, что Перигорский отправит за ней всю свою свору. «Уже отправил», – поправились она. Ей пришло в голову, что очень забавно было бы посмотреть на лицо сыщика, которого она так замечательно одурачила, и Алька рассмеялась от души, несмотря на всю серьезность положения. Но обмануть саму себя не удалось: ее грызла тревога, потому что к числу охотников она своими руками присоединила человека, казавшегося ей более опасным, чем десять Перигорских. «Хотя лысого хрыча тоже нельзя недооценивать. В конце концов, кто, как не он, взял для расследования этого Илюшина».

Алька вспомнила серые глаза сыщика и поежилась. Просто удивительно, что ей удалось провести его! Ангел-хранитель, представлявшийся ей веселым небритым мужиком с крыльями, с которых опадали мелкие грязно-белые перышки, наверняка приложил к этому руку. «Теперь сделай так, чтобы он меня не нашел!»

План у нее сложился сразу же, как только она увидела вывеску ночного клуба. Основная сложность заключалась в том, что нужно было выбрать подходящего человека, и она не имела права ошибиться. За ошибку пришлось бы слишком дорого заплатить.

Джинсы, купленные в первом попавшемся магазине, были Альке изрядно велики, но пояс, к счастью, скрывала просторная рубашка. Все

деньги, которые она выгребла из портмоне сыщика, пришлось отдать за эту подделку «под фирму», и у нее осталось совсем немного – на пару коктейлей да салат. «Ничего, – утешала себя Алька, – если я найду того, кто меня вытасчит отсюда, финансовая проблема на ближайшее время будет решена».

Проще всего было выбрать мужчину. На первый взгляд, этот вариант казался единственно возможным и наиболее подходящим для Альки. Но что-то в ней сопротивлялось, какой-то маленький жучок сомнения свербил внутри, и уже два подходящих на вид кандидата ушли из клуба, сопровождаемые стройными длинноволосыми девами в тесной одежде. Алке представлялся потный, подвыпивший ангел, сидящий на проводах, свесив волосатые ноги, и укоризненно качающий головой. «И какого дьявола я тебя слушаю, а? Если сюда догадаются заглянуть люди Лысого, ты меня будешь вытаскивать, что ли?!»

Но она по-прежнему медлила, рассматривая тех, кто танцевал, сидел за столами, подходил к стойке, бросая на нее взгляды. Контингент здесь был не Алькин, но капризничать на ее месте не приходилось.

Взгляд ее упал на коротко стриженную девушку лет двадцати пяти, самозабвенно двигавшуюся под латиноамериканскую мелодию. У девушки были белые волосы, торчащие во все стороны блестящими иглами, сильно выпяченный вперед подбородок и узкие плечи с выгнутыми мостиками ключиц. Джинсы, небрежный топ, не стесняющий движений... Наметанным взглядом Алька определила, что танцует белобрысая почти профессионально, и одобрительно кивнула, когда та сделала «волну»: гибкая оказалась девчонка, пластичная. Мелодия закончилась, и кто-то из стоявших рядом парней тронул белобрысую за руку, сказал что-то, ухмыляясь, но та молча, с презрительным выражением отняла руку и отошла на несколько шагов.

Вернувшийся бармен, проследив за взглядом Альки, перегнулся через стойку и попытался доверительно сказать, а на самом деле почти крикнул ей в ухо:

– Это Вика! Девочек предпочитает! Каждую субботу у нас тусит.

Теперь Алька посмотрела на Вику внимательнее. «Девочек предпочитает, говоришь?» Она представила себя стоящей под проводами, ощутила, как на голые руки упали щекочущие перышки, и подняла глаза вверх. «Ну, что скажешь?» Ангел показал большой палец, на который налипла шелуха от семечек, и, кажется, одобрительно икнул.

Когда под выкрики диджея заиграла следующая композиция, Алька спрыгнула с высокого табурета и, покачивая бедрами, влилась в толпу

танцующих, стараясь встать поближе к Вике. Движения она поймала без труда и легко повторила, подбавив чувственности. Возле нее очень быстро образовался небольшой круг, как и возле белобрысой, и Алька с удовлетворением заметила, что та стала приглядываться к ней. Спустя несколько секунд они уже танцевали в одном круге, не говоря ни слова, подчеркнуто не обращая внимания друг на друга. Глаза опущены, бедра извиваются в такт ритму, лица отрешенно-сосредоточенные. Какой-то подвыпивший тип в мятой рубашке попытался присоединиться к ним, но его оттеснили.

– А теперь... – раздался усиленный микрофоном голос, – медленный танец! Дамы приглашают кавалеров. Девчонки! Не стесняемся, делаем что хотим!

Вокруг раздался дружный смех.

– Делаем что хотим... – протянула Алька и посмотрела на шест, а затем перевела взгляд на девушку, стоявшую рядом. Та рассматривала ее, и вид у нее был немного озадаченный.

– Слабо повторить там? – крикнула Алька, кивнув на танцпол, куда уже вылезли две шатающихся пары.

И, не слушая ответа, размашистым шагом направилась к нему.

– О, у нас еще одна желающая показать свое искусство на шесте! – надрывался ведущий. – Подбодрим красавицу в белой рубашке! Уверен, нам сейчас покажут высокий класс!

«Даже не представляешь, насколько высокий».

Зазвучала композиция, и Алька замерла, глядя в пол, заложив руки за голову. Досчитала про себя до четырех – и начала танцевать.

Внизу кто-то присвистнул, и сразу же назойливый голос взвыл:

– О-о, какое шоу сегодня в нашем клубе! Две кр-р-расотки-блондинки!

Пройдя мимо остановившихся пар, словно не замечая их, Вика встала перед Алькой, усмехнулась и сделала такой жест, словно расстегивала на ней «молнию».

– Давайте, давайте, девочки, не останавливайтесь!

«Девочки» и не собирались останавливаться. Положив руки на плечи Альке, Вика развернула ее, медленно опустилась вниз, ведя ладонями по телу, будто раздевая. Под одобрительные выкрики они извивались возле шеста, словно две змеи, готовящиеся задушить друг друга, но отчего-то медлящие. Их импровизированный танец выглядел настоящим стриптизом, хотя ни та, ни другая не расстегнули и пуговицы, и Алька, обещавшая себе сохранить холодную голову, против своей воли наслаждалась ситуацией: возбужденностью зрителей, возбужденностью партнерши, своей

способностью управлять телом так, чтобы каждое движение перетекало в следующее незаметно для глаз.

Она танцевала, как танцует русалка в воде, – преодолевая ее сопротивление, изгибаясь, словно морская трава в набегающих волнах. Вика танцевала иначе: резко, почти агрессивно. Когда музыка закончилась, обе стояли, прижавшись спинами к шесту и тяжело дыша.

– Это был вы-ы-ысший класс! – взвился диджей. – Только не будем совать купюры в трусики нашим девочкам, лучше поплодируем им от души!

– Еще давай! – завопили в зале. – Э, девки, поддайте жару!

Алька обернулась к Вике:

– По-моему, пора сваливать. Кстати, это и впрямь был высший класс. Мне понравилось.

– Да, сейчас придурки кипеть начнут, – кивнула та. – Пошли отсюда.

Они спустились в туалет. Музыка сюда почти не доносилась, и Алька облегченно выдохнула.

– Фу-ух! Слушай, классно танцуешь! Где занималась?

– Да так, везде понемногу. Меня, кстати, Вика зовут.

– Меня – Алька.

– Ничего так имя. Прикольное.

Она в первый раз широко улыбнулась, обнажив ровные, крупные, как кукурузины, зубы. Из кармана вытащила тонкий цилиндрик помады и принялась подкрашивать губы, наклонившись близко к зеркалу и водя розовым огрызком влево-вправо.

– Я тебя раньше здесь не видела. Первый раз, что ли?

– Угу. А ты, говорят, частенько сюда навещаешься.

– Кто говорит?

– Бармен, – честно призналась Алька.

– А-а... – Вика рассмеялась. – Трепло собачье. Рассказывал тебе, наверное, что я страшная кусачая лесбиянка? Да?

Чуть растерявшись, Алька кивнула.

– Вот что значит один раз не дать! Мстительный оказался, поросенок.

Теперь она показала Альке совсем другой, чем наверху, – грубее, откровеннее и куда проще. И понравилась куда больше.

– А ты чего танцевать-то полезла, если думала, что я из этих? – озадачилась Вика. – Или ты сама такая?

– Не такая, – рассмеялась Алька. – Танцевать просто так полезла. На душе хреново было, вот и захотелось расслабиться.

– А, это я понимаю. Я сама такая. У меня каждую субботу на душе

хреново, поэтому я сюда и тащусь из своей дыры.

– Что за дыра? – небрежно спросила Алька и затаила дыхание.

– Да поселочек небольшой, тридцать километров отсюда. Его только выстроили. Егорин – слыхала, нет? Да никто не слышал. Там всех развлечений – только пауков солить. Еще собакам хвосты крутить, пока не оторвутся. Я за неделю дурею – не представляешь как. Работаю-то дома, никуда не выбираюсь. А ты живешь рядом, что ли?

– Да не... – сказала Алька, поправляя спутавшиеся волосы, – далеко я живу.

– А сюда чего?..

Вопрос повис в воздухе. Алька перестала тереть волосы, поймала в зеркале Викин взгляд и помолчала, принимая решение. Та подняла брови, почувствовав что-то, застыла с помадой в пальцах. Алька облизнула губы и сказала, надеясь, что поступает правильно:

– Спрятаться мне нужно было, Вик. Вот я сюда и заскочила.

– У-у-у, вон оно что! – протянула та, соображая. – А если найдет он тебя?

– Они, – поправила Алька. – Если они меня найдут... Не знаю, Вик, что будет. Честно.

Она отвела взгляд.

– Ну, допустим, до утра ты тут пересидишь... А дальше куда?

– Не знаю, – повторила Алька. – По-хорошему, из города надо сваливать, но ехать мне некуда. Да и они меня перехватят где-нибудь, у них возможностей хватит.

– Ну ты, мать, крута! Это что ж за типы, с такими-то возможностями?

Альке показалось, что в голосе девушки прозвучало восхищение, смешанное с уважением.

– С деньгами все можно, – уклончиво сказала она. – Ты же понимаешь.

Вика тщательно закрыла тюбик помады, явно раздумывая о чем-то. Алька поймала в зеркале брошенный на нее быстрый взгляд. Сверху усилилось «тыц-тыц-тыц», дверь распахнулась, впустив стайку громко хохочущих девчонок, тут же разбежавшихся по кабинкам и начавших перекрикиваться друг с другом.

– Слушай, – наконец сказала Вика, снова наклоняясь к зеркалу и рассматривая свое отражение, – вывести тебя отсюда не проблема. Хочешь, можешь у меня перекаптоваться недельку, пока не придумаешь чего-нибудь. Я одна живу, мне без разницы.

У Альки радостно екнуло сердце. Она повернула голову, встретившись взглядом уже не с зеркальной Викой, а с настоящей.

– Правда, можно? – с надеждой спросила она. – Вик, у меня ведь ни денег, ничего... Я заплатить тебе не смогу. Даже расчески, и той нет!

– Ты чего, расческами собралась со мной расплачиваться? – грубовато поинтересовалась та. – Расчески мне очень актуальны, при моей-то шевелюре!

Она поворошила ладонью свой белобрысый ежик и скорчила гримасу. Алька засмеялась.

– Короче, нечего сопли жевать: хочешь ехать со мной – поехали, – подвела итог Вика. – Я все равно скоро уходить собиралась.

– Поехали!

– Ну и чудненько. Все, тронулись! А то сейчас малолетки набегут.

Когда они выскочили из клуба, то обнаружили, что идет мелкий дождь. Асфальт мокро блестел в свете фонарей. У выхода под козырьком курила компания, и Алька отвернулась в сторону, пробегая мимо них.

– Где ж ты, моя ласточка... – бормотала Вика, натягивая на голову капюшон короткого тонкого плаща. – Где ж ты, моя красавица... А, вот куда ты спряталась!

Старенький, выдавший виды красный «Хундай» с вмятиной на боку показался Альке лучшей машиной в мире. Вика плюхнулась на сиденье и сразу достала откуда-то пачку сигарет.

– Курить буду много! – предупредила она. – Ты как, ничего? В смысле, не возражаешь?

– Я не буду возражать, даже если ты решишь на меня пепел стряхивать, – искренне ответила Алька. – Только поехали быстрее, а?

– Да не паникуй, прорвемся!

Алька искоса взглянула на воодушевленное лицо неожиданной спасительницы и подумала, что если по дороге она не расскажет свою историю, непременно с устрашающими подробностями, то ужасно разочарует Вику. В идеале та ожидает погони, страстной любви некрасивого, но могущественного олигарха, жаждущего отомстить несостоявшейся возлюбленной, появления ревливой жены олигарха... «Только бы в индийское кино не свалиться, – размышляла Алька. – Она ведь вовсе не дура».

Освещая фарами дорогу, «Хундай» выбрался со стоянки, пятясь задом. Дождь в свете фар был похож на тучу крошечной мошкары.

«Господи, выбраться отсюда скорее – и больше ничего не надо, – мысленно сказала Алька, снова вспомнив лицо обманутого ею сыщика – того, с серыми глазами, при одном воспоминании о взгляде которого ей становилось не по себе. – Ищи меня тогда, охотничья собака Лысого!»

Алькин ангел печально посмотрел ей вслед, а затем тяжело ухнул вниз с проводов и, взбивая крыльями воздух, с трудом поднялся выше и полетел... Но не за красной маленькой машинкой, быстрой букашкой уползавшей по светящемуся стеблю дороги, а в противоположном направлении – обратно, к городу.

Сергей перелистывал страницы «дел», составленных для него на скорую руку сотрудниками Перигорского. Перед ним стоял ноутбук, в котором имелись те же данные, но дальновидный Игорь Васильевич приказал распечатать каждое «досье» и оказался прав – Бабкину было удобнее и привычнее начинать работу с «живым» делом.

Четыре человека, четыре человека... С одной стороны, не так много. С другой, учитывая специфику их расследования, четверо – это очень много, это чертовски много! Он захлопнул поочередно все папки и разложил перед собой несколько листов, на которые успел выписать важную информацию о каждом из клиентов. Бабкин предпочитал ориентироваться по своим записям, а не по чужим.

А еще он предпочитал перед очередным важным делом составлять план. Он привык к этому с юности, убедившись, что единственная область его жизни, где он может ничего не планировать заранее, – это спорт. Там он проявлял удивляющую многих быстроту реакции, неожиданную в таком крупном и неповоротливом на вид человеке. Внешность Сергея была обманчива, в чем неоднократно удостоверялись те, кто недооценивал его.

Но во всем остальном ему приходилось продумывать заранее, что он будет делать, и записывать основные пункты плана. Бабкин не был ни глупым, ни медлительным, но старался избегать ситуаций, которые могли поставить его в тупик даже на короткое время.

В этом заключалось основное отличие их с Илюшиным методов работы. Макар, полагавшийся исключительно на собственное чутье, почти всегда действовал спонтанно и сам не смог бы сказать, какого результата ожидает от тех или иных своих поступков. Однако результат неизменно был, и именно тот, что требовался. Невероятно удачливый, с поразительной, почти феноменально развитой интуицией, Илюшин не раз ошеломлял Сергея, напоминая ему фокусника, вытаскивающего из рукава шумно хлопающего крыльями белого голубя. Обаятельный, легко входящий в доверие к людям, Макар хорошо чувствовал, где ему говорят правду, а где лгут, и Бабкин был уверен, что именно Макар, а не он, пригодился бы для того задания, которое сейчас стояло перед ним.

В глубине души Сергей, очень любя свою работу, полагал, что он хороший оперативник, неплохой исполнитель – но не более того. Начав

тесно общаться с Илюшиным, сперва использовавшим его в паре дел как наемную рабочую силу, а затем предложившим постоянное сотрудничество, Сергей решил, что отличается от талантливой напарника, как ломовая лошадь от орловского рысака.

Бабкин очень сильно удивился бы, если бы узнал, что сам Макар так вовсе не считает. За несколько лет работы с ним Сергей незаметно для себя из качественного исполнителя превратился в отличного сыщика. Ему не хватало блеска Макара, зато с верхом хватало добросовестности, бульдожьей хватки и сообразительности. Вкупе с опытом, приобретенным за время работы в прокуратуре, это делало его незаменимым для Илюшина. Но Сергею тот о своем отношении не сообщал, считая, что это очевидно Бабкину точно так же, как и ему самому.

Сергей подумал, что с «Артемидой» ему катастрофически не везет: второй раз, попадая сюда в связи с расследованием, он вынужден действовать как бог на душу положит. Но времени катастрофически не хватало – отпущенные им трое суток истекут очень быстро, а никаких фактов, способных пролить свет на смерть Микаэлы Костиной, пока не появилось. Побег Аллы Рокуновой Бабкин к ним не относил.

График передвижений «гостей» по третьей сцене лежал перед ним. Разумеется, составлен он был со слов «русалок» и гостей, потому что других свидетелей взять было негде. И по этому графику, разумеется, получалось, что никто из них не убивал Микаэлу Костину. Или же мог убить любой, что в их положении было одно и то же. Положение это сильно осложнялось тем, что ни один из находящихся на берегу озера или в самом озере не мог сказать точно, сколько времени пробыл в том или ином месте – поглощенные игрой, они не отвлекались на часы. «Между прочим, циферблатов на стенах я там что-то нигде не видел, – мрачно подумал Бабкин. – Вот и они не видели, м-да».

Сергей размышлял, не отрывая глаз от схемы с четырьмя квадратами, в которые были вписаны имена. Эксперт изучал вещественные доказательства, но Бабкин почти не сомневался, что ничего нового они не сообщат. Поймать кого-то на несовпадении показаний тоже пока не представлялось возможным. Оставалось лишь то, что посоветовал Илюшин – выслушивать всех клиентов, расспрашивать их, давать им говорить, говорить, говорить как можно больше. «Авось что-нибудь выболтают».

Итак, первый – Вано Даташвили, сорокатрехлетний ресторатор. Когда-то был певцом. По иронии судьбы, начинал петь в одном из тех самых ресторанов, которыми сейчас владеет. В своей исполнительской деятельности, как успел выяснить Бабкин, не гнушался ни одним жанром,

берясь за все, на что хватало голоса, – от «Сулико» до «Мурки». Неизвестным образом выбрался на широкий экран, с которого совершенно покори́л зрителей, исполняя песни с таким акцентом, с каким пародисты изображают гротескных грузин.

«Слю-ю-ющай, с табою будим мы, паслю-ю-ущай! – пел Вано Даташвили, для сцены взявший имя Орам Куприямов. – Щащлык-вино мы будим ку-у-щать, и цэловацца у пруда. Слю-ю-щай, вах, я пращу, миня паслю-ю-ущай, ведь ты же сочная, как груша, и а-а-аслипляишь как звезда!» Исполняя шедевры собственного сочинения, Орам целовал кончики пальцев, опускался на одно колено, выразительно протягивал к залу смуглую волосатую руку, а на проигрыше одной особенно страстной песни извлекал из-за пазухи кинжал и зажимал его в зубах, вытанцовывая при этом подобие заплетающейся лезгинки.

Бабкин, случайно увидевший однажды певца в телевизоре, испытал приступ дежавю: только накануне он покупал на рынке персики и виноград, и продавец, обращаясь к молоденькой покупательнице, точно так же громогласно чмокал пальцы и обещал: «Лучший пэрсик, я тибэ клянусь, лучший! На тибя похож!» Казалось, Куприямов вот-вот выхватит откуда-нибудь поднос с фруктами, спустится в зрительный зал и пойдет по рядам, предлагая купить пэрсик, нэдорого, вкусный-сочный.

Однако спустя некоторое время Орам-Вано покинул сцену – к большому разочарованию поклонниц. Его любили маленькие усатые женщины и крупные волоокые девы, и даже была, как припомнил Бабкин, какая-то громкая история, попавшая в газеты – то ли певец с кем-то не поделил женщину, то ли женщины с кем-то не поделили певца... В итоге разъяренная дама толкнула его с лестницы, и Вано едва не остался калекой, переломав себе руки и ребра. Однако и из этого, как подобает профессионалу, имеющему дело с насильственным втюхиванием своего образа сопротивляющейся публике, Даташвили сумел извлечь выгоду: несколько месяцев подряд появлялся в телевизионных шоу, охотно рассказывая подробности своей несчастной любви и размахивая загипсованной рукой, и снискал еще большую популярность среди пожилых дам.

Несмотря на имидж клоуна, Вано оказался хорошим бизнесменом с одним очень полезным для любого бизнесмена качеством – он улавливал тенденции. Вано мог сказать, какая кухня в следующем сезоне будет пользоваться успехом, чего захотят избалованные москвичи – в этом и как гарантированно привлечь к себе внимание, не скатываясь в жестокий кулинарный и оформительский китч. Ему принадлежало три ресторана,

которые он, не мудрствуя лукаво, назвал «Рыба», «Мясо» и «Ни рыба ни мясо». Последний специализировался на жесткой вегетарианской диете и был любим, как и сам Вано в расцвете своей певческой карьеры, в основном женщинами. Посетительницы строго следили за фигурой и здоровьем и ели самую полезную пищу в соответствии с рекомендациями самых циничных и веселых диетологов, а Даташвили предлагал им уникальную возможность насладиться свежей тертой редькой, прекрасным укропом, выращенным в домашних условиях под нежными взглядами, и сырой свеклой, красной от стыда за стоимость блюда, в котором она занимала девяносто восемь процентов. Еще два отводилось на кедровые орешки и ложку бальзамического уксуса.

К тому же Вано объявил, что «Ни рыба ни мясо» является рестораном молекулярной кухни. Никто не мог толком понять, что это означает, но Даташвили провел разъяснительную работу. «Анализ физико-химических законов во время приготовления еды, – сообщил он на пресс-конференции, где голодные журналисты роняли слюну, глядя на огромные фотографии разнообразных яств за его спиной, – просто необходим, чтобы мы могли воздействовать на вкус и ценность готового блюда. Между разными продуктами существуют молекулярные связи! Новые технологии позволяют использовать их для нашей пользы».

После этого объяснения смысл выражения «молекулярная кухня» окончательно потерялся, но зато журналистов накормили, причем приличной едой, о которой не было достоверно известно, вступали ли ее ингредиенты между собой в молекулярную связь или нет. Поэтому даже отзывы тех, кто называл себя независимыми критиками, были исключительно благожелательными, ибо писались на сытый желудок. Лишь один особенно въедливый журналист, страдавший, как выяснилось позже, расстройством пищеварения, желчно попросил Вано назвать хоть одно известное блюдо, трансформированное молекулярной кухней в нечто удивительное, как было обещано.

Нужно отдать Даташвили честь – он не задумался ни на секунду.

– Равиоли кушал? – спросил он журналиста.

– Ну, ел...

– Так вот, мы в нашей молекулярной кухне используем сферификацию. Понимаешь? Сферификацию! Очень просто. Берем одно вещество, не скажу какое, коммерческая тайна, смешиваем с другим, не скажу каким, и получаем на выходе сферические равиоли. Ни у кого нет, у нас есть. Потому что продукты связались друг с другом и через это получилась другая еда. Сферическая.

После такого ответа вопросов больше ни у кого не возникло. Сферические равиоли произвели должное впечатление.

Зато Даташвили отвел душу на двух других ресторанах. В «Рыбе» и «Мясе» работали отличные повара, и сам Ваню иногда по вечерам выходил в зал «Рыбы», здороваясь с постоянными клиентами, зорким хозяйским глазом осматривая свой ресторан. Устрицы у него всегда были свежие, и шеф-повар – итальянец, очень похожий на самого Ваню, регулярно устраивал устричные вечера, привлекающие гурманов.

«Мясо», помимо общепринятых видов оногo, предлагало своим клиентам оленину, медвежатину, кабанину, зайчатину, мясо антилопы, лошади и страуса, а также разнообразную лесную дичь, от тетерева до вальдшнепа. В качестве комплимента от шеф-повара приносили лягушачьи лапки. Котлетки из лосиного мяса, фирменное блюдо шеф-повара, выносились на деревянной можжевелевой доске и пахли так, что даже миролюбивым людям хотелось взять ружье и отправиться в лес выслеживать дикого, пугливого, мясного лoся.

Даташвили хотел, чтобы на стенах не было излишеств вроде охотничьих трофеев – отрубленных голов, чучел фазанов и прочего, и в результате ресторан оформили в стиле английского клуба «с присущим ему чувством меры», как гласил рекламный проспект. Это было истинной правдой. Постепенно в «Мясе» сформировалась именно клубная атмосфера – с респектабельными клиентами, заглядывающими сюда вкусно поесть в свой день недели, с нешумными компаниями, с кругом посетителей, на платежеспособность которых ресторан мог рассчитывать всегда, независимо от волн кризисов и прочих финансовых потрясений. Изредка появляясь здесь, Ваню сдержанно улыбался, раскланивался с гостями, отпускал вполголоса замечания о погоде и никогда – о политике, и ничем не напоминал того продавца фруктов, который темпераментно скакал по сцене с бутфорским кинжалом в зубах.

На фотографии, приложенной к досье, Даташвили был снят во весь свой выразительный грузинский профиль. Снимка, сделанного анфас, Бабкин почему-то не обнаружил. Он отложил фотографию и принялся изучать данные второго свидетеля.

Олег Лихой, тридцать восемь лет, актер театра и кино. Сергей вздохнул. Еще лицедея ему для полной коллекции не доставало...

Олег Ефимович Лихой родился и вырос в Москве, закончил Щукинское театральное училище и несколько лет снимался исключительно в рекламе. Он уже стал опасаться, что ни одной приличной роли ему не видать, когда подвернулось предложение попробовать себя в двухсерийном

фильме «Пламя небес».

Фильм был поставлен по сценарию группы авторов, работавших в жанре исторической фантастики. Авторы добросовестно вспахивали ниву, как они сами выражались, славянской славянщины, и в их фильме синеглазые русоволосые богатыри размахивали мечами и сражались с болотной нечистью, собиравшейся поработить Русь Великую и затопить ее болотами, а также со страшным колдуном Перигором, которому были подвластны вурдалаки и лешие, и еще почему-то татаро-монголы. Богатыри разговаривали эпическим языком, часто употребляли выражение «гой еси», живо скакали вместе с девушками в венках через костер в ночь на Ивана Купала и носили длинные льняные рубашки, расшитые красными петухами. Олег полагал, что просто создан для роли одного из богатырей.

Режиссер считал так же, и Олег четыре месяца мотался из казахстанских степей в подмосковные леса и обратно, рубился на мечах, тонул в болотах и даже одолевал дракона, то есть Змея Горыныча. В итоге в фильме его лицо показывали крупным планом в общей сложности около десяти секунд и четыре с половиной секунды – обнаженный торс.

Однако этой роли хватило, чтобы он был замечен режиссером, и его взяли уже на более серьезную работу, а там карьера Лихого развернулась практически скатертью-самобранкой, предлагавшей на выбор молодому актеру роли на его вкус.

Правда, назвать вкус Олега Ефимовича привередливым или разборчивым означало бы погрешить против истины. Работоспособный, как конь-тяжеловоз, Лихой брался за любые предложенные роли, если только хватало времени. Он играл в боевиках, комедиях, снялся в семи мелодрамах, четырех исторических сериалах и одном фильме, которому был присвоен щадящий статус альтернативного кино. Когда Лихому подвернулся мультфильм, он не стал брезговать и мультфильмом, озвучив сурка с одной-единственной репликой: «Вы думаете, я съедобен?» После этого по сюжету сурка немедленно съедали, и больше он сказать ничего не успевал.

Наконец, Олег снялся в нашумевшем фантастическом триллере, бюджет которого был больше годового оборота Непала, Гвинеи и Намибии, вместе взятых. Режиссер фильма, низенький и пузатый, как Паваротти, ходил вокруг Олега, потирая руки и завистливо приговаривая: «Какая фактура... Ах, какая фактура!», и следом за ним ходили актрисы и весь женский персонал, который присутствовал на площадке, потому что у Олега действительно имелась фактура, в частности, синие глаза, кожа цвета слоновой кости, рост метр девяносто и пудовый кулак в придачу.

В фильме эти достоинства несколько потерялись, потому что в синие глаза вставили линзы с полосатой радужкой, кожу загримировали под змеиную чешую, а кулак спрятали в серо-зеленой лапе, заканчивающейся изогнутым когтем. Только с ростом Олега на первый взгляд ничего нельзя было сделать, но режиссер решил эту проблему: перевел метр девяносто в другую плоскость, заставив Лихого передвигаться на животе. Из Олега получилась инопланетная особь, представитель клана Ящериц, Перекусывающих Сухожилия, и весь фильм Лихой ползал и перекусывал, а под конец умирал, сбросив перед этим хвост. Фильм зрителям понравился, и роль Лихого понравилась тоже, хотя сам Олег скромно говорил, что сценарий не дал его способностям раскрыться в полной мере. Конечно, он попытался отразить в последней сцене душевные метания и трагизм судьбы своего персонажа, но сложно оказалось передать это посредством одного лишь отваливающегося хвоста.

Постепенно из простого, хотя и очень красивого, мальчика Олег превратился в брутального мужчину, которому пресыщенность и усталость от жизни добавляли известного шарма. Он много пил, умно рассуждал о вырождении отечественного кинематографа и продолжал активно участвовать в этом процессе. Журналисты любили Олега, потому что тот не был скучен и всегда подкидывал достаточно материала для интервью. Он кривлялся, шутил, рассказывал двусмысленные анекдоты и откровенничал о женщинах. Его приглашали в передачи, снимали для обложек журналов, и после любой заметной вечеринки появлялись фотографии, где крупным планом были показаны ботинки Олега, костюм Олега, запонки Олега и его бандана, которую он шутики ради повязал себе на голову после выхода молодежного боевика «Умри до меня», да так и не расстался с ней.

Однако подобная популярность в итоге сыграла с актером злую шутку. Лихой приелся зрителям настолько, что это поняли даже режиссеры и продюсеры картин. Его не перестали приглашать, но все чаще вместо главных ролей предлагали роли второго плана, а Олег, избалованный успехом, уже давно не хватался за все что ни попадя.

И, самое главное, критики на все голоса твердили, что Лихой – растиражированная бездарность, что он везде одинаков, что он понятия не имеет об актерском мастерстве и во всех фильмах играет самого себя. Олег злился, еще больше пил и все чаще жаловался на то, что он впустую растрчивает свою жизнь.

В конце концов он влип в скандал, закончившийся уголовным делом: напившись в клубе, стал приставать к одной из девушек и затеял драку с парнем, заступившимся за нее. Драка быстро завершилась в пользу актера:

силы Олегу было не занимать, а юноша оказался тщедушен и слаб. Но еще он оказался сыном одного из чиновников в аппарате президента, и чиновник не позволил замять дело, которое в другом случае закончилось бы выплатой отступного – Лихой всегда так делал и не понимал, зачем нужно создавать проблему из обычных мужских разборок.

Но у отца юноши, попавшего в больницу с переломанными ребрами, носом и разорванным ухом, было другое мнение. Олег получил два года условно и притих, пораженный тем, что на его удаль молодецкую нашлась управа. Теперь он выпивал без прежнего размаха, устраивая вечеринки в своей огромной квартире, но все чаще заставлял себя перед зеркалом с бутылкой в руках – одного.

Сергей взглянул на фотографию, хотя и без этого помнил актера в лицо.

В отличие от Даташвили Лихой был снят строго анфас. «Закладывает парень, и крепко закладывает, – определил Бабкин, оценив мешки под глазами и нездоровую одутловатость когда-то красивого лица. – Ладно, идем дальше. Кто там у нас следующий?»

Следующим оказался Сергей Иванович Сушков, сорокапятилетний чиновник. При взгляде на его снимок Бабкин испытал приступ классовой ненависти. Мелкое незначительное личико, круглая голова, насаженная на такое же круглое тело, словно поставленные друг на друга шары снеговика, и взгляд человека, убежденного в том, что он – важная государственная единица. «Спокойно! – сказал себе Сергей. – Может, фотограф его в неудачный момент подловил... гниду!»

Данных о Сушкове было меньше, чем о предыдущих фигурантах, но вполне достаточно, чтобы, изучив их, Бабкин пришел к выводу, что перед ним – типичный «прицеп». Сушков выбрался из администрации захудалого подмосковного городишки следом за своим начальником, Виктором Безиковым. Тот пробивался как танк или как мощный сорняк – молодой, нахрапистый, амбициозный мужик, предприимчивый и хваткий. Сушков следовал за Виктором рыбкой-прилипалой, решив, очевидно, раз и навсегда поставить на одну лошадь. Сергей Иванович был финансистом, а его начальник – юристом, и вместе они составляли неплохой тандем.

Они уходили в бизнес, возвращались на государеву службу, снова уходили ненадолго и снова возвращались, уже на новый уровень этой спирали, и в конце концов дороги их все-таки разошлись, когда Виктора Безикова со скандалом уволили с поста руководителя федерального агентства по управлению государственным имуществом. Сушков занимал при нем место в отделе управления информационной политикой, и после

увольнения шефа его должна была ожидать похожая судьба. Однако новый руководитель не избавился от Сергея Ивановича, а лишь перевел его в подведомственную организацию, и Сушков возглавил федеральный центр с длинным названием, в котором фигурировали слова «компьютерные», «технологии» и «информационные».

«Риторический вопрос, – злобно думал Бабкин, глядя на фотографию Сергея Ивановича. – Откуда у тебя, Сушков, деньги на клуб Перигорского? Из какого кармана ты их вынимаешь, сытая твоя рожа? Какие откаты берешь, раз можешь позволить себе проводить здесь субботы в компании русалок?»

Он с отвращением отодвинул папку Сушкова и открыл «дело» последнего из четверых клиентов. Макар Илюшин не зря пришел к нему во время допроса Рокуновой, чтобы сказать, с кем придется иметь дело. Потому что с этим человеком они уже сталкивались раньше.

Аслан Коцба. «Мать его!» – прибавил мысленно Бабкин. Глава предприятия «Нефтепроект», небольшой фирмы, занимавшей неприметный особнячок в самом центре Москвы, в одном из старейших районов. Абхазец по национальности, окруживший себя в фирме исключительно родственниками – братьями, дядями, племянниками и прочими кумовьями.

Под особнячком, который деликатно прятался за старыми кленами, находился подземный гараж. В гараже имелась одна из самых полных в Москве коллекций раритетных автомашин. Иногда по ночам Коцба гонял в какой-нибудь из них по городу, но такое случалось редко. Обычно ему хватало того, чтобы спуститься вниз, погладить блестящий корпус какой-нибудь из своих игрушек, которые он никогда не называл тачками, походить вокруг них и вернуться в кабинет. Механики гаража не сомневались, что их шеф разговаривает с машинами. Возможно, так оно и было.

Илюшин и Бабкин столкнулись с ним при расследовании дела о похищении Виктории Стрежиной, и Сергеем отлично запомнился этот угрюмый мужик с совиным лицом, недобрый и опасный. Бабкин был совершенно уверен, что доверять Коцбе нельзя, и заранее предвидел, какие трудности возникнут в общении с ним. У Аслана была своя мораль, которая, как предполагал Бабкин, имела мало общего с моралью большинства окружающих его людей.

Он в десятый раз подумал, что здесь нужен Макар с его умением быстро находить контакт с любыми людьми, и рассердился на себя за эту мысль. Что за ерунда, в конце концов?! Сколько еще он будет сидеть и причитать, что ему нужен Илюшин, что без Илюшина он не справится, что

Илюшин больше него подошел бы для этого задания... Разозлившись окончательно, Бабкин подвинул к себе листок бумаги, быстро набросал план, состоящий всего из двух пунктов, и распорядился позвать к нему Аслана Коцбу. Это был человек, которого Бабкин меньше всего хотел бы сейчас видеть, и именно потому он начал с него.

* * *

– С тобой! проводит ночи тридцать первая весна! и без сомнения ревнует ко всему, бьет сте-е-кла!

Они спели уже четыре песни «Ночных снайперов», и Алька даже привыкла к сигаретному дыму, не желавшему улетучиваться в приоткрытое окно, чтобы быть там разодранным ветром, а тихо расползавшемуся по салону. В перерывах между песнями («Взвояем, девки, где же кружка», – сказала Вика) Алька по кусочкам рассказывала сочиненную на ходу историю, приправляя ее щедрыми деталями.

– ...Она входит и застаёт нас, представляешь! У нее в руке сумочка такая лакированная, ярко-желтого цвета... Вот просто невыносимо желтого! И она смотрит на нас, открывает эту сумочку и начинает там рыться одной рукой. А я смотрю на нее и думаю: ну достань же ты пистолет и пристрели меня, чтобы все это закончилось, наконец!

– Ну ты дура! Лучше бы она мужа своего пристрелила!

– Ага! А кого бы посадили за его смерть, а? Таких людей, как она, в нашей стране за убийство не сажают. Всех собак на меня бы повесили, соображаешь? А я, знаешь, в тюрьму отчего-то не хочу.

– Резонно. Так, а что она из сумочки-то достала?

– Не поверишь – платок носовой! Представляешь? Обычный носовой платочек, весь в цветочках. Достает – и начинает вытирать совершенно сухое лицо. Вот вообще сухое, без единой слезинки. И уголки глаз вытирает, и нижние веки, и под крыльями носа... А я смотрю на нее, и мне так страшно делается, даже не могу объяснить, почему! Стою и думаю, что лучше бы она пистолет вытащила, честное слово...

Вика слушала, ахала, ужасалась, давала советы... Вика громко хохотала, когда Алька описывала, как удирали от телохранителей своего мстительного олигарха, и отчаянно материлась, слушая, как олигарх перекрывал Альке кислород на работе и ссорил ее с подругами. Возбужденная успехом своего рассказа, Алька изображала диалоги в лицах, жестикулировала, размахивала руками и думала, что ей невероятно,

необычайно повезло.

Ей нравилась Вика. Та успела сообщить, что «креативит» на несколько фирм, и выяснилось, что под этим подразумевается дизайн. Что-то такое она придумывала на компьютере – кажется, упаковки для детских товаров, результаты отправляла заказчику и крайне редко появлялась в офисе. Наблюдая за ней, Алька решила, что имеет дело с простой, отзывчивой, грубоватой и при том ранимой натурой. «Несчастной», – добавила она, сама не зная почему. В наследство Вике досталась квартира в паршивом районе, которую та продала, а на вырученные деньги построила небольшой дом.

– Увидишь, как я там под себя все оборудовала, – говорила Вика, выпуская дым в сторону. – Прикольно получилось, по-моему. Чисто холостяцкая берлога.

И гыгыкнула невесело.

Именно слова о холостяцкой берлоге и навели Вику на мысль, которая Альке даже не пришла в голову.

– Слушай, – воскликнула она, – у тебя же ни фига с собой нет! В смысле, ни щетки, ни прокладок, ни кремов... Прокладки, допустим, я тебе дам, а вот остальным нам бы надо затариться.

Алька признала ее правоту и осторожно напомнила, что денег у нее осталось всего ничего, сущие копейки.

– Не проблема! – отмахнулась Вика. – Я тебе самую паршивую щетку куплю, какую увижу. С выдранным щетиной.

И расхохоталась, довольная собственной шуткой.

– Скоро будет заправка, а за ней супермаркет. У меня как раз бензин кончается.

В темноте ночной дороги заправка была видна издали – россыпь белых и красных огоньков. Подъехав ближе, девушки с удивлением обнаружили, что к единственному работающему автомату стоит очередь из трех машин.

– Откуда это вас набралось-то столько? – возмутилась Вика, пристраиваясь за низким серым «седаном». – Нечего по ночам на дорогах шариться, спать надо! Слышь, Аль, ты тогда иди в магазин... Я пока постою, бак залью, а ты по залу походишь, выберешь, что тебе надо.

Она вытащила из сумочки кошелек, открыла, пересчитала купюры, бормоча себе под нос:

– Пять, пять, еще одна... Две по пятьсот... Короче, все не трать, надо на жизнь оставить. У меня зарплата только через пару недель ожидается. Держи.

Алька взяла кошелек и посмотрела на белобрысую смешную девицу, не веря себе.

– Вик... – осторожно начала она, – ты не боишься мне все свои деньги отдавать, а? Ты обо мне ничего не знаешь...

– Как это ничего?! – возмущенно перебила та.

– Знаешь только то, что я рассказала, – поправились Аллька. – То есть вся информация с моих слов. А если я соврала? А если я мошенница? Обманщица? Сейчас возьму все твои деньги и удеру с ними. Так же нельзя! На, возьми, мне тысячи за глаза хватит.

Вика покачала головой, отодвинулась подальше от Алльки и обвела ее скептическим взглядом:

– Слушай сюда. Я тебе вот что скажу. Если хочешь знать, у меня одна особенность есть: я в людях разбираюсь. С детства. Сразу вижу, стоит человеку доверять или нет. Тебе – стоит. У тебя, конечно, рожа хитрая, лисья, – она подмигнула, – а все равно видно, что ты хороший человек и гадостей никому не делаешь. Так что брось рефлексировать, иди, купи мне пиццу. Да сунь эту несчастную тысячу обратно, что ты ее так держишь, как будто задницу собралась подтирать!

Алька вылезла в предутренний холод и побежала, цокая каблуками по асфальту, ежась в рубашке и запоздало думая, что нужно было попросить плащ. Сзади ее догнал громкий голос.

– И сок апельсиновый! – крикнула Вика, наполовину высунувшись из машины. – Только хороший возьми, не жмоться!

В магазине было тепло и светло. Аллька оказалась единственной покупательницей, и когда она покатила тележку по узким рядам, ей чудилось, что улыбающиеся рекламные лица на коробках с питанием заинтересованно изучают ее. Кто такая? Что делает на заправке ночью?

«Пра-авильно... Вот так и начинается паранойя».

То ли оттого, что кроме нее здесь больше никого не было, то ли из-за темноты, царившей снаружи, но Алльке стало не по себе. «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел». Она убеждала себя, что бояться нечего: они погрузят продукты в машину и спокойно уедут... Еще десять минут – и будет поворот на поселок, где стоит Викин дом, а там она окажется в полной безопасности. Но когда от ее неловкого движения с полки свалилось несколько упаковок зубной пасты, Аллька вздрогнула и чуть не сшибла еще несколько.

Медленно продвигаясь вдоль холодильных камер, где были навалены коробки с пиццей, она несколько раз не удержалась и обернулась, проверяя, не зашел ли кто-нибудь в магазин. Женщина, сидевшая за кассой, не

обращала на нее внимания, и Альке даже показалось, что та дремлет. Неожиданно сонливость накрыла ее саму, словно колпаком, и ей пришлось прижать ладони к глазам, а потом и похлопать себя по щекам, чтобы хоть немного прийти в норму.

С грехом пополам Алька набрала в хозяйственном отделе то, что могло пригодиться на ближайшую неделю. Напряжение, в котором она находилась последние часы, дало о себе знать: мысли путались, она не могла сосредоточиться, сообразить, что ей требуется. «Ну же, Алечка, – уговаривала она себя, зависнув над бумажными полотенцами, – пожалуйста, проснись! Совсем немного осталось!» В конце концов она решила, что бумажные полотенца – это лишнее, и перешла к стеллажу с дешевой домашней одеждой.

Когда, расплатившись, она наконец вышла из супермаркета, держа в каждой руке по пакету, перед заправкой не осталось ни одной машины, и это тоже неприятно поразило ее. В стороне, у обочины, замигал фарами «Хундай», и Алька облегченно заторопилась к нему, считая шаги, оставшиеся до спасительной машины. От чего или кого она собиралась спастись на пустой автозаправке, Алька не могла бы сказать, но ей хотелось как можно быстрее покинуть это место.

Открыв переднюю дверцу, она сунула шуршащие пакеты вниз, под сиденье, и скорее нырнула внутрь сама. Ноги не помещались, и Алька запоздало сообразила, что нужно было убрать продукты в багажник. Вздохнув, она виновато посмотрела на Вику и увидела, что та посмеивается:

– Ты, похоже, уже ничего вокруг не замечаешь.

– Спать хочется ужасно, – призналась Алька. – Держи кошелек... Я долго ходила?

– Да не в этом дело. Пакеты могла и назад поставить. Заодно познакомилась бы.

– С кем познакомилась? – не поняла Алька.

Вика продолжала ухмыляться, и Алька наконец сообразила обернуться.

Сбоку, возле окна, сидел незнакомый парень лет тридцати, виновато улыбнувшийся, когда Алька вскрикнула от неожиданности. В первый момент ей показалось, что рядом с ним собака, но в следующий она поняла, что это всего лишь гитара.

– Познакомься, это Игорь, – сообщила Вика, довольная ее реакцией. – Не бойсь, он не кусается! Правда, Игорек?

– Честное вампирское! – подтвердил парень и бодро отсалютовал

Альке.

Лицо у него было симпатичное, с мелкими чертами, но какое-то совершенно неприметное. Отвернешься – и спустя секунду не вспомнишь ничего, кроме общего впечатления – «симпатичный парень».

– Игорь... – повторила ошарашенная Алька.

– Игорь, это Аля, моя подруга, – вмешалась Вика. – Она очень сонная, поэтому немного тормозит. Ты ее извинишь?

– Зачем спрашиваешь? Это я извиняться должен.

– Вика... – Алька, придя в себя, повернулась к девушке, – можно тебя на минуточку?...

Когда Вика с недовольным лицом, потряхивая ключами, выбралась из машины, Алька заставила ее отойти на несколько шагов.

– Слушай, это кто? Откуда он вообще взялся? – шепотом спросила она, стараясь сдержать ярость. – И что он делает в твоей машине?

– То же, что и ты. Подвожу я его! Да ладно тебе, Аль, не злись! Пацан автостопщик, никак машину поймать не мог... Ему доехать только до следующего поворота, а там его друзья подхватят через час. Что нам, сложно доброе дело сделать?

– Ты определись, кому доброе дело делаешь! – не выдержала Алька. – Я от всех прячусь, шифруюсь как Штирлиц, а ты сажаешь неизвестного придурка, который при случае заложит нас с потрохами!

– Да никто не узнает!

– А если узнает?

– Елки, говорю тебе, у меня нюх на людей! Нормальный он чувак, веселый! С гитарой...

– «С гита-а-арой!» Странно, что ты его к себе домой не пригласила, как меня!

– Если бы тебя не было, то пригласила бы, – невозмутимо ответила Вика. – Но у тебя вроде как право первой ночи. Ну, еще второй, третьей, четвертой, пятой и шестой. Я же обещала. А я своих не бросаю.

Алька даже не улыбнулась. Вика посмотрела на ее сникшее лицо и вздохнула:

– Брось, Аль! Жалко пацана, он замерз как собака. До поворота его довезем, высадим – и он про нас забудет через десять минут. А? Ну, согласна?

«Как будто от моих возражений что-то изменится», – хотела сказать Алька, но вовремя прикусила язык. Что бы ни делала Вика, это ее машина, и она везет Альку в свой дом, а значит, она и диктует условия.

– Твоя доброта тебя когда-нибудь погубит, – улыбнулась Алька через

силу, делая шаг обратно к машине.

– Ну вот, я же знала, что ты будешь не против! – просияла Вика. – Па-а-аехали!

* * *

Макар настоял на том, что утром он отправится на поиски Рокуновой один, и в конце концов Перигорский хоть и неохотно, но согласился.

– Макар Андреевич, можно я с вами пойду? – неожиданно спросил Саша, присутствовавший при разговоре.

Илюшин покосился на него. За прошедшую ночь Саша несколько потускнел. После известия о побеге Рокуновой он совсем перестал улыбаться, ослепляя окружающих белизной зубов, и вид у него был такой, как будто он лично виноват в случившемся. Курчавые темные волосы примялись, налет «итальянщины» исчез, и теперь перед Макаром стоял уставший, хоть и красивый, украинский хлопец и смотрел на него жалобными глазами.

– Можно, – подумав, разрешил Илюшин. – Даже нужно, пожалуй. Ты мне будешь полезен. Игорь Васильевич, вы со мной своего помощника отпускаете?

– Макар Андреевич! – Перигорский умоляюще вскинул руки. – Дружочек вы мой, делайте все, что сочтете нужным!

Они высадились там же, где накануне водитель оставил Аллу Рокунову, и Макар осмотрелся. Они стояли на небольшой площади, от которой отходила широкая улица с магазинами на первых этажах. В этот час машин было больше, чем прохожих. День, с утра прохладный, обещал через пару часов разгуляться, но Саша, выйдя из машины, старательно обмотал вокруг шеи желтый кашемировый шарф.

– Горло часто простужаю, – виновато пояснил он, поймав взгляд Илюшина. – Раньше, когда вместо Альки работала Соня, она меня поила каким-то отваром из термоса. Говорила, у нее та же проблема: вечно мерзнет, и горло заболевает. А хрипатую русалку клиенты бы не одобрили. Она со мной делилась своим отваром, и все проходило на следующее утро.

– Ясно... – Илюшин слушал рассеянно, и Саше показалось, что тот толком не проснулся.

В витрине одного из магазинов началось какое-то шевеление, и Макар неторопливо, прогулочным шагом, направился в ту сторону. Чем ближе они подходили, тем лучше можно было разглядеть двух девушек, которые

переодевали черные манекены, с трудом натягивая на них одежду.

Саша перевел взгляд на Илюшина и увидел, что сыщик преобразился.

Расслабленность и сонливость исчезли. Макар чуть приподнял подбородок и разве что не принюхивался, держа нос по ветру. Разглядывая девушек в витрине, он остановился на секунду, а затем ускорил шаг так резко, что Саше стоило больших трудов догнать его. «Гончая, натурально. Куда он так помчался?»

Очень скоро стало ясно, что помчался Илюшин в тот самый магазин. До открытия оставалось еще четверть часа, но Макар, не колеблясь, толкнул тяжелую стеклянную дверь, и в девичью болтовню ворвался шум улицы и высокий, резкий звон входного колокольчика.

Одна из продавщиц, черноволосая девушка с сердитым лицом, тут же побежала ему навстречу.

– У нас закрыто, – еще издали сообщила она, но, подойдя ближе и разглядев Илюшина получше, неизвестно отчего смягчилась и добавила совсем другим тоном: – А что вы хотели-то?

Снова пронзительно звякнул колокольчик – это Саша догнал наконец временного босса и вошел за ним следом, запыхавшись от быстрой ходьбы.

– Посмотрите, пожалуйста, на эту фотографию, – попросил Макар. – Вы вчера не видели эту девушку?

– Вчера не я работала, – отрезала черноволосая с обидой, как будто Илюшин был в чем-то виноват, и обернулась к витрине: – Лиза! Лиза! Подойди-ка сюда!

Подбежала кудрявая Лиза, с интересом уставилась на Макара.

– Не туда смотришь, дорогая, – уколола ее черноволосая. – Вот, фотография у мужчины.

– Лиза, она не заходила к вам вчера? – Илюшин протянул снимок, не сводя глаз с продавщицы.

Брови у той полезли вверх:

– Ой! А я же ее помню! Ну точно вам говорю, это она! Девка такая веселая! Ой, простите, то есть девушка...

– Вот видишь, – сказал Илюшин, когда они вышли из магазина. – Все совершенно логично. Куда пойдет женщина, оказавшаяся теплым осенним вечером в босоножках и длинной рубашке? В магазин. Рокунова заскочила в первый попавшийся, потому что даже при нынешней терпимости к женской моде она могла вызвать ненужное любопытство прохожих.

– Черт, как же все вчера забыли, что она без штанов! – сокрушенно проговорил Саша. – Надо было сразу по магазинам ребят посылать!

Глядишь, поймали бы ее...

В голосе его прозвучал скрытый упрек.

– Магазин – это всего лишь вешка для нас, подтверждение, что мы идем правильным путем, – пожал плечами Макар. – Даже если бы вчерашняя... м-м-м... бригада наткнулась на этот след, больше она ничего бы не добилась. Они ходили по тем же улицам, что и Рокунова, видели то же, что и ваша «русалка», но не нашли других следов. А они должны быть.

Он шел по торговой улице какими-то рывками: то замедляя шаг, то ускоряя, и Сашу изрядно утомил такой темп. Он уже пожалел, что увязался следом за сыщиком, поддавшись куснувшей его мухе любопытства.

– Купила она джинсы, поймала машину, села в нее и уехала, – упрямо бубнил Саша, волочась за ним следом. – Отправилась к какой-нибудь знакомой, о которой наша «безопасность» слыхом не слыхивала, заняла у нее денег, расплатилась с водителем и теперь отсиживается в ее квартире.

– Вполне возможно. Девяносто процентов женщин на ее месте так бы и поступили.

– Тогда зачем же мы здесь шарахаемся? Тратим время впустую, а, Макар Андреевич?

– Затем, что девяносто процентов женщин не придумали бы, как сбежать из «Артемиды». То, что ты предполагаешь, – это стандартная, шаблонная схема, которая первой приходит на ум. Мы ее уже обсуждали. А Рокунова мыслит нестандартно, поэтому пойдет туда, куда никто не ожидает.

Илюшин задержался возле киоска с газетами, пробежался взглядом по заголовкам. «Обнаружено завещание Гитлера!» «Пираты убили всех заложников и питались их телами!» «Новая жертва маньяка: фото, рассказ очевидца». Макар обернулся к Крупенникову:

– Я предполагаю, что она попытается выбраться из Москвы.

– Но шеф сказал...

– Саша, она просчитывает вашего шефа точно так же, как и он ее! И, между нами, я не уверен, что у Игоря Васильевича получается лучше. Рокунова не будет скрываться ни у кого из знакомых именно потому, что способна предугадать действия его команды.

– А что же она станет делать?

– То же, что делал бы я на ее месте. Искать шанс.

Говоря это, Илюшин остановился и стал разглядывать кинотеатр на другой стороне. Ужасающей архитектуры здание из стекла и красных панелей уродовало улицу и казалось сброшенным сверху снарядом, который по какой-то причине ничего вокруг не разрушил, а вонзился в

землю и остался лежать, враждебно таращась грязными окнами. Слева от входа огромная рекламная растяжка предлагала: «Клуб «Сорок восемь!» Оторвись по полной!»

Макар подошел поближе.

– Что там? – спросил сзади Саша. Он не понимал, почему Илюшин теряет ценное время, стоя на одном месте. Ночной клуб в кинотеатре, обычное дело... Внизу, под рекламой, объявление, в котором сообщается, что по субботам вход для девушек бесплатный – стандартная практика для заведений такого уровня. Завлекают посетителей, заманивают...

– Вперед, – скомандовал Макар и незамедлительно двинулся на другую сторону улицы.

– Зачем? Думаете, она в клуб танцевать пошла? – Саша позволил себе рассмеяться.

– Я думаю, – сказал Илюшин, – что она шла этой дорогой, купив джинсы, и заметила клуб. Я думаю, что она тут же сообразила, что перед ней тот самый шанс, который можно использовать. И еще я думаю, что именно здесь мы что-то о ней узнаем.

К их удивлению, клуб работал. Точнее, работало кафе при клубе, где в полутемном зале уже обосновалась пара студентов, безмолвно взирая на стоящие перед ними бокалы пива, а сонный бармен что-то объяснял своей сменщице, показывая на анфиладу бутылок.

Илюшин взгромоздился на неудобный стул у стойки бара, огляделся в поисках официантки. Официантка не появлялась.

– ...две «Адвоката», – донеслось до Макара и его спутника. – Оля, сколько тебя учить?

Бармен наконец отвлекся от девушки, увидел людей за стойкой, и на лице его явственно отразилось желание зажмуриться и сделать вид, что он их не заметил. Но, порыскав глазами по залу и тоже не обнаружив официантки, парень пересилил себя и подошел к клиентам.

– Здравствуйте, что желаете?

– Два мохито, пожалуйста, – заказал Илюшин, не спрашивая Сашу.

– Алкогольный, без...?

– Без.

Получив мохито, Макар поболтал полосатой трубочкой в бокале и изучающе посмотрел на обслужившего их бармена. Толстогубый, с хитрецей во взгляде... Парень явно собирался уйти, и Илюшина это не устраивало.

Он рассчитался за мохито, но когда бармен положил перед ним сдачу, отрицательно качнул головой и придвинул тарелку с купюрами к нему.

Состоялся молчаливый обмен взглядами, в ходе которого парень убедился, что более чем щедрые чаевые эти два странноватых клиента действительно оставляют ему.

– Спасибо. – Он неловко улыбнулся, чувствуя, что его ждет какой-то подвох.

Следом за купюрами на тарелку легла фотография, которую Макар выудил из кармана. Парень смотрел на нее совсем недолго, затем облизнул губы.

– Во сколько она была здесь? – мягко спросил Илюшин.

– Не помню. Много народу было. Суббота.

Саша, поднявший свой бокал, чтобы отпить коктейль, едва не выронил его. Он ни на секунду не верил в то, что у них получится здесь что-то узнать, а увидев мохито, решил, что мифический «шанс», о котором талдычит Илюшин, является только предлогом для того, чтобы спокойно посидеть в тишине. И вот перед ним стоял человек, подтверждающий теорию Илюшина. Человек, видевший Рокунову и, возможно, общавшийся с ней в то самое время, когда группа Лямина, названная Макаром «бригадой», прочесывала окрестные дворы.

– Вы работали в ночную смену, правда?

– Ага. Работал. А теперь у меня смена кончается, извините. Даже уже и закончилась, – со скрытым злорадством сообщил толстогубый.

Тысячная купюра опустилась рядом со снимком. А через пару секунд исчезла в пухлой руке бармена.

– Так во сколько?

– С самого начала она пришла. Еще и народу-то почти не было, а она уже сидела во-он за тем столиком, а потом, когда набиваться стали, пересела сюда.

Макар с Крупенниковым переглянулись.

– Одна? – спросил Саша.

– Одна, точно. Поначалу. Потом-то подцепила свою золотую рыбку.

Бармен неприятно улыбнулся, показав щербатые зубы, а Саша чуть не выругался. Значит, Рокунова подцепила мужика и свалила отсюда подальше, шлюха чертова! Теперь спрячется у него в койке, и в жизни ее не отыщешь.

– Рыбка-то тебе знакома, работник шейкера и риммера? – с неожиданной фамильярностью спросил Макар, и Крупенников недоуменно заморгал. «Что это с ним?»

Однако бармен отреагировал так, словно ждал подобного обращения: доверительно перегнулся через стойку и вполголоса сказал:

– Рыбка не местная, но у нас бывает часто. Так что можно сказать, что и знакома.

Крупенников нервно сглотнул. Вот оно! Они ее нашли. Чудеса, сопровождавшие их с утра, решили сбыться в полной мере, и сейчас этот бармен с хитрой рожей выложит им адрес мужика, с которым уехала Рокунова. Нет, не зря, не зря шеф вызвал для расследования этого загадочного Илюшина: он знает волшебное слово, позволяющее находить любого человека в Москве.

– Танцует здесь каждую субботу, сиськами трясет, – продолжал бармен, и в голосе его появилась враждебность. – Нашли они друг друга, короче. Покорили весь танцпол.

Саша не сразу осознал, что только что было сказано. Он лишь понял, что какое-то слово зацепило его внимание... Танцует... нашли друг друга... Сиськами трясет... «Что?!»

– Она уехала с девушкой? – недоверчиво уточнил Илюшин.

– Ну. Я же говорю, с Викой. Две лесбиянки, елы-палы. Изобразили тут типа стриптиза, а потом смылись. А куда смылись – не знаю, не спрашивайте! Эти девочки не по моей части.

«Все, – понял Саша, – чудеса закончились». Макар наклонился к нему.

– Рокунова – в самом деле лесбиянка? – тихо спросил он.

– Н-нет... Нормальная она!

– Уверен? Кстати, в такой поворот событий вполне вписывается убийство Микаэлла, так что подумай хорошенько, прежде чем ответить.

– Нечего тут думать! Она с мужиками встречалась. Что я, не знаю, что ли...

Он увидел по взгляду Илюшина, что тот неправильно понял его слова, и покраснел. Нет, ему нравилась Алька и все такое, но он не дурак, чтобы связываться с кем-то из «своих» девчонок. Да и она бы не стала, как ни хотелось порой Саше убедить себя в обратном.

– У нас вообще-то запрет... – пробормотал он, стараясь подавить смущение. – В смысле, нельзя с нашими...

Илюшин посмотрел на запинаящегося Сашу и подумал, что для такого места, как «Артемида», парень удивительно застенчив.

– Хорошо, хорошо, – успокаивающе сказал он. – Значит, Рокунова у нас традиционной ориентации... Слушай, друг, – позвал он отвернувшегося бармена, – опиши-ка эту Вику. Рост, вес, цвет глаз, форма ушей...

– Стерва, – охотно сообщил бармен, возвращаясь к ним. – Вот самое полное описание.

– Под него слишком много женщин подойдет. Давай с деталями.

Парень задумался.

– Ну... Не очень высокая, худая, но с приличными сиськами, и задница такая... – Он показал руками, какая именно.

– Может, с лица начнешь? – не выдержал Саша. – По заднице и сиськам мы ее долго искать будем.

– Блондинка, яркая... Волосы короткие, и не то чтобы желтые или там светлые, а, знаете, как у снежной королевы – белые-белые. И торчат во все стороны, будто налаченные. Чего еще... А, челюсть немного вперед выпячена. Голос низкий, хриплый – ну это оттого, что курит много.

– А с чего ты взял, что она лесбиянка?

– Да она ни разу отсюда с парнем не уехала! – Бармен свысока посмотрел на Сашу. – И по ней сразу видно: грубоватая телка, из доминирующих.

– А еще тебя она продинамила, – добавил Макар, и по взгляду, который метнул на Илюшина бармен, Крупенников понял, что тот угадал.

– Тут таких, как она, – полная банка килек по субботам, – дернул плечом парень, самолюбие которого было явно задето. – А девочки нас знаете как любят?

– Про положительные стороны профессии бармена расскажешь в другой раз. Что еще знаешь о ней? Где живет, на чем ездит, где работает? Ты же человек наблюдательный, должен был запомнить что-нибудь... – польстил ему Илюшин.

Тот напрягся, наморщил лоб, стараясь соответствовать характеристике наблюдательного человека, но после минуты размышлений огорченно покачал головой:

– Не, извините. Вроде бы Вика говорила, что она не пьет, потому что машину водит, но какую – я не в курсе. А про работу она и подавно не упоминала.

– Не упоминала, значит... Тогда о чем вы с ней разговаривали?

Следующие десять минут, вытащив бармена из-за стойки и усевшись с ним за дальний столик, Макар расспрашивал его, заставляя вспомнить все, что говорила девушка по имени Вика. Саша с молчаливым восхищением наблюдал, как Илюшин, по выражению Альки Рокуновой, вынимает душу из парня по имени Никита. При этом он увлек бармена игрой «вспомнить все», и тот сам азартно пытался воспроизвести свою болтовню с девушкой, с артистизмом копируя ее интонацию и хриловатый голос.

Вскоре они знали, какими духами она пользуется, почему предпочитает танцевальные туфли на мягкой гнущейся подошве, услышали рассказ о том, как в детстве на нее напала собака, и еще небольшую гору

подробностей такой же ценности. Саша был уверен, что, столкнувшись он случайно с этой девицей – и сразу же узнает ее, так талантливо изобразил ее Никита.

Но, несмотря на все старания бармена, они не выяснили ничего, что хотя бы на шаг приблизило их к девушке, с которой уехала Рокунова. По предложению Илюшина бармен поговорил с охранником и официанткой, наконец-то появившейся в зале, но те понятия не имели, о ком идет речь.

– Ладно, ты и так сделал для нас очень много, – заключил Макар, когда стало ясно, что дальнейшие расспросы ничего не прибавляют к сведениям о Вике. – Спасибо, Никит.

– Всегда пожалуйста, в любой вечер готов помочь, – пообещал на прощанье повеселевший бармен. – Ну, когда я работаю, само собой.

Он сунул в карман визитку с телефонами Макара и Крупенникова и скрылся за дверью. Илюшин заказал кофе и сидел, задумчиво помешивая сахар в чашке, положив перед собой фотографию Альки Рокуновой.

– Что дальше делаем? – спросил Крупенников, одним глотком осушив свой наперсток кофе.

Если бы Илюшин ответил, что сейчас они пойдут и будут рыться в ближайшей помойке, Саша, не рассуждая, рванул бы туда и первым закопался в мусор, настолько выросло его доверие к Макару после того, как Крупенников дважды убедился в правоте сыщика.

Но Макар только молча покачал головой. Вид у него был озадаченный.

– Макар Андреевич... – начал Саша, но Илюшин сделал ему знак замолчать, и Крупенников подчинился.

Еще раз позвеневав ложкой о фарфор, Илюшин раздосадованно прицелкнул пальцами:

– Черт возьми, не ловится!

– Что не ловится? – осторожно спросил Крупенников.

– Что-то не ловится. Я пока еще сам не понял, что именно. Но оно должно пойматься, потому что без него мы дальше идти не можем.

Дав это исчерпывающее, по-видимому, объяснение, Илюшин снова замолчал и ушел в себя, а Саша, повернув голову, стал смотреть на телевизионный экран, висевший на стене. Телевизор работал в баре постоянно, и в эту секунду диктор, добавив сдержанно-трагических интонаций в голос, рассказывал об очередных преступлениях, совершенных в Москве за прошедшие сутки.

– «Криминальная хроника», – прокомментировал Крупенников. – Макар Андреевич, может, мы эту Вику по духам найдем? Вдруг марка, которой она пользуется, такая редкая, что мы сможем разыскать продавцов

и они выведут нас на своих клиентов?

– Нет. Об этом я уже думал. Увы, блондинка по имени Вика пользуется заурядной, широко разрекламированной «Шанелью», которой в любой парфюмерной лавке пруд пруди.

Крупенников вздохнул: он возлагал на эту версию большие надежды. «Шанель»... М-да. Ну ладно, пусть не духи.

– А еще у нее волосы ярко-белого оттенка, – вслух подумал Саша, продолжая развивать одну линию. – Допустим, в Москве только один парикмахер, который красит волосы девушкам в чисто белый цвет. И мы его разыщем... Эх!

Не договорив, он сокрушенно махнул рукой. Нелепая идея, что и говорить, предложенная исключительно от безысходности. Видя, что начальство не поддерживает его изысканий, Крупенников снова уставился в телевизор.

– А экранчик-то у них паршивенький, такой не стыдно разве что в сторожевой подсобке повесить... Могли бы и на что-нибудь попримечнее раскошелиться.

Макар без интереса взглянул на экран и вдруг изменился в лице. Саша перевел взгляд следом за ним, не понимая, что так подействовало на Илюшина, но увидел лишь мелькающие некачественные кадры, сделанные то ли дешевой «мыльницей», то ли телефоном: тело в кустах, согнутые ноги, коротко стриженная белобрысая голова... Обычный анонс ежедневной криминальной хроники.

– Вот же черт, – сквозь зубы процедил Макар, вскакивая с места. – Саша, быстро!

Дверь зала распахнулась, и охранник, недовольно привставший с места, увидел двух посетителей, которые зашли минут сорок назад: широкоплечего чернявого красавчика, обмотавшего горло бабским желтым шарфом, а рядом с ним – светловолосого парня постарше. Оба запыхались, как будто бежали стометровку.

– Никита уже ушел? Бармен? – бросил светловолосый.

– Вроде да... – протянул охранник.

– Вроде да или вроде нет? А, неважно! Саш, быстро в гардероб!

Чернявый кивнул и пулей метнулся в помещение, но вскоре выскочил оттуда и крикнул: «Нету!»

– Где у вас выход для персонала? – спросил светловолосый, окинув взглядом коридор, уводящий куда-то в темноту и там раздваивавшийся.

Охранник понял, что пришла пора показать, кто здесь главный.

– Молодой человек, – брезгливо протянул он. – Выходом для персонала у нас пользуются только сотрудники. Посетителям не разрешается ходить в служебные помещения.

– Где выход для персонала? – безразличным тоном повторил парень, словно и не слышал ответа, и внимательно посмотрел на охранника.

От его взгляда тому вдруг стало не по себе. Он не смог проанализировать это чувство ни в тот момент, ни позже... Да и анализировать-то было нечего – просто ему неожиданно, совершенно ни с того ни с сего показалось, что за дружелюбным приветливым лицом парня с ясными серыми глазами проявилось другое – волевое и жесткое лицо взрослого мужика, способного одним ударом перерезать ему горло листом бумаги.

И откуда взялся этот лист бумаги? Господи, ведь и бумаги-то поблизости не было, не считая его собственной газеты с кроссвордами, валявшейся на столе... Но вот поди ж ты, пришла в голову эта фантазия, и, будто ошпаренный ею, сотрудник охранной службы, пятидесятилетний Юрий вздрогнул и поспешно указал налево, туда, где короткий коридор заканчивался дверью без таблички.

– За дверью вниз, потом направо, и выйдете на стоянку, – сказал он, чувствуя, что во рту пересохло. – Там Никиты машина стоит.

– Вот спасибо вам большое, – поблагодарил парень, а его приятель уже исчез в коридоре, и только дверь хлопнула так, что Юрий вздрогнул второй раз.

«Телевизор надо меньше смотреть, – сказал себе охранник, когда сероглазый скрылся. – Так и до глюков недалеко».

Он посидел, бессмысленно глядя перед собой и изживая страх, затем придвинул газету и принялся заполнять кроссворд.

Крупенников успел на стоянку первым. Когда он увидел профиль бармена в отъезжавшей машине, то с громким воплем бросился ей наперерез. Никита ударил по тормозам и покрыл матом придурка, едва не попавшего под колеса, но потом придурок, опиравшийся руками о капот, поднял голову, и Никита выругался второй раз, уже по другой причине. «Опять ты?! Сколько можно!»

– Тебе что, так сильно коктейльчику захотелось? – мрачно попытался сострить он, выбравшись из машины. – Там Оля осталась на хозяйстве, попросил бы ее. Не, правда – а если бы я тебя переехал?

– Значит, он погиб бы при исполнении служебного долга, – раздался голос, который Никита уже слышал сегодня.

Илюшин быстро подошел, схватил его за руку и потащил за собой:

– Никита, на пару секунд... Пошли, пошли, пошли! Да давай же!

Когда они оказались в зале, сюжет, анонс которого они видели несколько минут назад, еще не закончился. Теперь всех заинтересованных лиц просили сообщить все, что они знают о девушке, утром найденной в лесу.

– Смотри внимательно, – вполголоса приказал Илюшин. – Сейчас снова кадры пойдут.

Замелькала знакомая Крупенникову картинка, и бармен ахнул.

– Твою мать... – выдавил он. – Да вашу... мать твою, а!

Макар кивнул самому себе: его предположение оправдалось.

Никита же не мог оторвать взгляда от экрана, где над бегущей строкой чередовались фотографии – девушка, лежащая на земле, забросанная листьями. Лица ее нельзя было разглядеть полностью, но и того, что он видел, Никите оказалось достаточно.

– Это она, мужики, – ошеломленно проговорил он. – Как же... Это ж Вику убили!

Он перевел взгляд на Илюшина, и в глазах его блеснуло любопытство, которого он не смог сдержать.

– Слушай... Так вот почему вы эту тетку ищете, да? – Он даже понизил голос. – Она баб снимает в клубах и режет?

– Возможно, – сказал Илюшин. – А потом возвращается за барменами, которые к ней приставали. Так что будь начеку.

Секундное замешательство на лице Никиты сменилось широкой улыбкой:

– А, ха-ха! А я чуть было не купился...

Но Илюшин с Крупенниковым смотрели на него с таким траурным видом, что улыбка сползла с его лица.

– Да вы шутите! Серьезно, мужики! Хорош стебаться, слышь?

Последние слова он выкрикнул уже им в спину. Макар быстро удалялся, Крупенников следовал за ним, как собачонка.

Когда они вышли на улицу, Саша выжидательно уставился на Илюшина, ожидая дальнейших указаний.

– Сейчас я позвоню твоему шефу и сообщу последние новости, – задумчиво сказал Макар. – Но прежде, чем я это сделаю, ответь мне на один вопрос. Та русалка, на место которой взяли Рокунову... Что с ней случилось?

Саша открыл рот, чтобы ответить, да так и застыл с отвисшей челюстью.

– Ага, – сказал Илюшин. – В целом понятно. И все-таки хотелось бы услышать подробности.

– Ее убили, – выдавил Крупенников.

– Я уже догадался. При каких обстоятельствах? Сдается мне, это было не просто банальное ограбление.

– У нее ничего не взяли, кроме какой-то ерунды – кажется, брелка или чего-то в этом роде. Ей... – Он запнулся. – Ей перерезали горло и выбросили из машины. Это все, что я знаю.

– Припоминаю, что эта девушка – кажется, Соня, да? – была блондинкой.

Крупенников уныло кивнул.

– А Рокунову, значит, взяли на место убитой... Занимательная складывается картинка.

Он достал телефон, набрал номер и сказал:

– Игорь Васильевич? Да, Илюшин. У нас кое-что есть...

Глава 6

Снимки, как оказалось, были сделаны двумя подростками, нашедшими тело Виктории Чериной. Они же продали их телеканалу, который в утреннем выпуске «Криминальной хроники» поместил горячую новость о маньяке-враче, убивающем блондинок.

– Почему враче? – спросил Бабкин, слушавший отчет Степаныча – именно тот общался с опергруппой, и Сергей в очередной раз отдал должное возможностям Перигорского: после возвращения Макара с Крупенниковым прошло не больше двух часов, а они уже сидели в кабинете шефа «Артемиды» и обсуждали новости.

– Потому что убивает острым инструментом, типа скальпеля, а затем надрезает лоскут кожи сзади, под шеей.

– Какой-то знак?

– А черт его знает. Но вроде бы не символ, просто несколько надрезов крест-накрест.

– Зорро, мать его!

Степаныч подождал, не будет ли еще вопросов, но в кабинете стояла тишина, прерываемая только шелестом ручки – Илюшин что-то рисовал на листе бумаги, прикрыв рисунок ладонью.

– Достоверно известно о трех жертвах, но, возможно, их больше, – продолжил оперативник. – Каждый раз тело находили неподалеку от брошенной машины. Есть предположение, что орудует баба, – многозначительно добавил он. – Потому что кого еще посадят к себе женщины?

– Точно сажали, а не были каким-то способом выманены наружу? – тут же спросил Илюшин, оторвавшись от своего занятия.

Степаныч развел руками.

– Я, мил-человек Макар Андреич, что могу тебе ответить? Никто не знает. Дела только недавно объединили, после третьего случая. Убийства начались в июне, и каждый раз жертва – блондинка младше тридцати лет, на своей машине. Потому и подумали на бабу, что решили – может, она таким образом мстит, скажем, любовнице мужа, убивает всех, похожих на нее.

– Или парочка ловила машину? – подал голос Николай. – Тогда ваша Рокунова может быть сообщницей.

– У серийных маньяков редко бывают сообщники, – сказал Илюшин. –

Хотя, конечно, исключать ничего нельзя.

– Да какая нам разница – есть сообщники, нет сообщников! – рассердился Перигорский. – Мы что, маньяка собираемся ловить?!

– Мы собираемся ловить Рокунову, – ответил за всех Бабкин. – И не только собираемся, а именно этим и занимаемся. На данный момент картина выглядит так: предположительно, она уехала из ночного клуба вместе с Чериной, после чего был найден труп Чериной, а Рокунова пропала. Машину разыскали довольно-таки далеко, возле железнодорожной станции, которая находится в пятнадцати километрах от места преступления.

– Девка и убила, – хладнокровно заметил молчавший до сих пор оперативник – хмурый, носатый, с глубоко запавшими глазами. – И первую тоже она...

– Кстати о первой, – встрепенулся Макар. – Игорь Васильевич, почему вы не рассказали нам о том случае?

– Не связали его со смертью Микаэллы, не догадались! – досадливо ответил Перигорский.

Илюшин подумал, что шеф «Артемиды» воспринял гибель Сони Мининой не как смерть живого человека, а как помеху своему делу, оттого и не провел параллелей с убийством Микаэллы Костиной. Одно дело узнать, что «русалка», покинувшая клуб на своей машине, не приехала на другой день, потому что подвернулась под руку какому-то психу... Пожалуй, это могло даже вызвать гнев Игоря Васильевича. Отлаженный организм «Артемиды» дал сбой из-за одной девицы, которая оказалась недостаточно осторожной и не сумела предотвратить собственную смерть! Макар представил, в каком негодовании пребывал по этому поводу Перигорский, и подавил усмешку.

Но совсем другое дело – увидеть задушенную женщину своими глазами. Это смерть другого рода – вызывающая, вульгарная. Совершенная в клубе, она становится оплеухой, оскорблением для того, кто считает себя полновластным правителем крошечной страны грез.

Макар с пониманием отнесся к тому, что Перигорский воспринимает сотрудников «Артемиды» как своего рода одушевленные машины, призванные удовлетворять прихоти клиентов, и решил, что в будущем это следует принимать в расчет.

– А еще кто-то из сотрудников «Артемиды» погиб за последние полгода? – поинтересовался Сергей Бабкин.

После его вопроса воцарилась напряженная тишина. Крупенников, поймав выжидательные взгляды оперативников, заерзал на месте и решил

посмотреть на начальника службы безопасности, сидевшего справа.

– А ты-то чего уставился?! – вознегодовал тот. – Между прочим, как раз полгода работаешь. Вот и вспоминай, ага.

– Нечего вспоминать, – оборвал его Перигорский. – Не было других смертей. В июне погибла Минина, через месяц после этого на ее место взяли Рокунову.

– А Рокунова сбежала в тот же день, когда убили Костину, – тихо, но отчетливо продолжил Николай и сделал движение, собираясь дотронуться пальцем до губы, но под тяжелым взглядом Бабкина передумал и небрежно провел рукой по волосам.

– Хочешь сказать, пригрели гадюку на груди? – фыркнул Лямин. – Что-то мне не верится.

«Конечно, не верится, – подумал Сергей. – Если это подтвердится, твой шеф тебя живьем проглотит – за то, что не разглядел, не догадался вовремя, кого принимаешь на ответственную работу».

Он на секунду прикрыл глаза, и перед его мысленным взглядом возник человек – единственный из четверых клиентов, с которым он успел обстоятельно поговорить сегодня. Аслан Коцба. Совиное насупленное лицо с яркими черными глазами. Коцба был небрит и во время разговора поглаживал щетину, словно чесал об нее ладонь. Когда он ушел, Сергей почувствовал себя совершенно обессиленным, хотя разговор не выходил за рамки отчета о передвижениях Коцбы по клубу и его отношениях с девушками.

– Сергей, у тебя по клиентам что-нибудь есть?

Неожиданный вопрос Илюшина настолько совпал с мыслями Бабкина, что он чуть не вздрогнул.

– Пока нет. Но мы только начали.

– Придется сделать еще кое-что. Поговорите снова с обеими девушками и выясните у них все, что они знают о смерти Мининой. В остальном задание остается неизменным. – Макар обвел взглядом сидевших за столом. – Одна группа под руководством Сергея занимается теми, кто находится в клубе, другая – поисками Рокуновой. Все, работаем.

– Да ее сейчас все будут искать, эту Рокунову! Нам-то зачем в это лезть?! – воззвал к здравому смыслу Илюшина начальник службы безопасности.

– Мы уже залезли, – усмехнулся Макар. – Поздно давать задний ход.

Темнота... Тяжелый запах варева, кажется, мясного бульона... Что-то мягкое, ворсистое под руками, вытянутыми вдоль тела и словно присохшими к нему.

Алька застонала и открыла глаза. Попыталась открыть. Веки разлеплялись неохотно, и ей пришлось сделать колоссальное усилие, чтобы приподнять их хотя бы чуть-чуть – казалось, ресницы склеились между собой. Резкая боль кольнула за левым виском и почти сразу, потеряв остроту и став просто тупой и ноющей, перетекла куда-то в затылок, будто ушедшая на глубоководье холодная рыбина. Алька так и почувствовала ее – словно рыбу, замершую там, на дне, ожидающую неизвестно чего.

– А-а-а...

На ее стон никто не отозвался. Она смежила веки, и боль понемногу отступила. Подождав некоторое время, глубоко дыша, Алька снова попыталась открыть глаза, и теперь ей это удалось.

Темно... Темно и душно. Ощущение было такое, будто она лежит в пустоте, наполненной только ворсом и запахом, тошнотворным запахом мясного бульона. Против ее воли перед глазами возник образ говяжьей кости, над которой вскипает серая пористая бульонная пена, а следом за костью, как она ни сопротивлялась, детская память вытащила воспоминание о походе с теткой на рынок, в мясной отдел. Свиные головы с зажмурившимися косыми глазками; живые собаки, лежащие под прилавками, с точно такими же косыми глазами; развалы мяса, багрового и розового, с ватным слоем сала; скукожившаяся красная лужица под синими весами, на которых стрелка мотается туда-сюда, туда-сюда... И запах. Невыносимый запах, от которого из живота что-то тугое комком поднималось вверх и останавливалось в середине горла, закупоривая его, так что не было никакой возможности вдохнуть. «Держи, держи! Не путайся под ногами, иди на улицу!» Тетка нагружала ее сумками, которые оттягивали руки, но Алька готова была тащить ношу вдвое тяжелее, лишь бы выскочить, вырваться из этого мясного кошмара.

Усилием воли она заставила себя оттолкнуть воспоминание.

«Нет никакого запаха, – сказала себе Алька. – Это я его придумала. Запаха нет. Есть только пустота и ворс». Но когда глаза привыкли к темноте, она увидела кое-что еще.

Она лежала в небольшой комнате, на стенах которой висели толстые темные ковры. Окон не было. Ковер закрывал даже дверь, единственный относительный источник света – во всяком случае, именно из дверной щели с трудом пробивалась желтая полоска, позволявшая Альке разглядеть место, где она оказалась.

Сама она лежала, связанная, на подобии кушетки, накрытой то ли искусственной шкурой, то ли пледом. Как только Алька поняла, откуда взялось ощущение высохших рук, она сразу же почувствовала, насколько сильно впиваются веревки в ее тело. Ноги тоже были связаны вместе, и она могла лишь шевелить пальцами и поворачивать голову.

Но последнее действие далось ей с большим трудом. В висках заныло, напоминая о том, что произошло с ней за мгновение до того, как она потеряла сознание. И хотя Алька зажмурилась, второй раз пытаясь отбросить от себя воспоминание, на этот раз совсем свежее, память снова оказалась беспощадна.

Запах. Образ. Звук.

На Альку обрушились стоп-кадры, сделанные памятью за несколько мгновений до полной темноты.

Запах. Образ. Звук.

Память сохранила все так тщательно, как будто Альке предстояло любоваться этим всю оставшуюся жизнь.

Запах сигарет. Вика курила одну за другой, и вся машина пропахла дымом, как ни проветривали они салон. Альку стало укачивать от него, и она надеялась лишь на то, что они скоро приедут. Кроме сигарет, пахло чем-то еще, каким-то новым запахом – она не сразу сообразила, что он исходит от гитарного чехла. Искусственная кожа.

Она задремала, и проснулась от толчка остановившейся машины. Неожиданный запах резины ударил в нос, но Алька решила, что ей показалось спросонья.

Сжатая кисть в желто-белой хирургической перчатке. Гитарист так спокойно положил руки Вике на плечи, что Алька даже не восприняла это как нахальство или заигрывание. Она вообще это никак не восприняла. Не успела.

Сверкнувшее в его руке показалось ей цепочкой. Серебряной цепочкой, которую он решил надеть Вике на шею. Это было первым, что подсказало сознание, потому что она не успела еще ничего подумать, а успела только увидеть: вот его рука идет влево, быстро тянет по Викиному горлу цепочку. И даже когда из-под цепочки что-то хлынуло, а Вика жутко, неестественно выгнулась вперед, почему-то продолжая прижиматься затылком к подголовнику, Алька не успела придумать другой версии.

Звуки включились чуть позже, словно с секундным запозданием: сперва короткий свист, за ним хлюпанье, сопровождающееся хрипами и бульканьем. Такой звук издают дети, надувая щеки и выпуская из них воздух. Ничего страшнее этого Алька не слышала никогда в жизни.

А затем парень повернулся к Альке, застывшей с расширенными от ужаса глазами, и выбросил вперед руку, в которой теперь было зажато что-то другое. Это другое врезалось ей за левое ухо, с хрустом пробило череп, воткнулось в мозг, и Алька очень быстро умерла. Во всяком случае, она успела подумать, что умирает, когда голова ее от удара мотнулась назад, а затем разрывающая ее боль исчезла вместе с Алькой под накрывшим их, словно плащом, черным гитарным чехлом из искусственной кожи.

За дверью раздались шаги: равномерное «скрип-скрип-скрип». Альку обволокло вязким кошмаром ее детских снов: вот она стоит перед дверью, к которой – ей точно известно – приближается человек. Или не человек. А что-то невыговариваемое, непредставимое, о чем даже думать нельзя, потому что оно отзывается на мысли, чует их. Альке нужно бежать, мчаться изо всех сил, спрятаться в дальней комнате под кроватью и накрыться одеялом, а она не может сдвинуться с места. Не только ноги не бегут – вся она НЕ бежит, охваченная оцепенением, и неизвестно уже, что страшнее – то, что приближается к двери, или предательский отказ ее собственного тела повиноваться ей.

Полоска желтого света под дверью пресеклась двумя темными тенями. Человек остановился за дверью.

Алька попыталась закричать, но панический страх залил рот теплым жирным бульоном, запечатав его, будто воском, и Алька могла только судорожно дышать носом. Ни один звук не рождался в ее горле.

Дверь открылась вполне обыденно, даже не скрипнув, и человек, зашедший в комнату, первым делом включил свет. Алька зажмурилась, но тут же открыла глаза – с закрытыми было совсем жутко.

Свет внес свои коррективы в окружающую действительность. Правда, небольшие. Все оказалось почти так, как увиделось Альке в темноте. Вот только ковры были не темными, а обычными старыми настенными коврами с непременным геометрическим и растительным узором, ярким, как крылья бабочки. В углу комнаты стоял вполне современный комод, а возле него – столик на одной ножке, на котором пузато отсвечивала стеклянная ваза. Из вазы торчал искусственный подсолнух. Два стула под книжной полкой отчего-то не стояли, а лежали на боку, и с ее места Альке было видно, что ножки покрывает толстый слой пыли. Без всякого сомнения, это была не квартира, а дом, и если не считать отсутствия окон и чрезмерного пристрастия хозяина жилища к коврам, все остальное вокруг Альки было совершенно обыденным. Но от этой обыденности ей стало страшнее, чем если бы она очутилась в каменном мешке с пропастью посередине.

И человек, который зашел в комнату, тоже был обыкновенным. Теперь,

когда она могла как следует рассмотреть его, стало понятно, что ему около двадцати с небольшим. Отросшие темные волосы были по-женски перехвачены надо лбом ободком, и Алька подумала с ненавистью и страхом, что он отрастил их нарочно, чтобы попадать в образ «парня-гитарой», хотя на самом деле они ему мешают. В его лице нельзя было зацепиться ни за одну черту, так все было соразмерно и правильно: и ровный прямой нос, и аккуратно собранные под носом розовые губы, и лоб безупречно отмеренной высоты... словно кто-то с циркулем и линейкой собирал это лицо, подгоняя все его части друг под друга, и тщательность мастера каким-то образом передалась его творению.

От него веяло правильностью, а еще опрятностью и аккуратностью. Не осталось никакой небрежности, размашистости движений, и было странно вспоминать, что этот самый человек вскидывал голову, чтобы красиво разлетелась челка, и смеялся над глупыми Викиными шуточками, похлопывая себя по коленке.

Альке почудилось что-то неуловимо знакомое в его лице, но ей было не до того, чтобы сравнивать его с известными актерами. Он немного постоял возле двери, глядя на нее, затем подошел к книжной полке, поднял один из стульев, поставил неподалеку от ее кушетки и уселся задом наперед, облокотившись подбородком на спинку. Губы он вытянул трубочкой и принялся разглядывать Альку.

Она вжалась спиной в кушетку в тщетной и бессмысленной попытке избежать его взгляда. В нем отражалось удовлетворение хорошо поевшего человека, который рассматривает многообещающий десерт и выжидает время, чтобы приступить к нему.

– Как тебя зовут? – спросил он, приветливо, почти ласково улыбнувшись.

Алька почувствовала, что откуда-то из глубины в ней поднимается смех, и ей стоило больших трудов сдержать его. Смех распирал ее, и она ощутила, как задергалось веко под левым глазом, хохоча по-своему. «Как тебя зовут!» Удачное начало для знакомства.

– Ну так как? Скажи.

– Алла, – выговорила она, задавив истерику, и сама услышала, что шепчет, а не говорит.

– Алла... – Он нахмурился. – Нехорошее имя. Неправильное. Придумаем другое.

Он встал, наклонился к ней, и, прежде чем Алька успела понять, что ее ждет, и испугаться, потрепал ее по щеке. Она дернулась с такой силой, что кушетка под ней пошатнулась.

– Фу! Нельзя! Глупая девочка!

Алька застыла, боясь даже сглотнуть.

– Будешь других ловить, поняла? Будешь со мной бегать, охотиться... Раз схватишь, второй вцепишься, а там уже и полегче пойдет...

Она не понимала, о чем он говорит, но выражение его лица пугало ее больше, чем бессмысленные слова, в которых она чувствовала угрозу. Глаза у него поплыли, на губах появилась полуулыбка, и пальцами он начал делать странные жесты: что-то скручивать, растягивать, теревить. Он снова провел ладонью по ее щеке, и она ощутила влажность его вспотевшей руки. Алька лежала, не шелохнувшись, чувствуя себя как человек, по которому ползет гадюка или другая ядовитая тварь вроде скорпиона.

– А, вот что! – озабоченно сказал парень, когда пальцы его коснулись воротника Алькиной рубашки. – Это лишнее. Не нужно, один вред!

Он встал и быстро вышел из комнаты, не забыв выключить свет.

Как только дверь за ним закрылась, Алька обессиленно закрыла глаза. Детская надежда на то, что все это – только кошмар, и когда она проснется, все закончится, жила в ней недолго – не больше нескольких секунд. Затем нос уловил те же запахи, что она почувствовала после того, как очнулась, и здравый смысл приказал ей прийти в себя.

«Это не сон, не кошмар. Он больной, он убийца! Господи, как страшно он убил Вику...»

При воспоминании о смерти Вики Алька почувствовала, что ее парализует от ужаса, и прикусила губу. Боль привела ее в себя. Сейчас нельзя было позволять себе терять силы и впадать в шок. Она успеет сделать это потом, когда выберется отсюда. Если выберется.

«Он больной, он убийца, но он всего лишь человек, – сказала себе Алька. – Всего лишь человек! Человек!» Она повторила это несколько раз, и полуобморочная слабость отступила. Да, он человек, и она у него в плену. Он хитер, изобретателен, очень жесток, но раз он не убил ее до сих пор, значит, она ему для чего-то нужна.

Заблокировав ту часть воображения, которая рисовала убедительные картины – для чего именно она может быть ему нужна, – Алька вспомнила «Артемиду», из которой она убежала, и заставила себя думать, что выбраться отсюда будет ненамного сложнее. «Там была охрана, здесь он один». Она прекрасно осознавала сомнительность этого утешения, но времени размышлять и предаваться панике у нее оставалось все меньше: этот человек ушел с какой-то целью, и он собирается вернуться. Нужно успеть сделать то, что она хочет, до его прихода.

Алька принялась раскачивать кушетку: влево-вправо, влево-вправо...

Ее попытки сильно осложняло то, что кушетка стояла очень близко к стене. Алька постаралась как можно дальше выставить ближний к стенке локоть, хотя кожу на запястьях ожгло от боли, и продолжила раскачиваться, упираясь в стену локтем.

«Свалить! Кушетку! Свалить! Кушетку!» – выдыхала она про себя на каждый толчок.

Однако кушетка стояла прочно, и амплитуда движений Альки была слишком невелика, чтобы у нее что-то получилось. «Но я же почти опрокинула ее! Когда он дотронулся до меня, я почти опрокинула ее!»

Воспоминание о его прикосновении придало ей сил, и, застонав, она дернулась так, что кушетка и впрямь накренилась, а затем рухнула. Альку больно ударило о пол, но толстый ковер смягчил удар, и она застыла в нелепейшей позе: привязанная к кушетке, стоящей на боку. Веревка впилась в тело, и Алька сжала зубы, чтобы не закричать.

Но то, чего она хотела добиться, у нее получилось: узлы ослабли. Извиваясь, как гусеница, она принялась выкручиваться, выдираться из рубашки с таким ощущением, будто вылезает из собственной кожи. Тело, которым она всегда гордилась – легкое, гибкое тело со всеми положенными женскими изгибами, с тонкой талией и красивыми, плавными бедрами, – вдруг стало ее врагом: оно не хотело освободиться, оно мешало ей.

– Чтоб... ты... сдох... – сквозь зубы шипела Алька.

Капли пота стекали по ее шее, от ковра, в который она уткнулась носом, разило пылью.

– Привязал... меня... к мебели... сволочь!

Внезапно Алька почувствовала, что веревка поддалась, и в ту же секунду ей почудились шаги за дверью. В ужасе от того, что убийца вот-вот войдет и обнаружит ее в этой унижительной позе, она рванулась изо всех сил – и ощутила, что натяжение ее пут ослабло. Сперва ей удалось освободить руки, а затем, перевалившись на спину и изогнувшись так, что хрустнули кости, она стащила веревку, опутывавшую ноги.

«Господи, получилось!»

Но времени лежать и приходиться в себя у нее не было. Она поползла по ковру, стремясь отдалиться как можно дальше от кушетки, словно та была хищным зверем и могла броситься на нее, потом поднялась и, шатаясь, остановилась возле стены. Теперь она хорошо видела в темноте. В висках пульсировало, бока ныли так, словно она и в самом деле содрала с них кожу, ноги от слабости подгибались, и Алька съехала вниз, хотя в таком положении чувствовала себя более уязвимой.

«Только бы он не пришел сейчас...»

Тело ее ныло и просило о пощаде, но мысли, когда их не затуманивал панический страх, были ясными. Алька, пошатываясь, пошла вдоль стены, с усилием отгибая ковры в надежде обнаружить за ними окна.

«Окно... Хоть одно окно! Здесь не может не быть окон!»

Окно и в самом деле обнаружилось за очередным ковром – длинный узкий прямоугольник, заколоченный изнутри досками. В отчаянном бешенстве Алька попыталась отодрать крайнюю, подцепив ее сбоку, но доски были приколочены крепко. До крови ободрав пальцы, она оставила свои попытки и огляделась в поисках того, что могло бы помочь ей выбраться отсюда. Взгляд ее упал на стул, на котором сидел убийца, но прежде, чем она успела подумать, как его можно использовать, за дверью послышались шаги – на этот раз настоящие, а не подсказанные ее воображением.

Гитарист, вошедший в комнату, протянул руку к выключателю, но, еще не успев нажать на него, почувствовал, что в комнате что-то изменилось. Он не очень хорошо видел в темноте, тем более что шагнул в полумрак из ярко освещенного коридора, но у него было звериное чутье на опасность. Поэтому он успел отдернуть руку от выключателя и отскочить в сторону в тот самый миг, когда Алька с яростным воплем обрушила стул на то место, где он стоял секунду назад.

От изумления он выронил ножницы, которые принес с собой специально, чтобы срезать с нее одежду. Мерзкая крыса! Как ей это удалось?! От следующего удара, нанесенного более точно, он не смог увернуться, и ножка стула вскользь проехала по его плечу. Он отшатнулся, не удержался на ногах и упал на пол.

«Добить его! Добить!» Подчиняясь крику паники, Алька сделала ошибку: подскочила слишком близко, чтобы нанести удар наверняка. В следующий момент ее ударили в кость под коленкой, и, закричав от боли, она свалилась, как подкошенная, выпустив стул.

Гитарист с ловкостью акробата извернулся и прыгнул на нее сверху. Влажные руки сомкнулись на ее горле и сжали его с такой силой, что Алька поняла: еще чуть-чуть, и он сломает ей шею. В глазах помутилось, и такая же муть ударила в голову, заволокла, забила мозг черной ватой. Она ощутила себя куклой. Кукле ломают шею и распотрошат, выкинут старое тряпье, которым она была нафарширована, и вложат новое, а затем зашьют грубым швом. Смутно казалось, что так неправильно, но эта мысль, да и все прочие, уже проваливалась куда-то, улетала в длинный темный колодец, в который вот-вот должна была свалиться и сама Алька.

Упасть в него ей мешало только одно – холод под рукой. Собрав

остатки сознания, кукольной, тряпичной, непослушной рукой Алька нащупала что-то длинное на ковре. Острое. Железное.

Пальцы не хотели сжиматься вокруг этого предмета, но в конце концов ей удалось обхватить его, и с ощущением, что она все делает ужасающе, невероятно медленно, Алька подняла руку и ударила душащего ее парня в бок.

От визга, раздавшегося над ней, она выронила ножницы. Отпустив ее горло, Гитарист зажал двумя руками рану и повалился на бок, визжа так пронзительно, что у нее заложило уши. Она поползла к двери, за которой горел свет, к спасительной двери, которую можно было захлопнуть за собой, оставив визжащее чудовище в ковровой клетке. Ей оставалось доползти совсем немного, и она вскочила на трясущиеся и подгибающиеся ноги, как будто они были не настоящие, а кукольные – тряпичные мешочки, из которых высыпали наполнитель и вынули железный стержень. Она даже успела сделать несколько шагов по ковру, засасывающему ее, словно песок.

Он навалился на нее сзади в тот момент, когда она вцепилась в косяк. Алька заорала изо всех сил, но ее стащили вниз, заломили руки за спину и, пыхтя, обмотали их чем-то – кажется, той самой веревкой, от которой она так отчаянно избавлялась. Она продолжала кричать и брыкаться, но сунутый в рот кляп заставил ее замолчать. Что-то прижало к полу ее волосы, и, скосив глаза, Алька убедилась, что убийца поставил на нее сверху стул – так, чтобы она лежала между его ножками. Теперь она не могла повернуть голову – острая боль мешала ей.

Мимо нее прошли ноги в полосатых черно-серых носках – эти дурацкие полоски так прочно засели у нее в голове, как будто от них зависела ее жизнь. Он даже не стал закрывать за собой дверь, и Алька видела угол коридора, стыки плинтуса и край деревянного прямоугольника с какой-то изогнутой железной палочкой сверху – она никак не могла понять, что это за штукавина. Отчего-то ей показалось, что это очень важно – понять, что же у него в коридоре; что это за странная вещь, назначение которой ей не удастся определить. Алька повернула голову совсем чуть-чуть, но этого оказалось достаточно, чтобы она увидела недостающую деталь, сказавшую ей о том, что же за предмет находится перед ее глазами.

Это была мышеловка. И Алька ни на секунду не усомнилась в том, что в ней есть пойманная мышь.

Когда все стали расходиться, Сергей поймал Илюшина за рукав рубашки.

– На пару слов, Макар...

Почти силком он вытащил его за собой в коридор, довел до стрельчатого окна, взглянув с раздражением на стоящие рядом две статуи обнаженных женщин – все-таки этот театр с декорациями его изрядно достал. «Статуи... Бредовая идея! Здесь-то они зачем, в административном корпусе?!» В руках правой статуи был наклоненный кувшин, исчерченный какими-то символами, а левая придерживала сосуд, похожий на ночную вазу.

– Товарищи, вы сами себя задерживаете... – бодро начал Макар с интонациями Жванецкого, но Бабкин перебил его:

– Вот что, ты мне мозги не положи и невинность не изображай.

– Ни в коем случае не претендовал...

– Вот и не претендуй. Лямин тебе правильный вопрос задал. Макар, на черта ты собираешься выслеживать девку? Дураку ясно, что это бессмысленно!

– То, что тебе очевидна бессмысленность некоторых моих действий, – чопорно сказал Илюшин, – ни в коем случае не означает, что они действительно бессмысленны.

Бабкин бессильно выругался: поведение напарника яснее ясного говорило о том, что тот уперся и не желает признавать ошибочность своих поступков.

– Если это все рациональные предложения, то я пошел. – Макар сделал движение в сторону. – Меня ждут юноша Крупенников и девица Рокунова.

Сергей собрал в кулак все свое терпение.

– Девица Рокунова, – почти нежно проговорил он, – тебя не ждет. Ты за ней охотишься только потому, что она тебя провела. А ты же у нас самолюбивый, как... как...

– Как Наполеон, – подсказал Илюшин.

– Во. Точно. Как Наполеон. Ты не можешь допустить, что какая-то крашенная стерва тебя обманула и смылась. Но зачем, объясни мне, зачем сейчас ее искать?! Даже если это она убийца – все, дело вышло из-под нашего контроля. Теперь ее будут разыскивать другие люди, и конкурировать с ними нет смысла. Ну найдешь ты ее – и что? Придушишь? Отведешь за ручку к Перигорскому? Сдашь в прокуратуру? Попробуешь выбить из нее показания? Работать сейчас нужно здесь, выкинув из головы Рокунову! Между прочим, она и меня провела, но я же не бегаю за ней по всей Москве!

– Да, это выглядело бы нелепо, – согласился Илюшин. – Вот что я тебе скажу, мой возмущенный друг. Ты не хуже меня понимаешь, что ее будут разыскивать как свидетельницу, но у меня шансов найти ее больше, чем у милиции.

– Это еще почему?

– Потому что я в этом лично заинтересован. А человек, у которого есть личный интерес, при прочих равных условиях всегда действует эффективнее, чем тот, кто обрабатывает зарплату. И потом, я умнее.

– Хорошо, – согласился Бабкин. – Ладно. Ты умнее. А тебя не пугает перспектива поймать Рокунову, но при этом упустить убийцу?

Илюшин, внимательно рассматривавший статую с кувшином, сделал шаг к ней и присел на корточки. Затем обернулся к Бабкину, уставился на него снизу вверх:

– Открою тебе одну тайну, Серега. Я не имею ни малейшего понятия, убийца ли сама Рокунова. Но я совершенно уверен, что если мы найдем ее, то узнаем, кто убил.

Убежденность в его голосе заставила Бабкина глубоко вздохнуть.

– Нет, ты, конечно, у нас гений сыска и все такое... – с тоской сказал он, – но, сдастся мне, от тебя было бы больше пользы, займись ты сам этими четырьмя любителями подводного секса. Пока мы выясняем, кто из них врет, пройдет три недели, а не три дня.

Илюшин вернулся к разглядыванию кувшина в руках обнаженной статуи.

– Слушай, не имеет значения, кто из них врет, – пробормотал он, прищурившись и наклоняя голову то вправо, то влево. – Важно, *что именно* каждый из них считает нужным сказать.

И прежде, чем Бабкин успел потребовать толкования этой странной фразы, Макар протянул руку и нажал снизу на дно кувшина. Раздался приглушенный хлопок, и в ладонь Илюшину вывалилась бутылка минеральной воды.

– Держи! – Он протянул ошеломленному Сергею бутылку и встал. – Холодная!

У Бабкина было такое лицо, словно он ждал, что бутылка вот-вот оживет. Илюшин усмехнулся:

– В этом клубе у каждой вещи есть свое назначение, даже если поначалу кажется, что она бессмысленна. Кстати, что у соседней статуи, как ты думаешь?

Гитарист вышел из комнаты, плотно прикрыл дверь, но закрывать ее на ключ не стал – теперь крыса была надежно связана, и сбежать ей не удастся. Он сам промыл и перевязал себе рану, которая оказалась простой царапиной – ему теперь непонятно было, отчего он почувствовал такую дикую боль и так испугался, когда крыса ударила его ножницами. Должно быть, от неожиданности. Он не предусмотрел, что она так быстро избавится от веревок, да еще и нападет на него.

Сперва ее действия привели его в ярость, но, закончив с раной, он удовлетворенно улыбнулся: попытка крысы сбежать доказывала, что он в ней не ошибся. Пожалуй, после хорошей дрессуры из нее получится то, что ему нужно. А пока пусть полежит с перетянутыми за спиной руками, без воды и еды – это научит ее уважать и бояться хозяина. Времени на дрессировку у него полно.

В ближайшие дни Гитарист не собирался выходить из дома: снаружи все-таки установилась ненавистная ему осенняя жара, которую он рассчитывал пересидеть внутри, в прохладе. Он подумал о том, что мать, наверное, осталась в городской квартире, и почувствовал облегчение. «Все-таки нужно перетащить крысу в подвал. Туда мать не зайдет». Он заботился о матери и не хотел, чтобы она нервничала.

Она страшно переживала из-за его работы, и это заставляло Гитариста страдать. Мать знала о ней с того самого первого раза – догадалась, что это мог сделать только он. Гитарист видел ужас на ее лице – не оттого, что именно он совершает, а от страха за него, за то, что его могут поймать. Он поклялся ей, что больше никогда не выйдет на новую охоту, но она ему не поверила. Оба знали, что он выйдет.

Он прятал трофеи в разных местах и был уверен, что его тайники надежны. Поэтому когда мать нашла тот, самый первый, в своей квартире, это стало для него неожиданностью. Она кричала на него так, что он едва не оглох: вопила, что стоит кому-нибудь увидеть эту вещь, и его посадят в одиночную камеру до конца его дней. Орала, что он идиот, потому что это улика, которая выдаст его с головой. А затем раздался звонок в дверь, и она осеклась и замолчала, глядя на него со страхом. Звонок повторился, и, зажав в руке трофей, мать пошла к двери и не обернулась на сына, выходя.

Трофей, взятый с последней, самой неожиданной своей охоты, он припрятал как следует – теперь мать точно не найдет его. Подумав об этом, Гитарист улыбнулся.

Рукопись лежала на столе перед окном, и, прежде чем взять новый лист, он бережно провел рукой по первой странице. Там стояла фамилия его отца и пояснение, которое он помнил наизусть. Написано было на немецком, а языка он не знал, но перевел со словарем и выучил произношение – сказалась привычка любое дело, даже самое маленькое, выполнять отменно. Но про себя всегда читал эти строки на русском.

«Эта рукопись переведена мною, Дмитрием Венцовым. Я нашел ее случайно, разбирая архивные завалы в подвалах городской библиотеки Гамельна, куда меня на четыре года забросила судьба, с 1988-го по 1992-й. Оригинал был оставлен мною там же и в таком же состоянии, в каком я наткнулся на него по причинам, о которых скажу позднее.

Рукопись написана человеком грамотным, что видно, в частности, из применения им готического рукописного шрифта, но в ней использован верхненемецкий диалект, что явилось причиной определенных затруднений с переводом. Будучи переводчиком, а не исследователем, я не стану делать предположений о том, кто был ее автором и откуда проистекает его осведомленность о событиях тысяча двести сорок восьмого года (в том, что речь идет именно о них, у меня нет сомнений). Я постарался сохранить стиль повествования, однако вижу, что мне не удалось избежать осовременивания текста. Прошу простить за это тех, кому доведется читать мой перевод».

Гитарист задумчиво водил пальцами по странице, как делал это множество раз, словно рассчитывал, что сможет вытянуть кончиками пальцев из бумаги то знание, которое было у его отца. Вопросы, вопросы, и ни на один из них нет ответа... Почему Дмитрий Венцов не сообщил никому о своей находке, а вернул рукопись на место? Он упоминает таинственные причины и обещает «сказать о них позднее», но этого так никогда и не случилось. Ничего не оставил после себя Дмитрий Венцов, кроме этого единственного перевода, написанного от руки, а точнее, переписанного – без помарок, очень чисто, почти каллиграфическим почерком. Такой же почерк был у него самого, и мать как-то раз нехотя признала: это отцовские гены. Жаль, что способность отца к языкам не передалась ему вместе с умением выписывать ровные красивые букочки.

Отчего отец никому не говорил о переводе? Предполагал, что его будут читать – не зря же написано это предисловие, – но не оставил никаких указаний о том, что делать с текстом?

Гитарист наткнулся на толстую коричневую папку всего лишь год назад, решив разобрать и выкинуть старые вещи давно умершего отца. Он плохо помнил его и был лишен тяги к сентиментальным воспоминаниям о

почивших родных, стремлении собирать и хранить оставшийся после них беззубый хлам, как будто мало этим сборщикам своего собственного. Поэтому он безжалостно избавился от всего того, от чего по непонятной ему причине была не в состоянии избавиться мать при всей ее очевидной нелюбви к мужу. Слишком много лет эта никому не нужная память в виде изъеденных молью свитеров, старых грампластинок, десятков записных книжек, блокнотов и желтых официальных бумажек, удостоверявших, что *прописан-учился-работал-служил-выбыл-и прочее-прочее-прочее* обрастала пылью в одном из шкафов, который они с матерью не трогали и даже не упоминали в разговорах о существовании этого предмета мебели, хотя тот занимал немало места в комнате.

И вот год назад Гитарист решил и в один день выкинул и сжег весь отцовский мусор, не читая ни его записных книжек, исписанных все тем же каллиграфическим почерком, ни документов, по которым можно было проследить его биографию, ни пары писем, завалывшихся между дерматиновыми обложками блокнотов. Отец никогда не занимал ни его мысли, ни его фантазии, и в какой-то степени Гитарист радовался тому, что тот избавил его от своего присутствия в жизни сына, вовремя скончавшись от пневмонии вскоре после возвращения из Германии.

Коричневая папка с надписью «ДЕЛО №» упала к нему на колени сама, когда у нетерпеливо выдвинутого им ящика неожиданно вывалилось дно. Подлинная была папочка, или, как сейчас принято выражаться, аутентичная – с картоном в микроскопических катышках и пожелтевшими веревочками, завязанными на бантик. Собственно, только из-за бантика он и открыл ее: невозможно было удержаться и не дернуть за свисавшие концы веревочки.

Первая страница, не сколотая держателем, мягко спланировала вниз. Он повертел ее в руках, пожал плечами и пробежал глазами по началу рукописного текста. «Во всем были виноваты женщины. Дьявольские отродья, источник греха на земле...» Первые фразы заставили его хмыкнуть в изумлении: они не могли, просто не могли принадлежать его отцу, безвольному и недалекому хлюпику! Однако же не было никаких сомнений, что писал именно отец...

Он стал читать дальше, и спустя пять минут уже забыл обо всем вокруг. Это была *его* история. Словно тот человек, который шел в город Хамельн, был он сам – много веков назад... И в то же время тот, *прежний*, был иным – старше его, опытнее, умнее. Ему хотелось быть похожим на этого человека. Не считая эпизода с толстухой, направившей Крысолова в город, – Гитарист подумал, что ему стоило убить ее, и даже представил во

всех подробностях, как именно нужно было это сделать, – во всем остальном он чувствовал их невероятное родство. «Мы с тобой одной крови, ты и я», – сказал он вполголоса, сидя на ковре в окружении вынутых из папки листов. Он всегда уважал Киплинга – тот знал, о чем пишет.

Как и автор рукописи, переведенной его отцом. Чем дальше он читал, тем тверже убеждался в том, что держит в руках не просто историю – нет, он держит в руках наставление! Не могло оказаться случайностью, что этот текст попал ему в руки – и как раз в то самое время, когда то, что мучило его последние годы, казалось, достигло пика.

С пятнадцати лет его терзали кошмары и видения наяву. Это было похоже на один длинный сон, прерывающийся моментами бодрствования, но временами он переставал понимать, где иллюзия, а где реальность. Когда он рассказал об этом матери, та пожала плечами и сообщила, что в их роду у многих наблюдалась такая особенность. Пусть он успокоится, с возрастом это пройдет.

Однако с возрастом *это* не прошло. К нему являлись женщины, всегда в обличье животных, и он ненавидел их и боялся. Животные были в одежде, часто с накрашенными мордами, и вызывали у него омерзение. Они были противоестественны, все эти кошки в платьях, с жирной губной помадой под усами, выдры в юбках, кривляющиеся в воде, крысы, сверкающие красными глазками под ресницами, накрашенными так густо, что, когда они бежали, с них осыпалась тушь, и по ней можно было проследить дорогу в их норы... Во сне он пытался убежать от крыс, но они были везде; пытался бороться с ними, но они объединялись в стаи и изгоняли его. И при этом он чувствовал, что они не считают его ни своим врагом, ни помехой, что он жалок и ничтожен в сравнении с ними. Постепенно сны стали пробираться в его явь, и в некоторых встреченных женщинах он узнавал существ из своих снов. После этого страх и ненависть стали его постоянными спутниками и наяву. Только мать оставалась исключением – ее он обожал, любил преданно и восторженно, как и она его. Иногда ему казалось, что если бы все люди на земле умерли, они были бы вдвоем совершенно счастливы.

И вдруг – рукопись! Конечно, он понял, что это не просто текст, а шифр. И когда догадался, чего хочет от него Крысолов, весь страх ушел – растворился в деловитых приготовлениях к первому походу.

Все прошло так, словно он всю жизнь только и занимался истреблением крыс, и это окончательно утвердило его в мысли, что он избран Крысоловом для осуществления высокой миссии – избавления мира от наиболее опасных тварей. Музыка, которой разразилась тогда земля,

долго потом звучала в его голове. Ко второму разу он почувствовал ее приход заранее и счастливо улыбнулся – да, теперь все шло так, как и должно было идти.

Последний случай отличался от предыдущих. После той ночной работы он был весь в крови. Крови всегда было много, но он впервые сделал свое дело в машине, и все, что вытекло из крысы, не ушло в землю, а осталось внутри. Промокло сиденье, коврик под ногами хлюпал, и на руле подсыхали брызги... Даже на дверце. Учитывая, что ему пришлось пересестись на водительское сиденье, сейчас он должен запаниковать и в страхе сжечь свою одежду.

При мысли о панике он довольно рассмеялся. Спасибо любимой мамочке, которая с детства воспитывала в нем хладнокровие – благодаря ему он смог позволить себе то, что позволил.

Главное – помнить, что большинство людей – тупые ненаблюдательные скоты. Сами по себе они ни за что не обратят на вас внимания, если только вы не сделаете нечто, чтобы их привлечь. Многие преступники выдавали себя неосознанно, не понимая, что неправильная походка значит для окружающих куда больше, чем зверское выражение лица или руки, испачканные кровью. Умение двигаться, не выделяясь, не бросаясь в глаза – азы профессии шпионов и крысоловов.

Он умел. Обязательная легкая сутулость, деловитая торопливость – идти нужно так, как идет утром служащий на работу: не опаздывая, но и не прогулочным шагом. Никаких рук в карманах, это наводит на мысли о враждебности. Никаких взглядов исподлобья на окружающих. Ровный темп, чуть наклоненный вниз подбородок, и если добавить нейтральную темную, но не черную одежду, то можно раствориться в любой местности, где есть люди, кроме вас.

Когда на автозаправке он увидел ту, вторую, подходящую к машине, ладони у него вспотели от предчувствия. Поначалу он думал, что убьет обеих, и даже знал, как именно это сделает. Но ему хватило одного взгляда на нее, чтобы изменить решение.

Перерезав горло стриженной и вырубив ее подругу, он вытащил мертвое тело из машины и бросил возле дороги, не дав себе труда даже замаскировать его, а живое перетащил на заднее сиденье. Вернулся к трупам, поставил метку, как полагалось, и сорвал с шеи цепочку – очередной трофеей на память. Жаль, что не браслет, но не все они носят браслеты.

Начинало рассветать, и он заторопился. Сел в машину, не снимая перчаток, и, не спеша, поехал в сторону своего поселка. При мысли о том, какому риску он себя подвергает, его обжигало изнутри всплесками

удовольствия. Он наслаждался своей наглостью, удачливостью, способностью кинуть вызов всем, идущим за ним по следу – а у него не было сомнений в том, что после сегодняшних ночных приключений за ним спустят всех собак.

Доехав до дома, он вытащил женщину, по-прежнему лежавшую без сознания, и, не таясь, понес ее в дом. Пожалуй, он был бы не против, если бы вышел кто-нибудь из соседей и увидел, что он делает. Ему почти хотелось этого. Это был бы вызов, проверка его реакции и хладнокровия, которыми он так гордился! Но никто не вышел и не увидел: он беспрепятственно занес ее легкое тело внутрь и оставил в комнате. Подвал еще не был готов, требовалось кое-что доделать.

Перед тем, как отогнать машину, он все же переделался. Его прежняя одежда была в крови, и, небрежно швырнув темный ком на пол, он достал из шкафа помятые джинсы, натянул футболку и вышел в прихожую – там на ящиках с антоновкой валялся забытый им после сбора яблок тонкий свитер. Новая пара тонких перчаток – и двадцать минут спустя он уже заглушил «Хундай» в тихом переулочке между покосившимися домами, из которого видна была железнодорожная насыпь.

Остальное заняло у него не больше пяти минут: протереть поверхности, посмотреть, не осталось ли волос, достать из пакета, который он захватил с собой, новые кроссовки на липучках – шнурки он не любил, слишком много возни. Присев за машиной, переобуться, и старую пару, подошвы которой были покрыты темными пятнами, сунуть в пакет. Кажется, все. Вытащив с заднего сиденья гитару, он сунул ключи от машины в нагрудный карман, окинул взглядом стоящие рядом дома. Никого... Чем ты откровеннее действуешь, тем шире улыбается тебе фортуна.

Когда-то он услышал афоризм: «Удача – это игра: чем дольше ты играешь, тем больше выигрываешь, и чем больше выигрываешь, тем успешнее играешь». Каждая его охота только подтверждала это правило, и последняя – в особенности.

Он закинул гитару за спину, подхватил пакет со «сменкой», ухмыльнувшись этому школьному словечку, и *правильным* шагом направился в сторону шоссе, на ходу незаметно стаскивая перчатки. Одна крыса лежала, убитая, на обочине, и на загравке ее стоял знак Крысолова, другая ждала его дома, запертая в клетке. Следы подчищены, метка поставлена, трофей лежит в шкатулке. Идеальная охота.

Только один эпизод выбивался из общей картины. Когда он, обогнув станцию, шел мимо садов, в которых лаково краснели яблоки, навстречу

ему попался человек с собакой. Собачников Гитарист не опасался, но в такой ранний час при всех принятых им мерах маскировки его могли запомнить, поэтому он едва не нырнул в ближайшие заросли, чтобы избежать встречи. Остановило его здравое соображение: гуляющий обязательно пройдет по этой улице, и собака может учуять его, сидящего в кустах. А это в тысячу раз хуже, чем обычная встреча. Нечего и говорить о том, что прячущийся в кустах человек вызывает куда больший интерес, чем просто идущий по своим делам в четыре часа утра. Поэтому Гитарист бодрой походкой двинулся навстречу старику – отчего-то он был уверен, даже не разглядев толком хозяина собаки, что это окажется непременно старик, выгуливающий скорее свою бессонницу, чем пса.

Что-то удивило его, когда он всмотрелся внимательнее в идущего навстречу – какая-то странность походки, медленной и в то же время напряженной. Гуляющий шел с палкой, но не опирался на нее, а... Вдруг поняв, что делает хозяин собаки с палкой, Гитарист едва не рассмеялся. Перед ним был слепец, нащупывавший дорогу.

«Удача – это игра, – повторил он с глубочайшим удовлетворением, – чем дольше ты играешь, тем больше выигрываешь!» Из всех возможных свидетелей ему попался тот, кто никогда не смог бы его описать.

Подойдя ближе, он увидел: пожилой рыхлый человек с бельмами вместо глаз, небритый, но одетый, однако, вполне опрятно. Собака перед ним трусила на коротком поводке – довольно крупная дворняжка, лохматое внебрачное дитя какого-то породистого пса, белая с серыми подпалинами.

Гитарист замедлил шаг возле старика, изучая слепого с нескрываемым торжеством. Он даже улыбнулся и еле удержался от того, чтобы по-детски покрутить у него перед носом руками, как это делает фокусник, спрятав яйцо в рукав. Но потом покосился на собаку и решил не рисковать: лохматая псина выглядела флегматичной, но приняхивалась и косилась на него неодобрительно, как будто понимала, что он хочет всласть поиздеваться над ее слепым хозяином.

Старик повернул голову к Гитаристу в тот самый момент, когда тот представлял, какая жалкая растерянность отразится на лице слепца, если он, скажем, щелкнет его по носу или оторвет пуговицу с потертой вельветовой куртки. И *посмотрел* на него. Во всяком случае, так это выглядело: наклон востроупавшей головы, сведенные, словно в недоумении от увиденного, брови... Гитарист отшатнулся и на секунду вообразил, что старик каким-то невероятным образом может видеть своими бельмами! Но затем тот протянул к нему руку таким нащупывающим, таким очевидно *слепым* жестом, что страх сразу схлынул, уступив место облегчению и

насмешке. Гитарист шагнул в сторону, бросил взгляд на собаку, нетерпеливо натянувшую поводок, шутливо поклонился ее хозяину и быстро пошел к трассе.

Что-то смутно встревожило его в этом небольшом эпизоде, но, поразмыслив, он решил не придавать ему значения. Дома ждала добыча, которая занимала все его мысли.

Закончив предаваться приятным воспоминаниям, он встал и заглянул в дальнюю комнату, где на полу неподвижно лежала «крыса», подтянув ноги к животу. Она перевалилась на бок, хотя, выходя, он уткнул ее носом в ковер и прижал волосы с таким расчетом, чтобы она не могла двинуться. Но она все-таки сдвинулась. «Ах, изворотливая тварь», – с восхищением подумал он, перевалил ее снова на живот, силком приоткрыл ей один глаз – она лежала, зажмурившись, и ему это не понравилось, – и улыбнулся, когда крыса осмысленно взглянула на него.

– Еще немного, и я займусь тобой, – пообещал он и вышел.

Ему не терпелось вернуться к рукописи. Там были ответы на все вопросы.

* * *

«Ему отвели комнату над трактиром: шепнули пару слов трактирщику, и тот безропотно выдал ключ, метнув на бородатого пришельца с мешком за спиной ненавидящий взгляд. Комната оказалась низкой и покрытой копотью от сотен свечей, сгоревших в ней, но Крысолова это не смутило. Самое главное, здесь можно было остаться в одиночестве. И еще она была сухая, а то у него уже начало ломить кости от сырости, которой дышали стены ратуши.

Шест он поставил в угол, а мешок положил на кровать и первым делом, порывшись внутри, достал большую, в три ладони шириной, коробку, в крышке и стенах которой были пробиты дырки. Отомкнув замок и открыв плотно прилегающую крышку, изнутри обитую мягкой тканью, он постучал по стенке и наклонился над подсохшей травой, заполнявшей половину коробки.

Через пару мгновений из травы высунулась длинная черная морда, на конце которой шевелились и дрожали усы. Черный нос обнюхал воздух, и морда нырнула обратно в траву.

– Вылезай, – вполголоса позвал Крысолов. – Привал.

Он пошуршал пальцами в траве, и крыса выбралась из своего убежища, поднялась на задние лапки и осмотрелась, водя мордой из стороны в сторону. Постояв немного, крупный мускулистый зверь, шерсть которого отливала на брюхе темной зеленью, пискнул и поставил розовые пальцы на край коробки. Растопыренные уши, покрытые короткими волосками, были больше, чем у любой другой крысы, – из-за них зверек получил прозвище «Ушастый». Черные блестящие глазки, казалось, придиричиво изучают обстановку их временного жилища. Крысолов видел крыс и покрупнее – как-то раз в одном из подвалов ему попался самец размером с кролика, – но в этом чувствовались сила и мощь. Кроме того, он наблюдал его в бою и знал, на что тот способен.

Это был крысоволк. Он сам нашел его – точнее сказать, отобрал из добрых пяти десятков крыс, пойманных жителями села, где он тогда остановился. Крестьяне смотрели на него как на сумасшедшего, но поскольку он платил за каждую крысу-самца, то пять десятков голов набралось довольно быстро. Его единственным условием было здоровье животных: никаких ран, перебитых лап и обгрызенных хвостов. Поначалу ему попытались сбегать несколько крысиных полутрупов, вытащенных из кошачьих зубов или из мышеловок, но он спустил наглецов с крыльца и запустил им вслед окоченевающие тушки. После этого поток местных потянулся ровной струйкой: одна черная тварь за другой оказывалась в клетках и коробках, которые он уже не успевал запасать.

Первые четыре приготовленные им бочки пришлось забраковать: крысы выбирались из них по стенкам, хотя те казались совершенно ровными. Тогда он придумал промазать стены особым клеевым раствором и еще трое суток ждал, пока тот схватится и застынет. Зато потом у него получилась лучшая крысиная тюрьма, какую можно было придумать, – со стенами гладкими, словно лед.

Он сажал в нее крыс по две, иногда по три и ждал. Поначалу смотрел, но не ради удовольствия, а чтобы понять их повадки: чем лучше ты знаешь врага, тем больше у тебя шансов победить его. Правда, со временем он понял еще одну нехитрую истину: чем лучше ты знаешь врага, тем меньше он кажется тебе врагом.

Крысы начинали сражаться друг с другом – иногда сразу, иногда выжидали короткое время. Но неизменно дело заканчивалось схваткой, а затем и смертью одной из тварей. Он выкидывал убитую, если только победитель не успевал сожрать ее останки, и сбрасывал в бочку новую пару.

На своего победителя он и не подумал бы поставить – среди

пленников были твари больше и страшнее. Он изумлялся ярости, с которой они уничтожали друг друга, и всегда держался осторожно после того случая, когда одна из крыс, взбешенная дракой, внезапно подпрыгнула вверх, едва не выскочив из бочки, и лязгнула зубами возле его носа. Правда, когда она приземлилась, с ней быстро расправилась вторая, не столь прыгучая, но Крысолов сделал выводы на будущее. От этих существ, как и от женщин, можно было ожидать чего угодно. Если сто крыс не могли подпрыгнуть вверх на полтора метра, это не означало, что сто первая не сумеет сделать того же.

Однако прочие крысы умирали одна за другой, а этот зверь держался. Крысолов обратил внимание на то, что он был умен и хитер, а кроме того, изворотлив, как хорь. К концу отбора не было уже никаких сомнений в том, из кого именно получится крысоволк.

Забавно, что, когда-то услышав от старого крысолова о том, как из крысы, убившей всех своих соперников, получается настоящий охотник за ее родичами – куда до него собаке и кошке! – Крысолов не поверил ни на йоту. Решил, что это очередная несуразная байка. Или же старикашка развлекается, мороча голову молодому сопернику. Тот с кряхтением рассказывал, что у него был свой собственный крысоволк, с которым он избавил от прожорливых тварей не один хутор, но вот беда, крысиный век слишком недолог, а у него самого уже нет сил на то, чтобы вывести себе нового помощника.

Но чем больше Крысолов узнавал крыс, тем больше задумывался об этой выдумке. И в конце концов, когда у него появилось свободное время и достаточно монет, с которыми неохотно расстались жители одного села, он решил попробовать и посмотреть, что выйдет. В правдивость старика он поверил окончательно, стоило только ему увидеть, как последняя оставшаяся в живых крыса – та самая, изворотливая, – будучи посаженной в клетку с четырьмя другими, расправилась с ними в десять минут. Крысиный убийца действовал не хуже ядов.

К его удивлению, тот приручился довольно быстро, и вместо слуги Крысолов приобрел того, кого со временем стал считать другом. Он использовал Ушастого несколько раз в небольших деревнях, где было не много крыс: требовал, чтобы жители на день покинули дома, затем выпускал крысоволка, а сам принимался ждать. Первый раз Ушастый вернулся к вечеру, когда он уже решил было, что крыса исчезла навсегда. Второй раз справился быстрее. Правда, Крысолов был не уверен в том, что его соратник убивает всех встреченных крыс, и предполагал, что те лишь покидают на время свои норы, почуяв сильного и страшного врага. Это

означало, что спустя некоторое время они вернутся, и он старался запоминать те деревни, в которых они изгоняли тварей вместе с Ушастым. На будущее следовало обходить их стороной.

Крысолов посадил Ушастого на стол, где стоял поднос. Еду ему принесли самую простую, но сытную, и ее было много. Надо полагать, трактирщик скрипел зубами от злости, доставая из погреба бутылку рейнского вина и выкладывая на тарелку свиные ребра. «Ничего-ничего, без меня ты быстро остался бы без всех своих припасов», – мысленно утешил трактирщика Крысолов, вонзая зубы в сочное мясо.

Он припомнил разговор, состоявшийся в ратуше. «Независимо от любых обстоятельств, которые могут помешать тебе». Обстоятельства... Что же это за обстоятельства такие, которые могут ему помешать изгонять крыс? Что вообще происходит в славном городе Хамельне?

В дверь постучали, и он живо выхватил нож из-за голенища. Затем бесшумно, ступая на носках, подошел к тяжелой двери и прислушался.

– Добрый господин! – послышался голос, который был ему знаком. – Добрый господин, впусти меня!

Крысолов отодвинул засов, и в комнату бочком протиснулся давешний старик, тот самый нищий, который сопровождал его при входе в город. Пахло от него, как, поморщившись, отметил Крысолов, ничуть не лучше, чем прежде.

Быстрее, чем он успел заслонить спиной Ушастого, старик окинул взглядом стол, поднос с едой, увидел жующую крысу и метнул быстрый хитрый взгляд на Крысолова:

– Твой дружок, а?

– Что тебе нужно? – сухо спросил Крысолов, недовольный тем, что зверька заметили.

– Вопрос не в том, что нужно мне, любезный господин, – проскрипел нищий. – Я человек простой, мне лишь бы брюхо набить да припрятать золотую монетку на черный день... Вопрос в том, что нужно тебе!

– Золотую монетку? У тебя губа не дура!

– Да и язык не дубье, – хвастливо подхватил старик, глядя на него снизу вверх слезящимися глазами. – Я же прав, а? Никто здесь не станет разговаривать с тобой. А я могу ответить на все твои вопросы, добрый господин!

– Ты, значит, не боишься, что тебя покарает небо за помощь нечистой силе? – усмехнулся Крысолов.

– С небом я уж как-нибудь договорюсь! Поверь мне, если я

договаривался со своей покойной женой – чтоб ей тихо лежалось и не ворочалось в ее гробу, – то ни черт, ни дьявол, ни святой Мунк мне не страшны.

Старик подмигнул, и физиономия его перекосилась. Крысолов только головой покачал. Впрочем, возможно, именно такого пройдохи ему и не хватало.

Он жестом указал на сундук, стоявший у стены, и старик послушно сел на него. Подумав, Крысолов высунул голову в дверь и зычно потребовал принести еще одну порцию жратвы. Поднос с едой появился быстро, и он бросил монету трактирщице, желая быть справедливым. Но глупая жирная баба, как только тусклый кругляш покотился к ее ногам, завизжала, словно это был крысиный хвост, и бросилась бежать вниз по лестнице, топоча деревянными башмаками. Крысолов пожал плечами, поднял монету и вернулся в комнату.

Старик жадно умял еду и теперь сидел, блаженно зажмурившись, пока Крысолов не спеша доедал мясо. Он посматривал на нищего, пытаясь оценить, что за человек перед ним. Обноски, запах... Но говорит не так, как простолюдин, а грамотно. Крысолов пригляделся внимательнее и тут заметил, что кое-что изменилось в облике нищего. «Занятно, занятно...»

– В вашем городе прекрасные лекари, – заметил он, жуя. – Они могли бы зарабатывать огромные деньги своим искусством.

Старик открыл глаза и вопросительно уставился на него.

– Еще утром ты был весь в язвах, а теперь чудесным образом излечился, – пояснил свою мысль Крысолов, указывая пальцем на кожу нищего, на которой не было больше ни отвратительных струпуев, ни ран. – Не удивительно ли это? Вряд ли ты смог заплатить за лечение много денег, ведь ты небогат. Значит, любой может последовать твоему примеру и стать здоровым! А если божественный дар целителя коснулся лишь тебя, похоже, мы лицезреем истинное чудо, долженствующее укрепить в вере всех сомневающихся. Так, может, о твоём исцелении следует рассказать святым отцам Хамельна, чтобы они приняли меры?

Он постарался, чтобы последние слова не прозвучали угрожающе, но старик все равно дернулся и вжался в стену. Самоуверенность в один миг слетела с него, как шелуха с луковицы. Испуганные глазки обежали комнату и остановились на двери, но для того, чтобы добежать до нее, ему нужно было проскочить мимо сидящего на стуле хозяина комнаты.

– Успокойся, – мирно сказал Крысолов, обгладывая последнюю кость. – Если ты не хочешь, чтобы об этом стало известно, я никому не скажу.

Он отодвинул поднос, погладил Ушастого, забравшегося к нему в рукав, и подвинул стул ближе к старику:

– А теперь вспоминай, когда в Хамельне появилась черная напасть и что случилось потом.

Слушая рассказ нищего, он становился все мрачнее и мрачнее. Да, все началось так, как должно было начаться. В прошлом месяце епископ прослышал о том, что в соседнем городе прошел суд над тремя свиньями, осмелившимися хрюкнуть в присутствии священнослужителя и тем самым выразить неуважение к Церкви. Животных, в которых вселились бесы, живьем закопали в землю, а их хозяина хотели повесить, но в конце концов тот сумел откупиться, и дело закончилось поркой.

– После этого в Хамельне были пойманы два кота, пытавшихся перегрызть веревку главного колокола в соборе. Возможно, и не пытавшихся, а лишь пробежавших мимо, но разве это важно? Наш епископ, прекрасный человек, да продлит господь его лета, – говорил старик, морща нос так, что вздергивалась верхняя губа, – решил, что проявлял пагубное мягкосердечие по отношению к тем, кто носит в себе нечистого, и объявил на всю округу, что отныне будет тверд в борьбе. Животные хотели посрамить служителей собора, а ты понимаешь, добрый господин, где оскорбление одного служителя, там и оскорбление всей церкви, и господя бога нашего. – Он торопливо перекрестился. – Да спасут нас заступники!

Крысолов мрачно кивал, уже поняв, что последует дальше, и оказался прав.

Нечестивые животные по решению Церкви должны были быть уничтожены. Приговор вынесли не очень суровый, как сказал старик. Черных и дымчатых предписывалось ошпарить и разрубить на части, а прочих сварить живьем. Епископ произнес проповедь, в которой напомнил, что собаки упомянуты в Библии восемнадцать раз, а кошки – ни единого раза! Что еще могло быть лучшим доказательством дьявольского происхождения этих созданий? Их нечестивое поведение говорит само за себя, но до поры до времени кошки ухитрялись вводить в заблуждение добрых жителей Хамельна. Теперь же, после того, как они были пойманы за попыткой перегрызть веревку колокола, все заблуждения развеялись окончательно.

С черными справились быстро, поскольку их было мало, а с дымчатыми пришлось повозиться. Крысолов знал, что из всех кошек лучшие ловцы и душителы крыс – именно дымчатые: они умны, проворны, сообразительны и бесстрашны. В городе жило много дымчатых хвостатых, и хозяева тащили их к котлам на главной площади собора в корзинах или на

веревках.

Не все последовали призыву епископа, сказал старик, понизив голос. Нашлись и такие, кто дал котам уйти. Но прочие, коих оказалось большинство, вняли его словам, и вскоре с котами было покончено. В землю перед домами их хозяева зарывали кошачьи хвосты, чтобы уберечь свое жилище от напастей и мора. Кошачий хвост, говорят, очень в этом помогает.

– А что ты сделал со своим? – не удержался от вопроса Крысолов. – Не хвостом, а котом?

Старик поколебался, но все же ответил, сдерживая ухмылку:

– Удивительно, добрый господин, но этот старый одноглазый зверь, такой же больной, как и я, сбежал из нашей развалюхи в лес, едва только соседи начали доносить друг на друга. Не иначе, бес, сидевший в нем, подсказал ему, что нужно делать.

Крысолов одобрительно кивнул.

– И что же было потом?

Спустя весьма короткое время после первой проповеди епископ произнес вторую, где возносил хвалу богонравной прыти жителей Хамельна. Ни одной кошки нельзя было теперь найти во всем городе. Их останки выкинули к берегу Везера.

Крысы пришли именно оттуда. Черная волна прокатилась по дороге, словно отделившийся от реки рукав, рассыпалась перед городом и бросилась под его стены. Крысы атаковали Хамельн как заправская армия, и жители потерпели поражение. Враг вошел в город.

Было сделано все, что положено: Крысиного Короля вызвали на суд, но тот не явился в назначенное время, и потому заседание прошло без него. Крыс приговорили к изгнанию из Хамельна и зачитали вердикт судьи на площади возле собора и на мосту у главных ворот. Горожане побогаче поспешно заказывали сундуки, обитые железом, а те, кто победнее, затыкали щели в погребках. Обьедки, которыми были завалены улицы, убирали с утра до вечера по распоряжению бургомистра, хотя епископ противился, поскольку такое поведение свидетельствовало о неверии в силу церковной власти.

Но черные зверьки все-таки просочились в подвалы, осели в домах, разбежались по лавкам и трактирам. Ни одна кошка не могла помешать им в этом – кошек не осталось в Хамельне. Но самое главное и постыдное для города и властей заключалось в том, что крысы...

– ...заняли собор! – шепотом сообщил старик и, не сдержавшись, хихикнул.

Крысолов воззрился на него в немом изумлении. Да, заняли собор, подтвердил нищий, ухмыляясь. Те, кто строил его много лет назад, заложили два подземных зала – сводчатых, красивых. В одном из них хранились манускрипты, перевезенные в Хамельн из старого монастыря, стоявшего в двух днях пути выше по Везеру, многие из которых – большой ценности. А из второго епископ распорядился устроить хранилище.

– Хранилище? – недоверчиво переспросил Крысолов.

Старик подтвердил, что именно так. Епископ любит вкусно поесть, и нижний зал постоянно пополнялся вяленным мясом, рыбой, закопченной особым способом, так что она могла храниться месяцами, лучшим зерном, которое молотили на окрестных мельницах... А еще – хлебами, винами, колбасами и прочими яствами, о которых жители только перешептывались между собой. Дом епископа стоит по соседству с собором, но, видно, своего подвала ему не хватало.

– Да и то сказать: наш епископ – человек видный, большой... Как взглянешь на него, так сразу ясно, что есть ему нужно куда больше, чем несчастному побирушке вроде меня.

Уничтожив те припасы, до которых смогли добраться, крысы со всего города стали стекаться к ратуше и собору. Остановить их было невозможно, и они пробрались в нижние залы, где и оставались по сей день.

– Поговаривают, там теперь крысиное гнездо! Крысы живут под собором, там же плодятся, а по ночам выбираются наверх и устраивают пирушки под алтарем и на звоннице. И никто не может их остановить. Запускали в подвал хорей, но крысы сожрали их быстрее, чем ты свой обед. Псам тоже не под силу справиться с ними. А вскорости ожидается приезд посланника от кельнского архиепископа, который должен забрать несколько рукописей из тех, что были присланы монастырем, и отвезти их в Кельн. Представь, мой господин, какие новости из Хамельна привезет посланник вместо рукописей?

– Для нищего ты слишком хорошо осведомлен, – задумчиво протянул Крысолов, рассматривая старика.

– То, что я рассказываю, известно всему городу, – возразил тот. – Никто не делал секрета из безобидной прихоти нашего епископа. Кое-кто даже поговаривает, не боясь, что его лживый язык почернеет и отсохнет, будто крысы посланы в наказание за дела епископа и бургомистра.

– Чем провинился глава Хамельна?

Старик неприятно ухмыльнулся.

– Конечно, это только сплетни, добрый господин... Слухи, которые и повторять-то неудобно!

- А ты повтори.
- Вряд ли в этом есть хоть слово правды...
- Да говори же!

– Наш бургомистр – словно отец всем жителям. Особенно сильны его отцовские чувства к маленьким девочкам с нежными личиками. Но ведь они и впрямь прелестны, и кто может обвинить мужчину, если он уделяет им больше внимания, чем своей жене?

Крысолов поразмыслил над этим, но решил, что слухи о склонностях бургомистра для него бесполезны, и вернулся к делу.

– Как давно крысы сидят в подвале?

– Несколько дней, мой добрый господин. И с каждым днем становятся все наглее. Правда, выбирают лишь поодиночке, но по ночам люди опасаются выйти из дома, памятуя об их свирепом нраве.

– А днем?

Ему показалось, что старик помедлил, прежде чем дать ответ.

– Днем в Хамельне по-прежнему спокойно, – признал он наконец. – Твари нападают только с наступлением темноты.

– Отчего же так? Кто-нибудь объяснил это? Ведь всем известно, что когда крыса сходит с ума и теряет страх перед человеком, свойственный ей, то она не различает ни дня, ни ночи, ни взрослого, ни ребенка, а только насыщает свое брюхо и приносит приплод где попало.

– Наш епископ утверждает, что так проявляется их дьявольская сущность. Дьявол не выносит света, и твари за ним следом.

– Значит, дьявол вывел для Хамельна особую породу, – хмыкнул Крысолов. – А что говорят другие? Бургомистр? Советники?

Нищий помолчал, шамкая губами, затем подался ближе к собеседнику:

– Никто не знает! Но крысы и правда почти не появляются днем, а если выходят, то по одной, и с ними легко справиться. Никто никогда не слышал о таком. Впору согласиться с нашим епископом, хотя признаюсь тебе, добрый господин: мой кот – и тот имеет в голове больше, чем его святейшество.

– А что ты знаешь о черной смерти? Сказанное тобою – правда?

– Прости, добрый господин, я всего лишь пошутил, – потупился старик с притворно виноватым видом. – Что греха таить, люблю иногда сболтнуть пустое.

Крысолов кивнул и отодвинулся, обдумывая услышанное. Что ж, хоть страшный мор не ходит поблизости...

– Кто был в городе до меня? – спросил он, не ожидая в ответ ничего интересного.

И оказался прав. В Хамельне появлялись несколько мошенников, первым из них поверили, хотя отделались небольшими деньгами, а следующих стали проверять. Ни один из них, несмотря на свои пышные грамоты, не смог истребить крыс даже на одной улице, не говоря о соборе.

Крысолов поразмыслил еще, отгоняя вопрос, который вертелся у него на языке, и даже прикусил кончик языка – не больно, но ощутимо. Это помогло: он проглотил то, что хотел спросить, и, вынув из кармана золотую монету, бросил ее старику. Но когда тот доковылял до двери и уже отодвинул засов, окликнул его, не в силах справиться с любопытством:

– Послушай! Сегодня в ратуше я видел женщину. Рыжую...

– А-а, Лизетту! – перебил его старик. – Она частенько там появляется. Жена нашего бургомистра, чтоб его годы продлились на столько лет, сколько раз он покрывает за ночь свою кобылку.

Он похабно хихикнул и скрылся за дверью.

После его ухода Крысолов пытался обдумать то, что поведал нищий, но из головы не выходил образ женщины с обнаженными руками – женщины, сперва прячущейся от него, а затем крадущейся следом, словно охотник. «Лизетта!» Его передернуло от отвращения. Он замер, положив руки на грубый стол, сцепив пальцы в кулак и не обращая внимания на крысу, которая, попискивая, пыталась забраться ему на плечо.

В глазах Лизетты играла насмешка, а в выражении простоватого личика он прочел высокомерие. Пария, отверженный, которого презирали и боялись, но без которого не могли обойтись, – вот кем он был для жителей каждого места, где появлялся со своим шестом, дудкой и мешком за спиной. К этому он привык. Но не мог привыкнуть к мысли о том, что он – как чучело пятнадцатоголовой крысы, что привязано к верхушке шеста, вызывает жадное любопытство, смешанное с отвращением. В женщинах он ощущал это особенно остро. Они унижали его своими взглядами, под которыми он начинал чувствовать себя обнаженным.

И нелепым. Смехотворно нелепым, жалким, убогим мальчишкой, что глазеет на изобильные груди встречных красоток, а потом, спрятавшись в укромном углу, впадает в постыдный грех рукоблудия, предаваясь еще более постыдным мечтаниям. Как в те годы, когда он и впрямь был мальчишкой, хоть и не особенно глазеющим на то, что предлагалось для оценивания куда более искушенным взглядам.

Нет, он не был ни нахальным, ни развязным – тринадцатилетний сын аптекаря, густо краснеющий, стоило встречной служанке подмигнуть ему или игриво повести плечом. На том постоялом дворе, где они остановились

в ожидании приезда отцовского приятеля, эти служанки были все как на подбор: рослые, крепкие, как капустные кочерыжки, и все до одной кривоzubые. Они оказались первыми женщинами, которых он увидел вблизи и которые обращали на него внимание. До этого небольшого путешествия их жизнь с отцом была близка к монастырской, и дочерям Евы в ней не было места. После смерти матери его и без того замкнутый отец стал совершенным нелюдимом, вступая в беседы с другими людьми лишь по необходимости – в своей лавке. Но к ним домой никто не допускался.

Поэтому их бесстыдство и развязность поразили его. Служанки бранились в голос, рассказывали откровенно непристойные истории, а заметив, что мальчик стесняется их, изобрели новую забаву: громко пукали по очереди, вздымая юбки, словно поднятые воздушной струей. Смеялись все, кроме мальчика, – у него их веселье вызывало отвращение. Он старался не смотреть на девиц, потому что они делали неприличные жесты, которые не пристало делать женщине, какое бы положение она ни занимала, но они чувствовали его смущение и нарочно выводили его из себя. В конце концов он шаг боялся ступить из тесной комнаты, в которой они с отцом коротали время.

Единственным, кто не глумился над ним, была жена хозяина постоялого двора. Иногда она ласково поглядывала на него и трепала по волосам, когда ее мужа не было поблизости, но чаще просто улыбалась мальчику, и это простое внимание давало ему силы терпеть насмешки служанок и дальше.

На четвертый день отец ушел по делам, оставив его одного. Сперва он лежал в комнатке, но затем бессмысленное пустое ожидание истомило его: он поднялся и вышел, испытывая облегчение от того, что больше не будет сидеть в клетушке.

Стоило ему показаться во дворе, как из конюшни его окликнули: он обернулся и увидел в дверях самую старшую из служанок, Розину, дразнившую его с утра до вечера с каким-то торжествующим злорадством и мстительностью, хотя за что ей было мстить тринадцатилетнему мальчишке? Но она щипала его, подстерегая на лестнице, отпускала вслед такие шуточки, что ему хотелось заткнуть уши, а потом вымести метлой из головы ее похабщину. У нее был большой пухлый рот, и в первый же день он случайно подслушал, как другие служанки за глаза обсуждают Розину и хозяина постоялого двора, упоминая и ее рот, и прочие достоинства, что прельстили старого толстяка.

– Э-э, малыш! А ну помоги!

Розина поманила его и исчезла внутри. Поколебавшись, он все же

зашел в конюшню, окунувшись в запах сена и конского навоза, и прищурился – здесь было темно.

– Эй!

Ему не ответили. Смутно подозревая новую потеху, придуманную девицами для развлечения, он опасливо прошел несколько шагов, слушая перебор копыт и тяжелое дыхание потревоженных лошадей.

– Э-э, Розина!

И вдруг она навалилась на него сзади – потная, крепкая, толстоногая, и повалила на копну сена, лежащего в углу. Сперва он даже не понял, чего она хочет от него. Схватив его ладонь и запустив ее себе под юбку, она застонала, а он, ткнувшись во что-то влажное, липкое, с отвращением отдернул руку и попытался выбраться из-под служанки.

– Ну что ты... Давай же... Не бойся!

Видя, что он лежит неподвижно, она с ловкостью поварихи, разделяющей гуся, принялась сдирать с него одежду. Поначалу он застыл, ошеломленный ее напором, но затем, когда Розина стала стаскивать его штаны, попытался отбиваться.

– Чего развалился-то, а? – пыхтела она, нависая над ним. – Давай, мальчуган!

Но служанка не вызывала в нем ни малейшего желания – только испуг и стыд. Сейчас, навалившись на него сверху, она казалась огромной и очень толстой. От нее несло кухней и лошадиным навозом, а когда она подняла руки, из курчавых подмышек пахнуло чем-то подкисшим с такой силой, что он сморщился и замотал головой.

Розина заметила это, и на лице ее промелькнула злоба.

– Ты че это мотаешь-то башкой, как телок? – грубо спросила она, остановившись. – Другим мотать надо! А ну покажь, где у тебя другое.

Служанка бесцеремонно залезла к нему в штаны, и то, что она обнаружила там, заставило ее презрительно скривиться:

– Ба, да от тебя никакого толку! Ты хуже хозяйского мерина! Побрезговал, значит, Розиной, а сам ничего и не можешь, лекарский выродок!

Он вскочил, выдернул из-под нее рубашку и дрожащими руками затянул веревку на штанах.

– А у папаши твоего тоже в штанах не густо, правда? Странно, как он тебя заделал твоей мамаше! К сучку пришлось привязывать, не иначе!

Переход от похоти к гневу произошел стремительно, и теперь от нее исходило бешенство, которое заставило его попятиться. А Розина продолжала оскорблять его, выкрикивая все новые и новые пакости,

которые словно оплевывали его отца, и покойную мать, и его самого. Привстав в сене, с выпученными глазами, задранными юбками, она была до того уродлива, что мальчику захотелось зажмуриться.

Он повернулся к ней спиной и пошел прочь, стараясь не перейти на бег. Это было ошибкой: поискав вокруг себя рукой, Розина схватила брошенное ведро и запустила его изо всей силы, метя в мальчишку. Он успел увернуться лишь потому, что услышал звяканье ручки, и ведро врезалось в стену конюшни.

После этого он припустил прочь, уже не думая о том, что могут подумать встреченные люди. Дрожащий, красный, он взлетел по лестнице вверх и со всех ног бросился к своей комнате. Но тут ближняя дверь распахнулась, и наружу выглянула жена хозяина, с изумлением глядя на перепуганного постояльца. Он еще ускорил шаг, не желая объясняться, но по его лицу женщина поняла, что он не в себе, и схватила паренька за руку, заставив остановиться.

– Что случилось, мой мальчик? – спросила она, чуть коверкая слова так, как это делают уроженцы юга. – Бог мой, да ты весь дрожишь! Зайди ко мне... зайди сюда...

Ему почудилась странная торопливость в ее движениях, когда она закрыла за ним дверь, но, будучи во власти смутения, он не придал этому значения.

– Так что с тобой случилось, малыш?

Она нежно провела рукой по его щеке.

– Розина... – выдавил он. – Она...

Краска бросилась мальчику в лицо, и он отвел взгляд. Женщина, стоящая перед ним, восхитилась:

– Ах ты мой целомудренный ангелочек! Такой беленький, такой чистенький... Совсем еще неискушенный малютка. Конечно, грубая Розина напугала нашего бедняжку! Ах, эти деревенские девки, они все делают не так. А ты знаешь, мальчик мой, что нужно сделать, чтобы тебе понравилось?

Он помотал головой, плохо понимая, о чем она говорит. Его жгло воспоминание о жестоком смехе за его спиной, когда он убегал из конюшни, и тех нескольких словах, что выкрикнула в ярости Розина. Жена хозяина погладила его по плечу, затем рука ее скользнула ниже, еще ниже, потом ловкие пальцы распустили веревку, держащую штаны, и прежде чем он успел опомниться, она проделала с ним то же, что и служанка.

– И точно, неискушенный, – проворковала женщина, наклоняясь к нему и обдавая своим дыханием. – Ничего, я научу тебя...

Он закусил губу, оттолкнул ее и выскочил из комнаты, придерживая штаны руками. Добежал до своей, налетев по дороге на хозяина, удивленно посмотревшего ему вслед, и упал на кровать, содрогаясь от слез. То, что сделала Розина, было отвратительно – но то, что сделала эта, вторая, было в двадцать раз хуже. Она предала его! Она казалась ему такой хорошей, такой заботливой, доброй... Все это было ложью!

Он ощущал, что теперь она стала его врагом, и она не простит ему побега. Святой Петр, зачем они этим занимаются? Почему они хотят, чтобы и он занимался этим с ними, как будто вокруг мало мужчин?

Будь мальчик постарше или воспитывайся он в других обстоятельствах, его бы не мучили эти вопросы. Но рано оставшийся без матери в одиноком доме с ушедшим в себя отцом, не нашедший ни друзей, ни врагов, поскольку ему негде было их искать, выросший в удивительном для мальчишки его лет целомудрии, он жестоко страдал. Ему хотелось поскорее забыть все, что случилось, и он надеялся, что завтра впечатления этого дня рассеются.

Но он ошибался. Следующие три дня превратились в непрерывную травлю, в которой приняли участие все женщины постоялого двора, объединившись в настоящую стаю. Сперва испуганный, затем униженный, мальчик в конце концов уехал оттуда, увозя в сердце ожесточение и ненависть. И еще страх. Страх, который преследовал его всю последующую жизнь – страх перед могуществом и властью женщин, перед их жестокими насмешками, перед их укусами, которые были сильнее и болезненнее, чем укусы любой крысы.

Крысолов заставил себя вернуть воспоминания туда, где они лежали, словно затхлая рухлядь в рассыпающемся сундуке, а сам обратился мыслями к предстоящему делу. Ну что же, он позволил городу познакомиться с собой. Теперь предстоит самому познакомиться с городом.

Сперва он снял цветное платье, аккуратно свернул его и спрятал в мешок. Затем крикнул трактирщика и потребовал начищенное медное или серебряное блюдо и теплой воды.

Конечно, серебряного не нашлось – откуда в этом трактире взяться серебру? Плешивый хозяин принес медное блюдо, кувшин с водой и протянул постояльцу, избегая смотреть на него.

– Верну тебе все, кроме воды, – пообещал Крысолов и закрыл дверь перед его носом.

Наверняка тот решил, что теперь на его блюдо наведут крысиную порчу, а то и что-нибудь еще похуже. Но утварь нужна была Крысолову

совсем для другого.

Сев перед окном, он поставил блюдо наклонно перед собой, рассмотрел свое отражение в нем и принялся сбривать бороду. Ключки спутавшихся волос падали вниз под взмахами ножа, и любопытный Ушастый обнюхивал их, а потом толкал лапами перед собой, словно клубки перекати-поля. Зверек развлекался до тех пор, пока Крысолов, подняв его под брюшко, не сунул охотника в коробку.

– Это ненадолго, – пообещал он, опуская крышку над крысой, укоризненно смотревшей на него. Ему самому жаль было запирать Ушастого в его временной тюрьме, но иначе поступить было нельзя: с местных жителей могло стать разорвать чужака, бродящего по улицам их города с крысой на плече.

Рубаха, простецкие штаны, выбритое лицо – теперь он ничем не привлекал к себе внимания. Разве что кожа под сбритой бородой была белой, но он сильно потерял ее и ощутил, как она загорелась и покраснела под его шершавыми ладонями. Прежде чем уйти, он спрятал коробку с Ушастым в мешок, хотя подобная мера предосторожности была излишней: ни хозяин, ни его глупая жирная жена, ни служанка, что бегала вверх-вниз по деревянной лестнице, не осмелились бы зайти в его комнату. Он словно был разносчиком заразы, что оставалась и на его вещах, и в том месте, где он побывал.

Подумав про заразу, Крысолов вспомнил слова нищего о черной смерти и похвалил себя за то, что не забыл расспросить его об этом. Правда, что-то подсказывало ему, что он еще увидит старого побирושку, клянчащего подавание и пугающего народ фальшивыми язвами.

Из трактира ему удалось выйти незамеченным, не прилагая к тому особых стараний, и он побрел по узким извилистым улицам, незаметно осматривая город взглядом охотника. Каменные дома, слипшиеся друг с другом... Он знал, какие мешки подвалов скрываются под ними. Под его ногами от утоптанной сухой земли поднималась пыль – мощеной была лишь та дорога, что вела от главных ворот к площади собора. Стоило отдать должное жителям Хамельна – такого чистого города он никогда не видел. Крысолов побывал во многих городах, и везде царили грязь, зловоние и нечистоты – оттого он предпочитал деревни и хутора.

В мечтах ему иногда виделось, что он оставляет те места, где бродил последние годы, истребляя крыс, и уходит по дороге на юг. Что ждет его там, на юге, он не знал, но с усмешкой над самим собой думал, что это неплохой конец истории: «И ушел по дороге на юг...» Иногда ему становилось скучно, и он принимался рассказывать Ушастому одну

выдумку за другой: о том, как они встретят Крысиного Короля и уйдут от него с мешком золота, и о том, как найдут клад в лесу, и прочие сказки... Каждая из них заканчивалась словами «И ушел по дороге, которая вела на юг».

Несмотря на удивительную чистоту, улицы города были темны и безрадостны. Вторые ярусы построек выдавались далеко вперед над нижними – так далеко, что порой два дома, стоящие один напротив другого, сталкивались окнами и стенами, будто борцы, тщетно пытающиеся одолеть друг друга. Солнечные лучи не могли проникнуть вниз, и свет не попадал туда, где шел Крысолов, будто он двигался по подземелью. Лишь на площадях дома расползались в разные стороны, неохотно раздвигались, освобождая место церкви, рынку либо сторожевой башне. Но стоило чуть углубиться в лабиринт домов, как они снова угрожающе нависали сверху, закрывая небо.

Он по-прежнему не видел в городе признаков бедствия. Кое-где нога его ступала на дощатый настил, но и под досками не пищали крысы, не мелькали темные шкурки, не пахло тем особенным запахом, который они всегда приносили с собой, когда их было много. «Почему же они не появляются днем? Почему??»

Он кружил по городу, искаживал одни и те же улицы, возвращался туда, где уже был, – и запоминал, запоминал, запоминал. Хамельн отпечатывался в его памяти, и, закрыв глаза, он уже видел его мысленно почти целиком – изъеденный ходами улиц каменный муравейник.

Наконец он вышел на главную площадь и остановился неподалеку от собора. Возле него стояла статуя, которую он сперва не заметил, – каменный воин, опирающийся на меч. «Не очень-то вышло у тебя защитить свой город. Поглядим, что сможет сделать бедный крысолов...» Он обошел собор вокруг, внимательно рассматривая кладку и время от времени наклоняясь низко к земле, поднялся по выщербленным ступеням, края которых блестели в лучах солнца, будто натертые маслом, и зашел внутрь.

Прохладная громада церкви накрыла его, будто распахнутыми крыльями, и, замерев перед колоссальным пространством, не уступавшим по размерам площади, что осталась снаружи, он широко раскрыл глаза, глядя туда, где далеко в глубине собора мерцали огоньки свечей.

Но не благоговение и не восторг овладели им. Он почувствовал крыс.

Да, теперь он почувствовал крыс! Под его ногами, в глубине камня, что-то происходило – какое-то дрожание, шевеление, и хотя сюда не доносилось ни единого звука, казалось, приинкни ухом к мозаичному полу – и услышишь рев, подобный реву свергающейся со скалы реки. Он

представил, сколько же провизии должно быть внизу, чтобы кормить такую ораву в течение нескольких дней, и с глухой злобой подумал, что епископ сделал все, чтобы крысы как можно дольше не покинули Хамельн. Пожалуй, они могут не соблазниться его приманками с ядами, отъевшись на жирном мясе и отборной рыбе...

Но если не яды, то что же?»

Глава 7

«Четыре человека... четыре человека... – В голове у Бабкина уже битых пятнадцать минут вертелись эти два слова да скороговорка: – «Четыре черненьких чумазеньких чертенка чертили черными чернилами чертеж». Тьфу».

Он устал. Допрос клиентов Перигорского Сергей закончил полчаса назад и теперь сводил в одну таблицу показания, сверяя их друг с другом по времени. Пока расхождений не было. Положение несколько облегчало то, что один из клиентов, ресторатор, в субботу ожидал важного звонка и потому носил с собой телефон, упакованный в водонепроницаемый чехол. Время от времени он доставал его и просматривал сообщения, заодно машинально отмечая время. По этим точкам и можно было хотя бы примерно попытаться установить, кто из подозреваемых где находился в момент убийства.

Но это ничего не давало, как и утверждали оперативники. Фактически, подумал Бабкин, он сделал бесполезную работу, потому что прошел тем же путем, которым проходили они. И с теми же результатами. Все эти данные имелись у них еще накануне, и можно было не тратить столько времени и сил на то, чтобы выяснить уже ясное.

Бабкин отпил остывший кофе из маленькой чашки, которую неудобно было держать в руке, да и напиток в ней хватало всего на пару глотков, но звать кого-нибудь, чтобы ему приготовили новую порцию, казалось неловко. Он всегда стеснялся в таких случаях и чувствовал себя нелепо, хотя никто, глядя на него, не догадался бы об этом. Конечно, можно было отправиться на поиски кофе самостоятельно – наверняка где-нибудь неподалеку обнаружился бы подходящий агрегат, – и Бабкин уже почти решился сделать это, но затем вспомнил двух наяд, у одной из которых Макар вытащил бутылку с водой, и передумал.

Перед беседой с клиентами он еще раз внимательно просмотрел их досье и предположил, что ожидает его в каждом случае. Актер станет истерить, Коцба замкнется, чиновник будет цедить слова сквозь зубы, а грузин сыграет роль рубахи-парня. Однако вышло не совсем так.

Аслан Коцба – первый, с кем встретился Бабкин, – шутил и вел себя непринужденно, как будто не сидел вторые сутки в «Артемиде» из-за смерти женщины, регулярно исполнявшей его прихоти.

– Я к ней заходил, да... Нет, не заплывал – шел через дверь. А плавали

мы с Ваном наперегонки, вверх-вниз, вверх-вниз! Он у нас горячий южный человек, проигрывать не любит, так что три раза сплавали, пока он не убедился, что точно проиграл.

Аслан удовлетворенно улыбался, щурил черные глаза.

– Что? Ну зачем глупости спрашиваешь! Конечно, жалко. Мика красивая была, интересная... Как пришел, так и заходил к ней, но ненадолго. Нет, время тебе не скажу, я здесь за стрелками не смотрю.

Вано Даташвили, «горячий южный человек», глядел не на Бабкина, а на узкую прорезь окна за его спиной, слова бросал нехотя по одному, словно они стоили ему денег, и время от времени вздрагивал широкими ноздрями. Невысокий, с красивой седеющей головой, Вану весь разговор просидел неподвижно, положив смуглые руки на подлокотники кресла.

Да, он был у Микаэлы. Да, один раз. Нет, недолго. Сколько это длилось, он не знает.

– Я что тебе, будильник, чтобы время засекаешь? Про время я все сказал твоим мальчикам, второй раз повторять не буду, у них спроси.

Властное значительное лицо, высокомерие грузинского князя, тяжелые набрякшие веки под черными глазами. «Артист, елы-палы!» – решил Бабкин, но если Даташвили и играл, поймать его на притворстве он не мог – ресторатор был естественен и органичен. Он в нескольких словах обрисовал их соревнование с Коцбой, но сразу замолчал, стоило Бабкину завести речь о других клиентах.

– Видел их. Что делали, у них спроси.

И больше ничего выжать из Вану Даташвили не удалось.

Чиновник по фамилии Сушков, оказавшийся точно таким же, как на фотографии – маленьким, круглоголовым и плешивым, – трясся, вскрикивал и то и дело начинал истерически скандалить, требуя немедленно соединить его с начальством Бабкина, но на предложение самому позвонить и поговорить с Игорем Васильевичем почему-то отвечал резким отказом. За пятнадцать минут Сергей Иванович до того вывел сыщика из себя, что в конце концов Бабкин повысил голос, о чем тут же пожалел.

– А вы на меня не кричите! – окрысился на него Сушков. – Вам тут не семнадцатый год, между прочим! Интеллигенцию всю задавили, теперь за нас принялись, да?!

– За вас – это за кого? – устало поинтересовался Сергей.

– За нас! За тех людей, которые правду готовы говорить, невзирая на лица! А такие, как вы, нас стреляете, душите, увольняете, гоните прочь отовсюду, чтобы мы вам глаза не мозолили... Развелось вас столько, что и

подумать страшно!

– Вы забыли добавить – «сатрапы».

– Что?

– Говорю, забыли добавить о сатрапах и душителях свобод. Чтоб уж для полноты картины.

Сушков замолчал, пожевал губами, прищурился – и вид у него вдруг стал совершенно благостный. Маленькие ручки, сложенные на коленях, бровки, скорбно сведенные вместе – о Сушкове хотелось говорить в уменьшительно-ласкательной форме и извиняться за беспочвенные подозрения. Но Бабкин справился с этим порывом.

– Когда вы приходили к Микаэлле? – спросил он. – Сколько примерно времени, по вашим ощущениям, прошло с тех пор, как вы появились в клубе?

– А не знаю я, сколько времени! Может, час, а может, и два. Спросите у той девки, которую я в лабиринте встретил!

– Какой девки?

– Ливи. Мы с Микаэлкой... – Он сделал паузу и продолжил: – Я у Мики посидел, кальян покурил, а затем ушел. Поднимаюсь наверх по лестнице, а навстречу Ливи бежит, блондиночка. Ничего такая, аппетитненькая.

– И что?

– А ничего, – равнодушным голосом ответил Сушков. – Ущипнул ее за ляжку и дальше пошел. И больше никого не видел. Только визг услышал, понял, что случилось что-то. А так я ни при чем, это вам и самому должно быть ясно.

Бабкину не было ясно, и он вцепился в Сергея Ивановича бульдожьей хваткой, заставляя того вспоминать, какое выражение лица было у встретившей его Рокуновой, что она сказала, как посмотрела... Когда он в четвертый раз зашел с другой стороны, чиновник внезапно просветлел лицом:

– А! Она что-то прочирикала о Ване, который только что второй раз проиграл Аслану!

«Только что?»

Сергей придвинул к себе таблицу перемещений гостей и русалок, быстро пробежал ее глазами. Им удалось выяснить, что заплывы Даташвили и Коцбы в первом озере закончились около половины одиннадцатого. Значит, примерно через пять-десять минут Сушков столкнулся в лабиринте с Рокуновой, и она бежала в грот Микаэлки. Сама Рокунова нашла тело около одиннадцати с небольшим. И где,

спрашивается, она провела эти свободные двадцать минут?

Он еще потерзал Сергея Ивановича, но больше ничего не смог от него добиться.

Последним из клиентов, с которым Сергею предстояло побеседовать, был Олег Лихой. Бабкин заранее напрягся, вспомнив актеров, с которыми он имел дело прежде, и держа в памяти досье Лихого. Но вместо истеричного самовлюбленного павиана перед ним оказался усталый, явно пьющий, как Бабкин и видел по фотографии, но вменяемый мужчина, который держался со спокойным достоинством. Он не был ни высокомерен, как Даташвили, ни нарочито простоват, как Коцба, и отвечал на вопросы подробно и явно стараясь помочь – либо талантливо изображая это.

– Я и к Мике заходил, и у Клео был... – говорил он, потирая лоб. – Они веселые обе. Мика, правда, злая, ну так и Клео не ангел. Ангелы мне здесь и не требуются. Во сколько? В одиннадцать? Честное слово, не могу сказать. Я сюда на целый день приезжаю, плаваю в свое удовольствие, у девчонок отсыпаюсь. Сегодня почти все время на открытом озере был, смотрел, как мужики соревнуются. Потом спасатели из пещеры повыскакивали и бросились в воду. А затем нас Игорь собрал и попросил войти в положение и все такое прочее. Ну вот и все.

Те же самые вопросы, что Сергей задавал другим, и те же ответы. Нет, никого из девочек он не встречал раньше и не был прежде знаком с убитой. Иногда спал с ней, но предпочитал Клео – и Софи.

– Это та прелестная девчушка, что до Ливи здесь была. Не знаю, куда она делась.

Он немного виновато пожал плечами и вопросительно посмотрел на Бабкина:

– Ты не знаешь, а? Я как-то раньше и спросить не догадался. А сейчас самому стыдно. Она глупенькая была, но ласковая.

Сергей отрицательно покачал головой. Он не хотел сообщать этому испитому, но все еще очень красивому человеку, что его глупенькую ласковую Софи нашли несколько месяцев назад с перерезанным горлом.

Закончив беседу с Лихим, он плюнул на неловкость и потребовал еще кофе – нормальную большую чашку, – и когда ее принесли, выпил за минуту, обжигаясь. После всех сегодняшних бесед у него осталось ощущение, что единственным человеком, который не притворялся и никого не изображал, был актер.

Сергей снова взял трубку, набрал номер одного из помощников.

– Приведите ко мне русалок, – устало попросил он. – Да нет, можно

сразу обеих.

Девушки казались куда более потерянными, чем день назад, и даже Женя – Клео не метала молнии, не рычала и не изображала взбесившуюся пантеру. Но когда Бабкин завел речь о Соне, ему показалось, что она вздрогнула. Они познакомились несколько лет назад, и сюда, в «Артемиду», пришли работать вместе.

Илюшин не дал напарнику указаний, о чем расспрашивать, и потому Бабкин просто пытался разговорить обеих, чтобы узнать как можно больше о первой убитой девушке.

– Ну... Она не очень умная была, Сонька, – тянула Оксана, качая туфлей. – Но хорошая!

– Да она была просто чудо! – с неожиданной горячностью вступила Женя. – Добрая, как ребенок. В жизни никогда никого не обидела, а ее и обижали и обманывали, потому что она доверчивая, дурочка наша.

Сергей пристально взглянул на рыжую и спросил, где жила Минина. Оказалось, что они вместе с Женькой снимали квартиру, и в ту ночь, когда Соню убили, она возвращалась домой из клуба, а Женька осталась, потому что у нее была ночная смена.

По тому, как исказилось лицо Коромысловой, когда она говорила о смерти подруги, Бабкин понял, чего ей стоил этот рассказ. Эль успокаивающе положила руку ей на плечо, притянула к себе, словно ребенка. Они странно выглядели сейчас, когда одна, по виду девочка-подросток, покровительственно обнимала вторую, взрослую.

– Что Соня любила? – наугад спросил Сергей.

– Рукоделие, – ответила Оксана, не задумываясь. – Она и вязала хорошо, и вышивала, и плела...

– Макраме очень любила! – торопливо перебила Женя, взглянув на подругу. – Все горшки у нас в квартире обвязала. А, и еще покушать ей нравилось.

Она зачем-то принялась подробно рассказывать, что именно любила поесть Соня Минина и как боролась потом с лишним весом, а Оксана, которая сидела молча, вдруг вступила с невнятным рассказом о каком-то кафе, куда они втроем любили заходить, и чем больше Бабкин их слушал, тем отчетливее понимал, что зря тратит время. Его царапнула какая-то деталь в разговоре, но сколько он ни напрягался, не мог поймать ее.

Что бы ни хотел вытащить из этих девчонок Макар, ему следовало заниматься этим самому.

Сергей отпустил «русалок», и почти сразу в комнату заглянул Николай с расчесанной губой, принес Бабкину фотографии Софьи Мининой.

– И по почте вам переслали, – вполголоса сказал он. – Там и запись, и фотки. Можно на компе посмотреть.

В интонациях его отчетливо читалось пренебрежение к человеку, который вместо того, чтобы смотреть снимки хорошего качества, предпочитает довольствоваться распечатанными фотографиями и создает всем окружающим сложности. Но Бабкину было наплевать на мнение парня. Он перебрал фотографии, а затем все-таки просмотрел запись собеседования.

Личико у Мининой действительно было ангельским. Большие голубые глаза, чистый лоб, вьющиеся белокурые локоны – фарфоровая куколка, а не русалка в клубе Перигорского! Но стоило Соне заговорить, как мнимая невинность рассеивалась. Голос у нее оказался негромкий и слащавый, к тому же она пришепetyвала – похоже, решил Бабкин, работала на имидж женщины-вамп. В том, как Минина жестикулировала, как поднимала глаза на оператора, взмахивая густо накрашенными ресницами, как выпускала дым из пухлых розовых губ, читалось желание маленькой девочки выглядеть взрослой женщиной, и в этом крылась своя, особенная сексуальность. Да, она была притягательной, эта маленькая русалочка, умершая такой страшной смертью.

«Ну и что нам это дает? – уныло спросил себя Бабкин, и сам же себе ответил: – Да ни хрена нам это не дает».

Ему хотелось задать этот же вопрос Макару и послушать, что тот ответит. Прошла половина времени, отведенного на расследование, а у них по-прежнему дело не сдвинулось с мертвой точки.

Саша остановил джип неподалеку от станции и вопросительно посмотрел на Илюшина. Во взгляде его читалось ожидание собаки, которую хозяин берет с собой на прогулку в неизвестном направлении – «куда теперь?». Но Макар Андреевич молчал, осматривая небольшую площадь перед станцией, и Саша побоялся мешать его размышлениям.

Собственно говоря, площади как таковой и не было – всего лишь небольшой заасфальтированный прямоугольник, по сторонам которого ровным строем высились тополя. Листья у них уже начали желтеть и скукоживаться. Вдоль тополей бежала дорожка, по которой от только что подъехавшей электрички в направлении поселка шли люди с сумками.

– Где машину нашли, говоришь? – спросил Илюшин, хотя Саша молчал, как рыба.

– В самом поселке, – немедленно откликнулся тот. – Степаныч даже номер дома узнал, возле которого она стояла. «Только нам-то это зачем?» –

хотел прибавить он, но благоразумно сдержался: раз Макар Андреевич спрашивает, значит, зачем-то нужно.

– Номер дома, номер дома... – протянул Макар. – Значит, предположительно Рокунова бросила машину в поселке, а затем...

– Затем села в электричку и уехала, – ответил Саша, удивляясь возникшей паузе: какие еще могут быть варианты?

– Села в электричку... Возможно. Почему бы и нет?

Макар побарабанил пальцами по приборной панели и, приняв решение, повернулся к Саше:

– Возвращайся обратно. Я здесь немного поброжу вокруг поселка, затем приеду на электричке в Москву. Позвоню заранее, подхватишь меня возле платформы.

– То есть... Как? – Крупенниковым овладело горькое разочарование, которое он не смог скрыть. – Без меня?

Илюшин посмотрел на его огорченное лицо и покачал головой:

– Извини. Двоим здесь делать нечего.

И, не объясняя больше ничего, подхватил легкий рюкзак и выпрыгнул из машины.

– Да, чуть не забыл! – Он просунул голову обратно в салон. – Возле какого дома нашли машину?

– Возле сто пятьдесят седьмого.

Крупенников хотел добавить, что это на окраине, но подумал и мстительно промолчал. Раз Макар Андреевич такой одинокий волк Маклауд, пусть сам и шарахается по этим улочкам.

– Это, должно быть, где-нибудь на самом краю, – вслух подумал Макар, и Саша разозлился на него еще больше. – Ладно, поезжай.

Когда джип скрылся из виду, Илюшин предпринял действия, которые показались бы Крупенникову странными, не сказать нелепыми, если бы он их наблюдал. Сперва без всякой спешки Макар походил под тополями, поднимая с земли скрюченные листья размером с блюдце и задумчиво бросая их обратно, затем отправился на платформу и побродил еще и там, попутно изучив расписание поездов. Он ни с кем не заговаривал, никого ни о чем не расспрашивал, и даже, казалось, не особенно обращал внимание на окружающую его действительность.

Убив таким образом минут сорок, Илюшин дождался следующей электрички и вместе с вышедшими из нее пассажирами направился наконец к поселку, где был найден «Хундай» убитой Виктории Чериной.

Поселок красиво назывался «Вишневый». Макар, неторопливо бредущий мимо дач, не смог обнаружить в садах ни одного вишневого

дерева. Зато повсюду, куда ни падал взгляд, краснели яблони, и в воздухе стоял сентябрьский запах поспевающих яблок.

Место для садов было выбрано, по мнению Илюшина, неудачное: ни озера, ни пруда, ни самого завалищего лесочка в пределах видимости. К тому же неподалеку, пересекая рельсы, проходила оживленная трасса, и шум машин доносился даже сюда. Макар прислушивался краем уха к разговорам дачников, идущих неподалеку от него: обсуждали утреннюю находку – машину, из которой кровь вытекала аж на землю, ахали, ужасались, и кто-то из самых осведомленных утверждал, что теперь милиция в каждом доме спрячет по засаде, а ключи у хозяев изымут, чтобы пользоваться домами по своему усмотрению. Как водится, несколько человек немедленно возмутились таким произволом и заявили, что ключи не отдадут, потому что нету такого закона, чтобы пускать в свой дом кого ни попадя. А милиция пускай сама своим делом занимается, не привлекая мирных граждан.

Тут же зашел спор о поимке преступника и об убитой, но ничего нового Илюшин не услышал. Кто-то говорил, что убили проститутку, подобрал ее на шоссе, кто-то возражал, что ни проститутка, ни шоссе здесь ни при чем, а жертва – известная модель, красавица, которую прикончили из ревности. Потом вспомнили, что писали газеты о маньяке, и разговор зашел в такие дебри, что Макар только вздохнул: ничего ценного здесь извлечь было нельзя.

Постепенно дачники разошлись по домам, под конец свернув с обсуждения происшествия на урожай яблок и способы их утилизации. Только один человек сделал попытку вернуть разговор к преступлению – щуплый пенсионер в темных очках и кепке.

– Вот вы все о своем, бабском, языками мелете, – воззвал он к женщинам, спорящим о банках и крышках. – А ведь не зря машину у нас нашли! Значит, преступник-то из поселка!

– Да что вы говорите, Семен Исакич! – насмешливо возразила бойкая веснушчатая тетка. – И кто это у нас такой маньяк? Может, Козихина? Или Аграфенов?

Раздался дружный смех ее знакомых, подтвердивший, что неведомые Илюшину Козихина и Аграфенов на роль убийц претендовать никак не могут.

– А чего вы смеетесь? Чего смеетесь?! – вспыхнул пенсионер. – Аграфенов, между прочим, прошлым летом соседскую собаку отравил!

– Не соседскую, а свою, и не собаку, а щенка, и не отравил, а утопил, – поправила его веснушчатая, и новый взрыв хохота вогнал старичка в

краску.

– Какая разница! Все равно – значит, способен на лишение жизни живого существа! – упорствовал он. – Пусть и не Аграфенов, но вы посмотрите, сколько народу здесь с весны до зимы живет! Это мы приезжаем, к нам никаких подозрений быть не может, а так-то здесь есть люди непонятные, среди которых милиции пошуршать бы стоило, хочу заметить!

– Почему это подозрений быть не может, Семен Исакич? – прищурившись, спросила тетка. – Вы у нас, между прочим, личность очень неоднозначная! Вон у вас очки темные, это зачем? От кого вы глаза прячете? А кепка! Такую кепку, если хотите знать, только крупные преступники носят!

– Тьфу ты! С вами и не поговоришь серьезно, балаболство одно!

С этими словами сконфуженный старичок ретировался за калитку, а довольные собой женщины продолжили путь, не обращая внимания на Илюшина.

Макар дошел до сто пятьдесят седьмого дома, оказавшегося ничем не примечательным летним «скворечником», и сразу увидел место, где была оставлена машина убитой. Трава возле дороги была примята и истоптана, и он представил, сколько людей здесь прошло утром, когда ее нашли. Он знал от оперативников, что быстрота, с какой разыскали «Хундай», была полностью заслугой бдительных местных жителей: кто-то из них увидел незнакомую машину возле своего дома, подошел ближе и рассмотрел следы крови, после чего немедленно позвонил в милицию.

«Значит, крови было и впрямь очень много. Как же он все это провернул?»

Несмотря на всеобщую убежденность в виновности Рокуновой, Макар продолжал думать о преступнике «он» – по крайней мере о том, кто убил Черину. «Итак, есть несколько вариантов. Первый: Рокунова не поехала с Чериной, это ложный след, который никуда не ведет. Именно поэтому рассматривать его не стоит. Второй – они ехали вместе, затем Рокунова по какой-то причине убила ее, попыталась замаскировать убийство под дело рук маньяка, тело выбросила, машину отогнала сюда и уехала на электричке. Бред... Зачем?»

Макар вполне допускал, что Алла Рокунова из-за денег убила девушку, согласившуюся подвезти ее, и что у нее хватило жестокости и силы вытащить тело на обочину, пометить его знаком, похожим на тот, что оставлял убийца девушек-блондинок, а затем уехать в машине убитой. Но он отказывался понимать, зачем в таком случае ей потребовалось

невероятно рисковать, приезжая на машине в этот не такой уж малолюдный поселок и выбираясь отсюда на электричке. «Раннее утро... Она привлекла бы к себе внимание случайных свидетелей, которых Рокунова, с ее предусмотрительностью и умом, не могла не брать в расчет. Если только...»

Он остановился, остро ощутив нехватку поверхности, по которой мог бы побарабанить пальцами. А также Сергея Бабкина, в присутствии которого ему лучше думалось. Но Сергей занимался расследованием в «Артемиде», а ближайшей поверхностью была стена дома номер сто пятьдесят семь. Илюшин решил, что хозяева не обрадуются, если неизвестный им парень решит побарабанить по стене их жилища.

«Если только она не приехала сюда потому, что здесь ее кто-то встречал».

Он вспомнил разговор своих недавних спутников – в «Вишневом» были не только «воскресные» дачники, но и те, кто жил здесь постоянно, или же с весны по осень.

«Что, если она была в панике и бросилась к человеку, который мог ей помочь? Тогда понятно, почему именно здесь оставлена машина: она добралась на ней до пункта назначения. А затем...»

Мысль его заработала очень быстро. Да, не было ничего невероятного в том, что Рокунова приехала сюда к одному из тех, кому она доверяла, и... была вывезена им в другое место? Осталась здесь? Макар огляделся, представив, что в одном из тех домов, мимо которых он шел, прячется женщина с вьющимися светлыми волосами и хитрой лисьей мордочкой. В следующую секунду он уже достал телефон, чтобы позвонить в клуб и распорядиться узнать, кто из круга ее общения мог обосноваться в маленьком поселке в сорока километрах от Москвы, но в последний момент остановился. Во-первых, он отдавал себе отчет, что ставит практически невыполнимую задачу. Но самое главное заключалось не в этом, а в том, что в глубине души Илюшин ни на секунду не верил в то, что Рокунова кого-то убила.

Перед самим собой Макар мог не притворяться: он искал эту девушку, потому что считал, что она бросила ему вызов. Она сделала то, что не удавалось сделать до нее ни одному человеку – обманула его, перехитрила, посмеялась над ним и выставила дураком, и все это – легко и непринужденно, без подготовки, практически спонтанно. Он ощущал здоровую спортивную злость, когда думал об этом. Но злость злостью, а интуиция говорила ему, что, несмотря на всю заманчивость предположения, будто Рокунова находится в поселке, он снова идет

неправильным путем.

Макар покачал головой и отбросил эту версию так же решительно, как и первую.

«Остается последний вариант: машину сюда пригнала не она, а кто-то другой. Убийца. Он расправился с одной девушкой, и, вполне возможно, расправился и с Рокуновой – в таком случае ее тело тоже вскоре обнаружат где-нибудь возле дороги. А после этого приехал сюда, оставил испачканный в крови «Хундай» и пошел к электричке: первая идет в четыре сорок, следующая за ней – в пять пятнадцать, и у него была возможность выбрать».

Заиграл телефон, и он поспешно достал его.

– Макар Андреевич, – степенно проговорил в трубку один из оперативников Перигорского, – у нас тут новость небольшая, вы просили, чтобы вас держали в курсе дела... В общем, кровь в машине принадлежит только Чериной.

– Ясно, спасибо.

Сунув телефон в карман, Илюшин вернулся к своим размышлениям, кругами бродя перед домами – на ходу ему думалось легче. «Значит, если Рокунова и была убита, это произошло не в машине. До чего ж паршиво, что я чертовски мало знаю о психологии серийных убийц... Может быть, ему нужна была жертва? Он утащил ее с собой куда-нибудь в свое логово?»

Он обернулся и посмотрел на железнодорожную насыпь. «Да, конечно. Машину он бросил здесь с умыслом – «идiotы, вы меня никогда не поймаete»! Это был вызов, игра, пощечина тем, кто пойдет за ним по следу... Например, мне».

Илюшин усмехнулся, подумав, что в этом расследовании слишком много людей позволяет себе давать ему пощечины. И тут сбоку скрипнула калитка, и из нее вышел заросший бородой мужик крайне неприветливого вида в обвисших тренировочных штанах и толстой фланелевой рубаше. Тратить времени на знакомство он не стал.

– Документы! – вполголоса приказал бородатый, встав в двух шагах от Илюшина.

Он был на голову ниже, но заметно крепче, а напряженная поза не оставляла никаких сомнений в том, что мужик готов к драке.

– А больше тебе ничего не надо? Бумажник там, ключи? – мигом выбрав стратегию поведения, осведомился Макар. – Расслабься, ты не на работе.

Хамоватое обращение произвело волшебное действие. Бородатый немедля последовал совету Илюшина и действительно расслабился:

выдохнул, и в глазах его появился проблеск нормального человеческого любопытства, которое он не замедлил выразить вслух:

– Слышь, а ты кто?

– Журналист. Газета «Московский вечер», – отрекомендовался Макар. – Собираю материал для статьи. Приехал глянуть, из-за чего столько шума.

– А-а, журналист! Так бы сразу и сказал! А моя грит, иди, Сань, грит, глянь, кто там шатается перед домом. Рожа, грит, подозрительная. Я глянул на тебя – точно, подозрительная. Думаю, значит, падла эта на место преступления вернулась. Они, вообще, всегда возвращаются, ты в курсе?

– В курсе, – кивнул Илюшин. – Только это не место преступления.

– Да без разницы. Здесь тоже кровящи было столько, будто интеллигенты свинью резали.

– Почему интеллигенты? – не понял Макар.

– Потому что безрукие. Ни фига не умеют, зато как нужно жизни поучить, так они первые! Кстати, если бы ты очки надел, тоже на интеллигента бы стал похож.

– Учту, – кивнул Илюшин и попрощался с бородатым, у которого так непросто складывались отношения с представителями умственного труда.

Он направился обратно к станции, пытаясь представить себе маршрут убийцы. Когда тот вышел из машины, было, наверное, уже светло. Вряд ли кто-то приезжает сюда в воскресенье утром на пятичасовой электричке, поэтому убийца мог не опасаться свидетелей. Он шел мимо домов-«скворечников», мимо бревенчатых изб, мимо светящихся красными фонариками яблонь, и одежда его была испачкана кровью его жертвы. Затем он поднялся на платформу и стал ждать поезда... Нет, невысказано.

На перегонном громко прогудела электричка, словно привлекая к себе внимание Макара. Состав полз неторопливо, замедляя ход, и вскоре синие-зеленые коробочки вагонов остановились, высыпав редких пассажиров.

– Стоп! – вслух сказал Илюшин и остановился.

Затем обернулся назад. Отсюда был виден поворот шоссе, на котором цветной цепочкой вытянулись машины, ожидающие поднятия шлагбаума.

«Мы решили, что он пошел на станцию... Но почему именно туда?»

Мысль, возникшая в его голове, еще не оформилась окончательно, а Илюшин уже развернулся и пошел в обратном направлении.

Но теперь он выбрал другую дорогу – не главную улицу, самую короткую, а окольные дорожки, выводившие его все ближе и ближе к трассе. Макар не пытался срезать путь – скорее, наоборот: он шел, полностью положившись на свое чутье, едва ли не первый раз за время

расследования ощущая, что все делает правильно. Из-за домов кое-где тянулся дымок костров, перекрикивались невидимые дети, возвышалась над забором стоявшая на стремянке монументальная широкоплечая женщина, снимавшая с верхних веток яблоки, и Макар загляделся на нее – она напоминала памятник сразу всем местным садоводам-любителям. «Яблочная баба», – усмехнувшись про себя, подумал он.

Из-за поворота навстречу ему вывернул мужчина, перед которым на поводке бежала крупная белая собака. Они смотрелись странно, и Макар вскоре понял, в чем дело: неожиданным было увидеть в поселке, где все жители занимались делами на своих участках, собачника, идущего неспешным городским шагом. Эти двое, мужчина с собакой, смотрелись бы куда уместнее в каком-нибудь московском парке. «Пес еще и на поводке! – отметил про себя Илюшин. – Зачем? Чтобы не убежал?»

Но, когда они приблизились, он понял, зачем нужен поводок. «Слепой...» Хозяин собаки шел медленно, но уверенно, ощупывая дорогу тростью, и за несколько шагов до него Макар предостерегающе кашлянул, чтобы не испугать старика.

Тот сразу остановился, наклонил голову на звук.

– Почему не предупредил? – сурово спросил он, и удивленный Илюшин не сразу догадался, что мужчина обращается к собаке.

Пес повернул к нему вытянутую вислоухую морду, но смотрел флегматично, без раскаяния во взгляде.

– Лишу довольствия. Понятно? Лишу, и будешь пресмыкаться, на брюхе ползать.

Пес вполголоса гавкнул, и лицо его хозяина просияло улыбкой.

– Вот умный мальчик, хороший мальчик!

Слепец наклонился, подтянул к себе поводок и потрепал по холке пса, снисходительно принявшего ласку.

– Он у вас поводырь? – с интересом спросил Илюшин, подходя ближе.

– Да какой поводырь! – тут же отозвался хозяин, поворачивая к нему слепое лицо. – Дворняга дворнягой... Под прогулки я хотел его приспособить!

– По-моему, у вас получилось.

– Отчасти. Мы с дочерью обучали его гавкать при виде одинокого человека на улице, то есть подавать мне сигнал... Сперва Мальчик обгавкивал все встреченные компании, затем все-таки научился различать понятия «много» и «один», но время от времени на него находит дух противоречия, и тогда он замыкается в себе, вот как сейчас. А замкнувшись, отказывается разговаривать и оповещать меня о других

людях на дороге. Негодяй!

Илюшин рассмеялся. В слове «негодяй» прозвучало столько ласки, что сразу стало понятно: хозяин в своем псе души не чает, а ругает его как иная бабушка за глаза критикует внука перед посторонними, надеясь, что ее обязательно начнут переубеждать.

Он рассмотрел слепого внимательнее, немного удивленный его словоохотливостью. Лицо чисто выбритое, хотя на подбородке пара небольших порезов, одежда застегнута на все пуговицы, и застегнута правильно. Мимика у старика оказалась подвижная, и Илюшин подумал, что, наверное, тот ослеп лишь с возрастом. На лице его не было и следа беспомощности – напротив, от него исходила упрямая уверенность, уверенность «наперекор».

– Кого вы ищете? – внезапно спросил старик.

– Почему вы решили, что я кого-то ищу?

– Послушайте, юноша... Я ослеп, когда мне было двадцать три. А сейчас мне шестьдесят семь. Как вы думаете, прожив без глаз сорок четыре года, я научился чему-нибудь, что не дается вам, зрячим, или нет?

Он наклонил голову, ожидая ответа, и прислонил трость к ноге, ловким движением закрепив ее конец за какую-то лямку на куртке.

Макар Илюшин обладал безошибочным чутьем, подсказывавшим ему, кому можно врать, а кому нет. Сейчас перед ним стоял человек, которому бесполезно было вешать на уши лапшу про журналиста.

– Я ищу человека, который был здесь утром. Скорее всего, рано утром. Он оставил неподалеку машину, в которой была убита молодая женщина. Думаю, что он сам ее и убил.

– Да... – нехотя проговорил старик. – Мы его встретили.

Илюшин с трудом сдержал восклицание. Слепой помрачнел, затряс головой, словно сбрасывая неприятное воспоминание.

– Откуда вы знаете, что это был он? – наконец спросил Макар.

– А кто еще это мог быть? Пять утра, мы с Мальчиком гуляем. И вдруг – человек. Не здороваётся, стоит возле меня тихо, смотрит. Если был бы наш, сказал бы хоть пару слов. Но даже не в этом дело. Не местный он, точно.

– Откуда вы знаете?! – повторил Макар. – Пойдите... – Его осенило. – Вы что же – видите?

– Ни хрена я не вижу! Мальчик вон видит за меня. А я только слышу и чувствую.

– Так... – Илюшин потер ладонью лоб, пристально взгляделся в старика, пытаясь понять, можно ли полагаться на его слова. – Значит,

мужчина?

– Скорее, молодой. Ходит как молодой, дышит как молодой.

– Подросток?

– Нет. Двадцать – двадцать пять бери, не ошибешься.

– Куда он шел, можете сказать?

– Могу. К дороге шел, мимо нас. Та улица, которой мы шли, как раз к шоссе выводит. Должно быть, его там вторая машина ждала – я так думаю.

Старик помолчал, затем добавил:

– Вот что скажу: страшный он человек. Даже Мальчику моему не по себе стало. Он и зарычать на него побоялся.

Макар быстро взвесил услышанное. С одной стороны, слушать слепого свидетеля – более чем странная идея. С другой, старик подтверждал то, о чем Илюшин догадывался и сам. Кроме того, он казался умным и наблюдательным, если только это слово подходило для того, кто видел вокруг только темноту в течение сорока четырех лет. «Если бы он мог его описать!»

– Вы, конечно, лицо ему не ощупывали, – безнадежно сказал Макар.

– А ты как думаешь? Полагаешь, я к любому встречному сразу подхожу и давай пальцами за физиономию лапать? Вот таким манером, например?

Старик так быстро протянул обе руки к лицу Илюшина, что тот даже не успел отшатнуться. Поводок с шелестом упал на траву, и пес, как по команде, немедленно свалился на бок и задрыгал задними лапами. Но Макару было не до того, чтобы наблюдать за дворнягой – он инстинктивно подался назад, хотя в следующую секунду сам устыдился своего порыва.

– Вот видишь, – спокойно сказал слепой, оглаживая его лицо. – Даже ты испугался, хотя вроде бы не из пугливых.

Пальцы его какими-то утаптывающими, мягкими движениями пробежали от волос к вискам, скулам и вниз, к подбородку, как будто он вылепил Макару лицо и теперь заканчивал формировать его. От рук слепого пахло табаком.

– Ноздри не раздувай, – строго сказал старик, ощупав нос Илюшина. – Собьешь мне всю картину.

Он отступил назад, наклонился и раскрыл ладонь, собираясь похлопать по траве в поисках поводка – Илюшин заметил, что слепой почти точно угадал место, где тот упал, – но внезапно передумал и встал, второй рукой придерживая болтающуюся сбоку трость.

– Мальчик, давай поводок, – скомандовал он.

Пес нехотя поднялся, подошел к хозяину, уткнул голову в его руку.

Старик погладил его, нашел ошейник и провел рукой по поводку.

– Вообще-то я привык все делать сам, – объяснил он. – Чем больше на других полагаешься, тем беспомощнее становишься. Так у всех, не только у незрячих. Но в траве руками возиться мне не стоит – тут и стекло может подвернуться, и кучка какая-нибудь. Ну что, не понравилось тебе наше знакомство?

– Просто это было несколько... неожиданно. Зачем вы это сделали?

– Чтоб тебя увидеть, зачем же еще. Я человек любопытный, хочу знать, с кем общаюсь и на кого ты похож.

– И на кого же? – со скептицизмом, которого не смог скрыть, осведомился Илюшин.

– На маму, – спокойно ответил старик, и Макар на некоторое время потерял дар речи и только стоял и молча смотрел на морщинистое лицо слепца. Спустя минуту он спохватился, что, по всей вероятности, получил всего лишь шуточный ответ в серьезной форме и зря придал этому такое значение.

– Значит, *того* вы не... рассматривали, – собравшись с мыслями, наконец сказал он.

– Хотел, – признался слепец. – Но он не дался.

Илюшин от огорчения прищелкнул языком.

– Может быть, хоть что-нибудь вспомните о нем? – с надеждой спросил он. – Голос? Запах? Шаги? Может, он хромал? Ногу приволакивал?

– А по дороге жевал таблетки викадина, размахивал тростью и грязно ругал своих пациентов, – иронично закончил старик. – Не удивляйся, телевизор здесь тоже работает. «Доктора Хауса» я по вечерам, бывает, слушаю, когда дочь уезжает. Нет, не приволакивал, не жевал, не ругался. Вот только...

Он замолчал, застыл, и лицо его утратило всякое выражение. Илюшин хотел спросить, что «только», но решил, что беспокоить явно вспоминающего что-то человека не стоит.

– Пахло от него, верно ты сказал, – медленно выговорил наконец слепой.

Макар сдержал вздох разочарования. Даже если окажется, что старик разбирается в ароматах, то название какого-нибудь «Фаренгейта» или «Хуго Босса» ничего ему не даст.

– Антоновкой пахло, – закончил старик. – Свежей, сочной такой антоновкой.

– Чем?!

– Антоновкой, яблоками. Я этот запах хорошо знаю, еще с детства

помню. Здесь у нас выращивают только два сорта, Алму и Жигулевское – ты их видел, они ярко-красные оба. В паре садов вырастили Апорт, но он пахнет совсем по-другому. Ни один сорт такого аромата не дает, как антоновские. А здесь их поблизости нигде и не растет.

Макар взъерошил волосы.

– Он что, грузчик? – спросил он самого себя.

– Думаешь, ящики с яблоками таскал? Рановато для антоновки. Ее в начале сентября никто не продает – незрелая она еще, слишком уж кислая.

– Вы следовательно об этом рассказали?

– Про парня рассказал, само собой. Как услышал от дочери, что случилось, так к милиционерам и пошел своими ногами. Они как раз возле машины возились.

– И что?

– Ну... Не послали безглазого куда подальше, и на том спасибо. Выслушали, что-то записали. А примут к сведению или нет, мне докладывать не стали. Вот про запах я только сейчас вспомнил, пока с тобой беседовал.

Илюшин поговорил со стариком еще несколько минут, но быстро убедился, что тот сообщил все, что мог. Записав на всякий случай его телефон и оставив свой, Макар проводил слепого до дома, видя, что тому приятно его внимание, и сдал на руки дочери, пухлой миловидной женщине, при первом же взгляде на которую ему стало очевидно, что она боится и обожает своего отца. Когда старик и женщина ушли в дом, он погладил на прощанье собаку, по-хозяйски разлегшуюся на крыльце, сорвал красное яблоко с ветки старой кряжистой яблони и пошел к калитке, обнюхивая его, как охотничий пес обнюхивает след.

Глава 8

Когда Гитарист отложил рукопись в сторону, за окном уже смеркалось. Он перечитывал историю Крысолова третий раз, снова и снова убеждаясь в сходстве с ним, мысленно подтверждая вехи, которым нужно следовать.

Первую крысу он убил, точно зная, кого уничтожает. Их познакомила мать. Она сидела с той блондинкой в кофейне, куда он случайно забежал выпить чашку кофе. Крыса понравилась ему, очень понравилась... Он и сам не мог объяснить себе, в какой момент симпатия переросла в острое желание ее смерти – нет, не столько желание, сколько понимание того, что нужно сделать. Хватило двух встреч, чтобы она полностью доверилась ему, поэтому не возникло никаких сложностей.

За этим важным шагом последовал еще один, потом еще...

И вот теперь он наконец-то завел себе крысоволка.

Он понимал, чувствовал, что ему чего-то не хватает. Охота – это прекрасно, но хотелось, чтобы рядом был тот, кто разделит с ним упоение от выслеживания, торжество от уничтожения врага.

Охотиться с крысоволком проще. Беловолосые твари не станут бояться двоих – в их глазах они будут хоть и запоминающейся, но совсем безобидной парой. А он натаскает свою пленницу на их запах, научит ее, как быстрее и проще убивать их, и вдвоем они сделают куда больше, чем он один. И пусть их не ждет награда, как Крысолова, но награда ему и не требуется – достаточно осознания своей незаменимости и важности того, что он делает.

Конечно, ее придется дрессировать. Придется приручать, и, возможно, не сразу получится объяснить, чего он от нее хочет. Но постепенно она поймет. Стоило ему увидеть ее, садящуюся в машину, как его обожгло откровением – вот то, что ему нужно! Словно кто-то свыше наклонился к нему и сказал отчетливо – но так, чтобы слышно было только ему одному: «Это она».

И когда она обернулась после слов той, второй, которую непременно следовало убить, и испуганно взглянула на него, он окончательно утвердился в своей мысли. Было что-то такое в ее лице, одновременно беззащитное и стойкое, что не позволяло усомниться в правильности выбора. Когда-то давно он поймал в саду землеройку – забавного зверька, по виду – крошечного мышонка с длинной вытянутой мордочкой, и пару дней забавлялся, наблюдая за его повадками. Это милое существо

оказалось хищником, жадно уничтожающим и насекомых, и ящериц, и даже крупных лягушек, которых он подбрасывал ей в ящик. Хищник был стремителен, жесток и совершенно не ведал страха. Некоторое время Гитарист носился с мыслью поймать вторую землеройку и посмотреть, будут ли они сражаться друг с другом, но, как назло, в его ловушки больше никто не попался.

Он знал, что дрессировка любой твари, неважно, будь то крыса или кошка, начинается с объяснения, кто хозяин. Кто главный и кого нужно слушаться – беспрекословно. Глянув на часы, он окончательно убедился в том, что сегодня мать не придет – она никогда не приезжала вечером, оставалась в своей городской квартире, – а значит, самое время переместить «крысу» в ее новое место обитания. Гитарист подумал с улыбкой, что оно ей понравится.

Альке удалось поспать, хотя она сама не верила в то, что заснет. Но сон – неглубокий, прерывистый, мутный, как клочья тумана, все же пришел к ней и дал отдохнуть. Подсознание пыталось вернуть ее в пережитый кошмар, но с удивительным для самой себя присутствием духа Алька решила, что кошмаров с нее хватит и наяву, а во сне она не позволит им появляться. Они и не появились. Ни мертвая Вика с перерезанным горлом, ни тот человек, что держал ее, связанную, в жуткой ковровой комнате, – никто из них не тревожил Альку во время ее рваного сна. А просыпалась она часто оттого, что затекали руки, ноги, да и поза ее – уткнувшись носом в пыльный ковер – была, как с горькой иронией подумала Алька, не самой удобной для хорошего отдыха, после которого улучшается цвет лица и исчезают круги под глазами.

Пробуждение ее было страшным: она открыла глаза и увидела перед собой лицо убийцы. Он лежал рядом с ней на ковре и изучал ее с каким-то странным выражением – с умилением, подумалось ей позже. В комнате горел свет – получается, он зашел, включил лампу, затем лег рядом, а она ничего не услышала, хотя ей казалось, что сон ее будет очень чутким.

– Проснулась... – Он упруго вскочил, отодвинул в сторону стул, ножки которого прижимали ей волосы к коврику. – Ну пойдем, девочка... Пойдем, маленькая...

«Он что, хочет, чтобы я поднялась?» – ужаснулась Алька.

Его сюсюканье над ней было еще более пугающим, чем его злость. Правда, поправила она себя, злобным или выведенным из себя она его пока не видела. Алька хорошо запомнила выражение его лица после того, как он убил Вику, и готова была поклясться, что он не злился. Скорее оно было

просто сосредоточенным.

Но сейчас этот псих был чем-то явно доволен. Он стоял над ней, потирая руки, и Алька напряглась: от него можно было ожидать чего угодно, от удара ногой в живот до обливания ее серной кислотой. Однако парень не ударил ее. Вместо этого, наклонившись, приподнял ее, словно куклу, и понес, взвалив себе на плечо.

От неудобной позы руки у Альки выгнулись так, что она закричала, и ее тут же сбросили на пол, придерживав, чтобы она не слишком сильно ударилась.

– Чего орешь? – недовольно спросил псих.

– Руки... Больно!

– А-а...

Он вышел из комнаты и тут же вернулся с ножом в руках. Алька мысленно отметила, что нож хранился где-то рядом – это могло ей пригодиться. Разрезав связывающую ее веревку, снова закинул ее на плечо и пошел, раскачиваясь, не выказывая и признаков того, что она не так давно ранила его. Похоже было, что этот псих совсем не опасается ее, подумала Алька, но, попробовав пошевелить пальцами, поняла, почему. Руки затекли так, что любое движение давалось ей с трудом, пальцы распухли, а след от веревки на запястьях теперь, когда путы сняли, ощутимо болел.

Первой ее мыслью был страх за руки, но ее сменила вторая, куда более пугающая. «Он не завязал мне глаза!» Она не раз читала, что похитители, не собирающиеся убивать своих жертв, всегда завязывают им глаза, чтобы те, освободившись, не смогли опознать их или то место, где находились. Завязывать ей глаза для того, чтобы она не опознала его, было уже поздно, но Алька была уверена, что никакой убийца не пожелает знакомить жертву со своим логовом. А если пожелает, значит, уверен, что она отсюда никогда не выберется.

Из своего неудобного положения она попыталась осторожно оглядеться. Ее пронесли по длинному коридору с желтыми стенами, где через каждые пять шагов стояли мышеловки – одну из них она уже видела, – а затем опустили на пол в большой комнате, обставленной так, словно здесь жили пенсионеры с устоявшимися привычками и нежеланием менять уже знакомые, хоть и неудобные вещи, на современные. Громоздкий шкаф во всю стену, разложенный диван, стол возле окна, на котором горкой свалена посуда... Но все эти мелочи Алька отмечала незаметно для себя, пораженная главным: все окна и стены оказались завешены черными портъерами, на которых были вышиты крысы. Золотые и серебряные, в коронах, с разинутыми пастьями и оскаленными зубами, выдающимися

далеко вперед, словно клыки у саблезубых тигров, они смотрели на нее отовсюду. Если у Альки и были какие-то сомнения в душевном здоровье этого человека, то теперь они отпали окончательно.

– Головой не дергай, – недовольно сказал псих. – Уже пришли.

Он опустил ее на пол и открыл крышку люка в полу, в котором виднелись ступеньки. На Альку дохнуло холодом и запахом подземелья. Затем ее грубо подняли за волосы и потащили по ступенькам вниз, в пугающую темноту подвала.

Спустившись, парень бросил ее на дощатый пол, из-под которого тянуло земляной сыростью, и, прежде чем она успела вскочить, сел сверху и снова ловко связал ей руки. Отошел, пригнувшись, в темноту, щелкнул чем-то, и над Алькиной головой зажглась тусклая лампочка, свисавшая на длинном проводе. Лампочка раскачивалась, и узкий круг света раскачивался вместе с ней, перебегая по щелям между плохо оструганными досками, из которых пахло влажной землей.

– Теперь это твой домик. – Псих вернулся, сел рядом с ней, зачем-то потрогал край Алькиной рубашки. – Будешь здесь жить. Не пачкай его сильно, ясно?

Он переместился ниже, провел ладонью по ее ногам, и Алька едва удержалась, чтобы не лягнуть его. Остановило ее лишь практическое соображение: даже если удар отбросит его, она не сможет убежать – руки у нее на этот раз связаны слишком крепко. А позволить себе роскошь отвести душу на этой твари, но вывести его из себя, она не может. Пока он не убил ее и даже не наказал за то, что она его ранила, но в любую секунду способен это сделать.

Поэтому она не дернулась и лишь поджала под себя колени.

– Хорошая девочка, славная девочка, – повторил убийца и ласково улыбнулся. – Отдохни, набирайся сил.

Когда крышка люка за ним закрылась, Алька позволила себе тихонько рассмеяться, оставшись в темноте. Отдохни, значит... Наберись сил! Действительно, наберись сил, Алечка, поспи в рваной рубашке на голых досках. Ее начала бить дрожь. Подвал был такой мерзлый, словно она оказалась в холодильнике. «Нет, не в холодильнике, – подумала Алька, – в могиле. Просто некоторых кладут в гроб, а меня не положили».

Она представила, как ее остывшее тело убийца ночью засыплет землей, и ужаснулась. «Мне нельзя об этом думать!» Она ощущала, что страх высасывает из нее силы, отупляет ее, не давая думать ни о чем, кроме собственной близкой смерти. Страх был таким непривычным для нее чувством, что она не знала, что с ним делать и как бороться, лишь

осознавала, что бороться необходимо, если только она хочет выбраться отсюда. «Ты ведь хочешь? – спросила себя Алька, и сама же ответила: – Разумеется. И выберусь».

Ее подбадривало то, что один раз ей почти удалось сбежать. И препятствием к этому оказалась лишь собственная проклятая слабость. «Значит, мне нужно стать сильнее. Тогда я смогу перехитрить его».

Стать сильнее... Лежа на холодном деревянном настиле в тонкой рубашке, Алька строила планы о том, как она оглушит психа и сбежит, оставив его умирать в запертном подвале под его же собственным домом. Но ее замерзшее, усталое, голодное тело быстро подсказало, что именно Алька не принимает в расчет.

Сперва у нее скрутило желудок от голода, и почти сразу, вслед за мыслью о том, когда она ела в последний раз, ей захотелось в туалет. «Я застужу почки на этом полу... И не только почки».

Она с трудом села на корточки, но не смогла удержаться со связанными за спиной руками, и повалилась набок. Господи, найти бы что-нибудь, чтобы разрезать эту проклятую веревку... Ничего. Ничего не было в этом чертовом подвале, пустом, как ее желудок. Тогда, чтобы согреться, Алька поползла по полу, преодолевая боль, но надолго ее сил не хватило.

Ей оставалось только одно – попробовать отвлечь себя чем-нибудь. В распоряжении Альки были лишь мысли и воспоминания, а этого, подумала она, слишком мало, чтобы забыть о холоде, голоде и о том, что наверху бродит человек, убивший ее новую знакомую и, кажется, собирающийся убить и ее саму, пускай и менее кровавым способом. «Пожалуй, я бы предпочла нож, если бы вопрос поставили на голосование. Меньше пришлось бы мучиться».

Подумав об убийстве, она вспомнила смерть Микаэллы. Удивительное дело – такое длинное, неудобное имя, но почти никто в «Артемиде» не пытался сокращать его. Холодная, отстраненная, высокомерная Микаэлла, бездушная повелительница русалок – Костина так прекрасно играла эту роль, что все поверили, будто она и в самом деле такая.

Алька прекрасно знала, что стоит за ненавистью Микаэллы к ней. А та ее и впрямь ненавидела. Наивные девчонки, Женька с Оксаной считали, что Костина завидует Алькиной красоте, но это было смешно: не имелось у Альки такой особой красоты, чтобы ей завидовать, не говоря о том, что и Женька, и Оксана затмевали ее собою, не прилагая к этому ровным счетом никаких стараний – слишком уж обе были хороши. Однако их Микаэлла не изводила так, как Альку, которой пришлось тяжело с первого же дня работы в «Артемиде», когда Костина увидела ее.

И узнала.

Несомненно, она узнала ее раньше, чем сама Алька поняла, с кем имеет дело, потому что не так уж изменилась Алька за прошедшие... сколько?... два... нет, три года. А вот сама Микаэлла изменилась.

Когда Алька увидела ее в первый раз, то не обратила особого внимания – не слишком молодая, но очень холеная дама из эскорта, ничего выдающегося. В тот вечер дом был напичкан девочками по вызову, как пирог куропатками, и они вспархивали то здесь, то там, раскрывая яркое блестящее оперение.

К тому времени Алька жила у Виктора уже слишком долго, чтобы оставаться влюбленной в него, и знала его слишком хорошо, чтобы восхищаться, но характер у нее был легкий, и они уживались неплохо. К тому же она по-прежнему испытывала благодарность за то, что после того ночного звонка он принял ее у себя без расспросов и даже не считал, что она должна расплачиваться постелью за его гостеприимство. Поэтому постель случилась сама собой, позже и по Алькиному желанию, а она ценила, когда на нее не давят.

В гости тем вечером съезжались одни мужчины, и Алька с обреченной усталостью поняла, что снова предстоит «мальчишник». Положение любовницы хозяина защищало ее от всех посягательств, но Алька не переносила саму атмосферу скотства, всегда сопровождавшую такие вечера. «Боже мой, ну ведь взрослые мужики, а не подростки, дорвавшиеся до запретного... А ведут себя совершенно так же».

Поэтому, когда привезли «девочек» и те с радостным визгом попрыгали в бассейн, она лишь пожала плечами и ушла, спрятавшись в одной из дальних комнат, условно отведенной для нее – на самом деле в этом большом уютном доме у нее не было своего угла, как у неприкаянной кошки. Несколько раз к ней заглядывали гости и вытаскивали ее «посидеть и выпить», потом ввалился уже совершенно пьяный Виктор и потребовал, чтобы она вместе с ним куда-то пошла и что-то делала, и Алька послушно шла, делала, улыбалась, кивала, но потом незаметно выскользывала и старалась скрыться.

Пьяные рожи, полуголые и совсем голые девки, кокаиновый «снежок» на ноздрях и рассыпавшиеся «дорожки» на столах, бутылки, крики, надрывающиеся в дорогих динамиках «Любэ» и Розенбаум... «Расслабуха, детка, – говорил об этом Виктор. – Большим дядям нужно отдохнуть, они много работали». Истинная правда. Действительно, большие дяди много работали, в отличие от нее, ленивой бездельницы, наслаждающейся каждой минутой своего безделья, и они в самом деле заслужили отдых. Но Алька

все равно старалась находиться от них подальше – *расслабуха* вечно оборачивалась не самыми приятными сторонами человеческой натуры.

Микаэлле она заметила потому, что та заметила ее. Именно так Алька определила это для себя. Сначала дама просто наблюдала за ней, но постепенно во взгляде ее появилась жадность. Раз за разом Альку возвращали в «общество», и постоянно она ловила на себе пристальный взгляд, становящийся все более требовательным, словно шлюха примеряла на себя ее жизнь и убеждалась, что ей она пошла бы куда больше, чем этой молодой бестолковой курице, не ценящей своего счастья. Алька понимала: даме с белыми волосами остается совсем немного времени, а затем ее выкинут, заменив на юную красавицу, которой не нужно прилагать таких колоссальных усилий, чтобы «выглядеть». И казалось, что, останься они одни, эта женщина сдерет с нее платье, все украшения, стащит босоножки и наденет все это на себя, а затем отберет Виктора, и даже ту неудобную комнату, которая не была Алькиной, тоже отберет. Алька не впервые сталкивалась с завистью, но с такой – откровенной и неприкрытой – ей не приходилось раньше иметь дело.

– Слушай, это кто? – негромко спросила она у знакомой. – Вроде тетка в возрасте... Зачем ее сюда притащили?

– Она фору многим нашим девкам даст, – убежденно ответила та. – Стриптизерша!

– В каком смысле?

– В прямом. Шесть лет на шесте танцевала. Высший класс показать может!

Та, которая могла показать высший класс, бросила на них косой взгляд. Алька почувствовала облегчение, когда сбегала из-под обстрела этих жадных, требовательных глаз, кричащих «Отдай! Мое! Я тоже хочу!» Ей удалось улизнуть от всех желающих выразить ей заплетающимся языком свое почтение, и по некоторым приметам она догадалась, что Виктор тоже улизнул – с очередной голубоглазой крошкой. Он считал, что должен скрывать от Альки свои развлечения, и ее умиляла такая забота – в том числе и поэтому она все еще оставалась с ним. Он действительно заботился о ней в силу своего понимания этого слова.

Она закрылась в своей дальней комнатухе и с облегчением уснула, а когда проснулась, вокруг была уже глубокая ночь. О том, что ночь глубокая, Алька догадалась по царившей вокруг тишине: замолчали и Любэ, и Розенбаум, и только внизу, возле кострища, оставшегося после шашлыков, неверный голос выводил песню о казаке и Доне.

Она осторожно выползла из своего убежища и убедилась в том, что на

сегодня пьянка и впрямь закончена. Спать ей не хотелось, и Алька решила позвонить подруге – из тех отличных подруг, которые никогда не спят по ночам. Но телефона не было. Пришлось напрячь память и вспомнить, где же она могла его оставить. Место было только одно – комната, которую Виктор называл «бордельная». Алька вздохнула и пошла вниз, на первый этаж, надеясь, что Виктор со своей временной пассией уже закончили развлекаться.

Комната, в которую она осторожно заглянула, была пуста. Хозяин дома обставил ее сам, и название соответствовало обстановке: почти все помещение было занято огромной, слоновьих размеров кроватью под балдахином ярко-красного цвета. Балдахин был расписан рисунками неприличного содержания. Маленькое алое кресло в углу раскрывалось бесстыжим цветком, вывернувшим нутро, а вишневые светильники в форме надутых губ перекликались с такого же цвета тяжелыми портьерами.

По замыслу дизайнера-любителя, здесь все должно было вызывать мысли о сексе и способствовать раскрепощению, однако Алька считала, что эта обстановка способствует только развитию идиосинкразии на оттенки красного. А уж смотреть на акробатические упражнения бедолаг, нарисованных на балдахине, она и вовсе не могла без смеха. Виктор обижался на нее, и потому Алька была очень редкой гостьей «бордельной».

Однако накануне утром она приходила сюда, потому что Виктор решил похвастаться новым усовершенствованием – зеркальным потолком. Алька не сомневалась, что положила телефон на кровать и забыла. Теперь она заглянула в комнату и сразу увидела его: серебристая коробочка валялась у гнутой ножки кровати. Подняв его, Алька собралась выйти, как вдруг внимание ее привлек какой-то звук.

Доносился он из-за кресла. Когда Алька, осторожно обогнув его, заглянула за бархатную спинку, то увидела скорчившуюся на полу даму – ту самую, которая не сводила с нее глаз весь вечер. «Кажется, ее называли Микаэлкой». Та сидела на корточках, спиной к Альке, и что-то рассматривала.

– Что ты делаешь?

Микаэлла дернулась и выронила то, что было у нее в руках, – несколько розовых жемчужин. Ожерелье из розового жемчуга Алька видела на одной из девушек, прибывших с кем-то из друзей Виктора. Кажется, именно с ней в конце концов он и удалился в «бордельную»... Когда Алька подумала об этом, в голове ее все встало на свои места.

– Девчонка вспомнит, где порвала ожерелье, вернется сюда и недосчитается десятка бусин. И что тогда ты будешь делать? – с искренним

любопытством спросила она. – Или ты собираешь все?

Взгляд Мики сверкнул такой яростью, что, будь Алька из пугливых, она бы перепугалась. Но Алька никого не боялась, тем более – воровок.

– Значит, все... – констатировала она. – Слушай, тебе что, так деньги нужны?

– Ты дура, что ли? – хрипло спросила женщина. – Кому они не нужны?

– Ну я тебе дам. Сколько нужно?

Ярость во взгляде проститутки сменилась недоверчивым удивлением.

– Просто так дашь, что ли?

Алька пожалала плечами:

– Дам. Просто так. Если тебе не очень много надо. А то много у меня нет.

– А мало мне ни к чему! – огрызнулась Мика. – Ты что, осчастливить меня хочешь? Типа, в добренькую сыграть? Стерва!

Несколько удивленная такой интерпретацией ее побуждений, Алька хотела что-то добавить, но не успела – за дверью раздались шаги, а следом – торопливый стук.

– Виктор Аркадьич! – позвал из-за двери вкрадчивый голос. – Виктор Аркадьич, вы здесь?

Дверь начала приоткрываться. Женщины переглянулись, и в следующую секунду Мика, схватив Альку за руку, дернула ее за портьеру.

– Ты что? – шепотом крикнула Алька.

– Тихо ты! – зашипела Мика. – Не хочу, чтобы...

В комнату вошел человек, и она замолчала, но Алька поняла – воровка не хочет, чтобы ее застал кто-то еще, кроме нее.

Стоя за портьерой и морща нос от запаха духов прижавшейся к ней Микаэллы, Алька гадала, кто же зашел в комнату и почему он молчит. «Наверное, впечатлился, бедненький. Фавнов и нимф на балдахине разглядывает». В комнате послышался звук, который она безошибочно идентифицировала как щелчок дверной задвижки. «Закрылся?! Ну надо же... Неужели извращенец?» Ей ужасно захотелось увидеть лицо гостя, которого она не смогла опознать по голосу, и, не обращая внимания на то, что Микаэлла отчаянно дергает ее за руку, Алька осторожно отодвинула край шторы и высунула любопытный нос.

Невысокий лысеющий мужчина стоял к ней спиной, но вовсе не около кровати, как она ожидала, а там, где на стене висел большой плоский экран, и ковырялся в панели. Что-то щелкнуло, и он осторожно вытащил из телевизора крошечную коробочку размером с ноготь. Вместо нее вставил другую и повернулся лицом к портьеру как раз в тот момент, когда Алька

нырнула обратно и притаилась, замерев.

Шаги по мягкому ворсу... Ближе, ближе, еще ближе... Мужчина остановился возле окна, задернутого шторой, и Алька ждала, что он вот-вот отдернет ее, но вместо этого послышался тихий писк клавиш телефона.

– Сергей Сергеич, это я, – прошелестел человек, отделенный от женщин лишь тканью портьеры. – Все сделано. Через сорок минут буду у вас, ждите.

Собеседник о чем-то спросил, и человек торопливо ответил:

– Да. Да, он со шлюхой и наркотой. Не видел, но все должно было хорошо записаться. Девку проинструктировали. Сейчас еду.

Снова пискнула кнопка, и человек вздохнул. Опять послышалось шуршание, затем удаляющиеся шаги, щелчок задвижки – и тихий шелест двери, скользящей по ковру. «Уходит!» – с невыразимым облегчением поняла Алька. Она не успела толком задуматься над тем, о чем шла речь, но самое главное уловила и теперь хотела только одного – как можно быстрее выбраться из этой ловушки и разыскать Виктора. Про воровку, дышащую ей в плечо, она совсем забыла – стало не до нее и ее мелкого воровства.

«Сосчитаю до двадцати, чтобы он ушел наверняка, – и посмотрю». Она сжала руку женщины рядом, давая понять, чтобы та не двигалась, и вдруг, как будто этим движением она включила звук, отчаянно громко, весело, с переливами, заиграла самба.

Алька вздрогнула и в ту же секунду поняла – телефон! Ее собственный телефон, который она сунула за пояс, теперь разрывался от громкого звонка, и она готова была проклясть того, кто решил дозвониться так не вовремя. Справа с ужасом втянула в себя воздух перепугавшаяся Микаэлла, и тут штору отдернули. Обе женщины уставились на человека, стоявшего перед ними, а он уставился на них.

Несколько секунд прошло в молчании под громкий проигрыш телефона. Все трое стояли, не двигаясь. Вызов оборвался на неоконченной музыкальной фразе, и наступила тишина.

Продолжалась она недолго. Человечек прикинул что-то, глядя на женщин, и сказал бесстрастным голосом, странно не соответствующим его несерьезной наружности и впечатлению суетливости, которое он производил на Альку прежде:

– Обе будете молчать. Скажете слово, останетесь без языков и ушей.

Светлые глазки остановились на Мике.

– Тебя сутенер прирежет, – по-прежнему без выражения сказал он, – а тебя...

Взгляд холодных, как у крокодила, глаз переместился на Альку, и она

не выдержала: не дожидаясь угрозы, оттолкнула человечка, смотревшего на нее своими жутковатыми глазами, и бросилась бежать. Долей секунды позже за ней рванула Микаэлла. Мужчина не бросился за ними вслед, не стал ничего кричать – лишь стоял у двери, смотрел, как они бегут по длинному коридору, а затем вернулся, аккуратно задернул портьеру, поправил угол покрывала на кровати и вышел из комнаты, тщательно прикрыв за собой дверь.

Алька бросилась в свою комнату и остаток ночи провела там. Утром из окна увидела отъезжающие машины, в одной из которых сидела и ее ночная знакомая, и облегченно выдохнула. Значит, воровка благополучно переночевала в доме и больше сюда не вернется.

Сама Алька, как только гости уехали, отправилась собирать свои вещи. Ею руководило не крысиное желание сбежать с тонущего корабля, а стыд перед человеком, предоставившим ей кров: Алька отдавала себе отчет в том, что ничего не расскажет ему о событиях прошедшей ночи, а жить с ним, обманывая, казалось ей неправильным. По вечному легкомыслию ей и в голову не пришло, как будет расценен ее поступок: светлая Алькина голова начинала работать только тогда, когда Алька давала себе труд задуматься над чем-либо. Сейчас она не задумывалась, потому что ситуация казалась ей довольно ясной.

Человека с крокодильими глазами она испугалась так, как не пугалась никого прежде. Он казался таким безобидным, таким жалким... Альке подумалось, что все это время они имели дело с чудовищем, притворившимся маленьким лысеющим человечком, а сражаться с чудовищами она не могла – боялась.

Итак, она собрала вещи и ушла, испытывая стыд перед Виктором и ругая себя за трусость. Тот, бедняга, решил, что причина ее ухода в его ночной вакханалии, и пытался убедить любовницу остаться – правда, без особенного энтузиазма. Но когда грянул скандал и в желтой прессе были опубликованы фотографии, на которых Виктор предстал развратником и наркоманом, он вспомнил поведение бывшей любовницы и сопоставил его со временем, когда была сделана запись.

После этого Альке пришлось уехать от знакомой и искать новую квартиру, потому что Виктор был уверен в том, что запись сделала сама Алька – из ревности, из желания заработать на нем денег или же по каким-то другим причинам – не важно! А таких вещей он не прощал. Сколько ни настаивала Алька на своей невиновности, он видел, что она что-то скрывает, и все бесповоротнее убеждался в том, что именно она сдала его. Несколько раз Алька едва не выложила ему правду, но в последний момент

ее останавливало воспоминание о безразличном голосе и маленьких холодных глазках. «Тебя сутенер прирежет. А тебя...»

В результате этой истории Альку вышвырнули из того круга, в котором она вращалась последние месяцы. Не просто вышвырнули – стерли, словно не было такой девушки, не жила она с состоятельным любовником, не шутила с его друзьями и не ездила играть с ними в теннис. Иногда она задумывалась над тем, что случилось с той наглой и жадной воровкой, но узнать об этом теперь было не у кого – с ней не общался никто из прежней компании, а сама Алька не знала о женщине ничего, кроме имени.

И потому, когда ее привели в грот и навстречу Альке поднялась рослая белокурая женщина, красивая злой, хищной красотой, произнесенное имя «Микаэлла» отозвалось в ней лишь намеком на воспоминание. Но позже она заметила знакомый взгляд и поняла, с кем имеет дело. А заодно осознала, что ей придется в «Артемиде» нелегко.

В этом Алька не ошиблась. Микаэлла сделала все, чтобы осложнить ей жизнь. С энтузиазмом униженного когда-то человека, вдруг получившего возможность отомстить обидчику, она цеплялась к ней, придиралась по пустякам, стараясь вывести из себя. Оскорбления ее, поначалу бывшие завуалированными, становились все откровеннее и откровеннее. Костина открыто торжествовала и не скрывала, что падение Альки греет ей душу. Теперь все стало так, как должно было быть: глупая девица, незаслуженно получавшая материальные и прочие блага, в один момент лишилась всего и оказалась в ее власти.

При этом в задачи бывшей стриптизерши поначалу вовсе не входило добиться увольнения Альки, ибо в таком случае она теряла «девочку для битья». В присутствии начальства Микаэлла была с Алькой сдержанна и любезна – так могла быть любезна королева с посудомойкой. Но по некоторым признакам Алька видела, что надолго терпения той не хватит и, наигравшись с ней, Микаэлла все же постарается от нее избавиться.

В памяти ее всплыл разговор, состоявшийся у них незадолго до убийства Костиной. Вымотанная Алька, отважно делавшая хорошую мину при плохой игре, ни разу не позволившая себе сорваться или огрызнуться на Микаэлла, как-то под конец особенно тяжелого дня не выдержала и спросила:

– Слушай, чего ты добиваешься, а? Ну уйду я отсюда, найду другую работу... И что? Ты этого хочешь?

Мика пристально посмотрела на Альку, губы сложились в жестокую усмешку.

– Нет, моя дорогая, – еле слышно проговорила она, – вовсе не этого. Я хочу,

чтобы ты сдохла под забором. Под настоящим забором, под штакетником. Лежала бы в грязи и вспоминала меня. Надеюсь, что когда-нибудь так и случится.

«А ведь ее прорицание почти сбывается, – подумала Алька, чувствуя, что впадает от холода в подобие анабиоза. – Правда, сдохну я не под штакетником, как ей мечталось, а под полом, но сути это не меняет. Эй, Микаэлла, ты меня видишь?! Можешь порадоваться!»

В ответ раздался треск, и тусклая лампочка погасла, напоследок недолго посветив желтой угасающей искрой.

– Выражайся яснее, Мика, – сказала вслух Алька, с трудом шевеля губами.

Человек, заглянувший в подвал спустя час, обнаружил бы в нем съезжившуюся женщину, лежащую на полу и безучастно глядящую перед собой в темноту. Женщина не делала ни одной попытки пошевелиться и только время от времени дергалась, словно по ней пробегала судорога.

Когда со стуком открылся люк, она даже не повернула головы.

Гитарист, собиравшийся спуститься вниз, остановился на верхней ступеньке: лампочка в подвале не горела, хотя он хорошо помнил, что, уходя, не выключал за собой свет. У него мелькнула мысль, что пленница каким-то образом снова ухитрилась освободиться и сейчас прыгнет на него из темноты. Но затем, взглядевшись, он заметил силуэт на полу и успокоился. Значит, просто-напросто перегорела лампочка.

Он поменял ее и наклонился к своей добыче. Нос у нее был ледяной, руки тоже, и она даже не пошевелилась, когда он дотронулся до нее. «Отлично. Прошел первый этап».

– Замерзла? – заботливо спросил он. – И есть хочешь, наверное?

«Крыса» лежала неподвижно.

– Ты хорошо себя вела, – подумав, признал он. – Так что получишь вкусенького и тепленького.

Он ушел, не забыв закрыть за собой люк, и вскоре вернулся с термосом в руках и пледом, который волочил за ним по полу. Сначала, разрезав веревки на ее запястьях, он поднял Альку, как куклу, обмотал пледом, а затем налил из термоса в крышку что-то, пахнущее на весь подвал сытной вкусной едой, и поставил перед Алькой:

– Ешь.

Собрав силы и приподнявшись, она схватила затекшими руками крышку, поднесла к губам, обжигаясь, и в рот ей полилось что-то густое,

горячее, по вкусу похожее на картофельное пюре, разведенное молоком. Она глотала это варево, и когда выпила все, псих, сидевший рядом и смотревший на нее с интересом, налил новую порцию.

Сначала Алька почувствовала тепло от еды, а затем от шерстяного пледа, в который ее завернули. Как ни странно, но теперь ее стала колотить дрожь куда более сильная, чем прежде, и она едва не выронила крышку.

– Но, но! – недовольно прикрикнул парень. – Аккуратно! Вот, так...

Когда Алька наелась, она отодвинула термос и, сделав над собой усилие, подняла глаза на своего тюремщика. На лице его было написано ожидание... вот только она никак не могла понять, чего он ждет от нее...

– И? – вопросительно сказал парень.

– Что – «и»?

– Что нужно сказать?

Тут Алька догадалась.

– Спасибо, – с плохо скрытым омерзением выговорила она и увидела, что ожидание на его лице сменилось по-детски обиженным выражением – даже губы он надул как маленький мальчик.

– «Спасибо» – и все? Я тебя накормил, согрел, сварил тебе жратву...

– А до этого ты меня сюда бросил! – вырвалось у Альки.

Детская обида на его лице сменилась злой гримасой, и она поняла, что сделала ошибку.

– У-у-у, какие мы неблагодарные девочки... – протянул парень, прищурившись.

Маска заботливого приятеля спала с него, и Альке открылось то лицо, которое пугало ее больше всего. «Мне нужно играть по его правилам!»

– Извини, – быстро проговорила она, отводя глаза, – я тебе очень, очень благодарна! Если бы не ты, мне было бы очень холодно! Я об этом не подумала!

– Врешь, крыса, – процедил он, – кого ты, тварь, обмануть хочешь?

Он занес руку для удара, но Алька от страха начала соображать.

– Ты хозяин, – шепотом сказала она, вжав голову в плечи, – можешь ударить.

Она подождала, но удара не последовало, и Алька осмелилась снова поднять на него глаза. Псих смотрел испытующе, и от его взгляда ей захотелось зажмуриться. Но та девочка, которая когда-то рассказывала соседкам сомнительные истории о своей тетушке, незаметно ожила и вступила в игру.

– Я очень виновата перед тобой, – послушно сказала девочка. – Что мне сделать?

Предостерегающий голос внутри Альки закричал, что нельзя, нельзя, НЕЛЬЗЯ задавать такие вопросы, потому что перед ней сумасшедший самец, который изнасилует ее, изувечит, сделает что-то такое страшное, чего еще никто... Но Алька оборвала голос на полуслове, потому что прислушиваться нужно было к девочке, а не к нему. Это был голос паники. А девочка, и вслед за ней Алька, видела, что этот человек – мужчина лишь с виду, а по сути – странное бесполое существо, изувечившее само себя. Он не хотел ее так, как хотят женщину. Он смотрел на нее иначе...

Ничего не ответив, парень забрал у нее термос и поднялся. Глядя сверху вниз, он стоял в нелепой позе, согнувшись, и лампочка описывала круги над его головой.

– Скоро приду, – сухо сказал он. – Сиди тихо.

И выключил свет.

Когда хлопнул люк, Алька повалилась на бок, ощущая сквозь шерстяную колючую ткань пледа холод, идущий от досок. Но теперь, когда она была сыта, этот холод невозможно было сравнить с прежним, могильным, мучившим ее всего полчаса назад. «Сиди тихо...» Алька не смогла бы кричать, даже если бы очень захотела, – ей казалось, что горло охрипло до наждачной шершавости. С ним она каким-то чудом смогла поговорить, но кричать... Нет, он убьет ее раньше, чем кто-нибудь прибежит на крик. «И почему я решила, что вокруг вообще кто-то есть? Может быть, дом стоит в лесу?»

«Соблазни его, – шепнул тихий голос, напоминающий ей голос Микаэлы, когда та была в хорошем расположении духа. – Не зря же он принес тебе плед. Ты сможешь...»

Альку едва не стошнило от омерзения. «Не смогу!»

«Брось! Ты же обычная шлюшка! Раньше спала с одним мужиком за его деньги и выбирала его сама, теперь спишь с теми, на кого укажут... Будь честной с собой. Ты можешь представить, что это твоя работа, и все получится! Сделай так, чтобы он трахнул тебя!»

Алька едва не зашипела от злости. «Называй меня как хочешь! Но спать с ним я не буду!»

«Ты должна! Иначе никогда отсюда не выберешься! – Голос становился громче и навязчивее, как будто питался ее отвращением и паникой. – Хочешь сдохнуть здесь, а?»

Невесть почему Алька вдруг вспомнила своего дружка-скрипача, тощего и голубоглазого, веселившего ее по утрам игрой на воображаемой скрипке. Они так часто ссорились, что едва успевали заняться любовью в перерывах между скандалами... Но в ее воспоминания о счастье входило

все время, что она провела с ним, и ссоры тоже были его частью.

«Я лучше и правда сдохну», – в один миг успокоившись, сказала она, и тут же поняла, что это решение – единственно правильное. Если бы она попыталась соблазнить его, он бы убил ее, теперь в этом не было никаких сомнений. Она нарушила бы его *игру*.

Тень Микаэлле развеялась, и голос ее исчез, но Алька приказала себе быть настороже. Растирая руки – слава богу, на этот раз псих не связал ее, – она размышляла, что же такое знакомое чудится ей в его интонациях, пока не сообразила: точно так же разговаривал знакомый дрессировщик собак со своими питомцами, которых хозяева приводили к нему на площадку.

Ей вспомнилось, что он постоянно называл ее крысой, и Альку внезапно осенило. Что, если это не оскорбление, как она считала до сих пор? Похоже, он и в самом деле обращается с ней как со зверьком... Она постаралась припомнить все, что знала о крысах, но в голове с пугающей назойливостью всплывало лишь одно: карикатура, которую она увидела пару месяцев назад. На ней зажатая мышеловкой крыса лапками отжимала пружину, словно культурист на тренажере, а вокруг стояли аплодирующие коты... Не самое полезное воспоминание, но Альку оно успокоило.

* * *

«Все, все, все пошло не так! Вернувшись в свою комнатку под крышей и бросив ненужный мешок с ядами на пол, Крысолов остановился перед окном, уперев руки в бок. До чего же он был зол на этих глупцов! «Церковники!» Он произнес это с таким презрением, что, услышь его хоть кто-нибудь из святых отцов, не миновать бы ему суровой кары. Но его слышала только крыса, сидевшая в коробке. Крысолов выпустил Ушастого на стол и погладил зверька по спине.

– Ты видел, а? – негромко спросил он. – Они не пустили меня в свой паршивый собор. В его чреве копошатся сотни крыс, а эти безумцы объявляют, что не могут разрешить провести обряд внутри святыни тому, кто служит дьяволу. Скажи, кто после этого служит дьяволу – я или они?

Он сел на стул, чувствуя, что злость уходит, сменяясь насмешливым пренебрежением. Ему захотелось собрать вещи и уйти куда глаза глядят из этого города, оставив жителей и бургомистра с епископом самих разбираться с черной напастью. «Вот же запляшут они, когда прибудет посол из Кельна!» Но мстительное чувство быстро схлынуло, уступив место задумчивости.

Он знал, что не уйдет. Конечно же, дело было не в том свитке, на котором он старательно вывел свою подпись, чтобы не уронить лицо перед высокомерной знатью... Хотя и про свиток нельзя забывать: как-никак, он обязался увести крыс из Хамельна, а нарушать обещания опасно. Кто знает, чем это отзовется в будущем?

Но все же дело было не в свитке... У него была своя гордость, гордость крысолова, привыкшего истреблять черных тварей повсюду, где ему платили звонкой монетой. Ни разу за всю его жизнь не случилось такого, чтобы он отступал. Люди ли, крысы ли препятствовали ему, он все равно упорно разбрасывал яды, натравливал крысолова, придумывал хитрые ловушки – делал свое дело.

За годы странствий в одиночку он стал больше размышлять и пришел к выводу, что каждому человеку отведено свое место в жизни. Если ты создан стражником, тебе негоже лезть в купцы. Из тех, кому уготован удел стать купцом, получают плохие воины, а из прирожденных воинов – никуда не годные правители. Он был создан крысоловом и, видит бог, не ропщет на судьбу, а принимает ее со смирением.

Правда, Хамельн без конца испытывал его смирение. То чернобородый, то жена бургомистра, а теперь вот – святые отцы! Все, что он собирался сделать, – это лишь скинуть крысам вниз отравленное мясо, и даже запасся ядами у местного лекаря, уверенный, что все получится. Крысолов проводил «изгнание» много раз и в этот опасался лишь одного: что сытые твари пренебрегут его даром и съеденного ими яда не хватит, чтобы тот убил крыс.

Поэтому он не довольствовался теми запасами, что имелись у него, а пришел в лавку со снадобьями. Даже если бы местные жители знали, что сами без труда могут уничтожить крыс, они не пошевелили бы и пальцем. Слишком силен был в них страх, и слишком глубоко укоренилась привычка полагаться на крысоловов. Что ж, ему это только на руку. Он выбрал нужные средства и сразу заплатил за них, рассчитывая, что уже вечером его щедрый дар отправится в подземелья под собором.

Но стоило ему заикнуться об этом в церкви, как служители встали насмерть. Они не пустят слугу дьявола совершать свои кощунственные обряды внутри храма! Он взывал к их здравому смыслу, убеждал, просил, но все было зря – церковники оказались неумолимы. Не помогло и вмешательство бургомистра. Тот, правда, и не жаждал выступить на стороне Крысолова и лишь для проформы обратился к защитникам святости от посягательства.

За окном вновь затрещали надоевшие Крысолову вертушки и

раздались пронзительные крики детей.

– Клянусь святым Петром, этот город заслуживает того, чтобы крысы сожрали его до основания! – вспыхнул он, прикрывая ставень.

«Что же делать? Как выманить тварей из нижних залов собора?»

Он взглянул на Ушастого, пробующего на зуб угол стола, и его осенило. Простое соображение, не приходившее на ум прежде: «Но зачем их выманивать?»

Что случится, когда крысы сожрут все? Они выйдут наружу. И произойдет это очень скоро, ибо как ни велики запасы епископа, но и крысиные желудки, как известно, безмерны – они управятся с едой в ближайшие сутки, раз уже сидят там несколько дней. Выйдя, они разбегутся по городу, и потравить их будет чрезвычайно сложно. Значит, нужно сделать так, чтобы они не разбежались.

Он подхватил в ладонь Ушастого, заглянул в черные бусинки глаз.

– Как же мы сделаем это, а? Крыс не очень много, это ясно, но как их собрать?

Крысолов напряженно размышлял. Крысы выходили только по ночам, и были это одиночки – разведчики, пугающие жителей своей наглостью. Но они возвращались обратно в хранилище под собором, а прочие их собратья и не покидали его. Неудивительно. Он и сам хотел бы забиться в какой-нибудь прохладный подвал, где надолго хватит еды и вина, чтобы только не слышать раздражающего треска вертушек...

– Вертушек?!

Он сказал это так громко, что крыса прыгнула с его ладони и потрусил к обглоданному углу стола. Крысолов не заметил этого, пораженный открывшимся объяснением. «Вертушки!.. Может ли такое быть? Но ведь известно, что возле ветряка, воткнутого в землю и осененного крестным знаменем, в земле не заводятся кроты. Конечно, есть важное условие: с восхода и до заката солнца священник должен читать рядом молитву об избавлении от бедствия... И меня бы прокляли, если бы я усомнился в том, что последний так уж необходим, вместе со всеми своими молитвами».

Он вспомнил, как дети с утра до вечера бегали по городу, развлекаясь своими игрушками, как втыкали их в землю при каждом удобном случае, как ловили ветер лопастями, издающими противный звук. «Тогда понятно, почему крысиные отродья не выходят днем! А ночью дети спят, и вертушки смолкают».

Но игрушки могли остановить только сытых крыс, голодных же они не остановят. Значит, нужно придумать что-то другое... Вернее, ничего

другого придумывать не стоит, достаточно применить старые, испытанные средства. Уж проголодавшись, крысы бросятся на любую еду, даже будь она вся нашпигована ядом!

Замысел быстро созрел в уме Крысолова. Да, он истребит крыс – но так, чтобы Хамельн надолго это запомнил! Он устроит такое изгнание, какого они не видали прежде! Эти люди запомнят Крысолова, пришедшего к ним в солнечный прохладный летний день, и будут слагать о нем песни и рассказывать своим внукам, понизив голос, что видели этого удивительного человека собственными глазами. Своими собственными глазами! И, конечно, присочинят с три короба – например, что из-под платья у него виднелся хвост, а один глаз сверкал красным, и на голове рос петушиный гребень.

Пусть! Он вскочил, довольный, уже готовый действовать. Единственное затруднение, которое он видел, состояло в том, что работы предстояло слишком много для него одного. Но тут же он понял, как его преодолеть. Пожалуй, вдвоем они справятся... И если утром послезавтрашнего дня будет ветер, то все выйдет так, как он задумал.

– Ветер! – сказал он Ушастому, возвращая его в коробку. – Нужен ветер!

На следующий день он сообщил бургомистру, что ему понадобится пять телег с копченым мясом и прочей снедью. А лучше – шесть. И без промедления! Если господин бургомистр желает избавиться от крыс, то ему стоит поторопиться.

И приготовления начались. Подводы въезжали в город, и Крысолов расставлял их согласно своему плану. Поначалу он опасался, что жители растащат еду, но те, лишь услышав, для кого она предназначена, отходили от телеги подальше. Они опасались не крыс, а его самого.

Старика разыскали быстро. Выяснилось, что имя его – Курц, и он проживает за оградой Хамельна, а промышляет попрошайничеством. Крысолов сомневался, насколько можно вводить его в курс дела, но выбора у него не было: один бы он не справился. К тому же нищий казался не таким суеверным, как прочие жители. Коротко поделившись с ним своими мыслями об изгнании тварей, Крысолов с облегчением убедился, что старик совсем не против помочь. За награду, конечно же! Но в случае удачи бургомистр должен будет раскошелиться на столько монет, что Крысолов сможет щедро оплатить труды старика.

Он решил, что примется за дело ночью. Днем они занимались приготовлениями за стеной города и успели все – приготовили и охапки

хвороста, и вертушки. Крысолов разузнал, что за мастер делает потехи для детей, и, найдя его, скупил у того все игрушки, что были в лавке. Их оказалось больше пяти десятков, но мелочиться он не собирался.

Раскладывая вязанки хвороста, он поглядывал на небо. Дождь или безветренная погода могли уничтожить всю его затею. Но туч не было, и он возносил молитвы святому Петру, чтобы они не появились в ближайшую ночь.

Вечером на площади вышли глашатаи. Они объявили по всему Хамельну, что нынче ночью состоится обряд изгнания крыс из их города. Те, кто не хочет гореть в аду, должны закрыться в своих домах и не выходить, что бы ни случилось. «Окна и двери должны быть заперты, – читали глашатаи воззвание, написанное самим Крысоловом, – и те, кто нарушит запрет, разгневают Крысиного Короля». Бургомистр, правда, потребовал, чтобы стражники остались в наружных башнях – он не мог оставить свой город без охраны, – и Крысолов подчинился.

Епископ прочел воззвание к пастве, в котором призывал горожан не выходить наружу до тех пор, пока не зазвонит колокол или не заиграет дудка. Крысолов стоял, незамеченный, в стороне, смотрел на этого необъятного, жирного человека, расплывающегося, как тесто в квашне, и думал о том, что старик Курц уже слишком стар и надо было попросить кого-то другого в помощники.

Но когда на Хамельн опустилась ночь и они принялись за дело, он убедился, что недооценивал Курца. Сперва тот бодро проковылял по главной улице, проверяя, все ли окна закрыты. Но жители были изрядно напуганы епископом, и потому ставни захлопывались, двери закрывались на засовы, дети прогонялись прочь от окон, и по всему Хамельну дома слепли, а улицы пустели. К полуночи на улицах города не осталось ни одного человека, кроме них. К счастью для Крысолова, ночь выдалась звездная, светлая, и он вознес хвалу святому Петру за то, что тот не оставляет его своим заступничеством.

Они начали раскладывать снедь от главных ворот, постепенно приближаясь к собору. Ароматные колбасы, перезревшие сыры, тугие кишки, набитые мясом, копченая свинина – все это вынималось из телег и бросалось на мощеную дорогу. Крысолов заметил, что старик пару раз откусил от копченого мяса, отворачиваясь в сторону, но ничего не сказал ему.

Снаружи, за воротами, они побросали лакомства не так часто, как на городской улице. Главным было выманить тварей из Хамельна, а там уж в дело пошли бы вертушки, думал Крысолов, проверяя, правильно ли

положены вязанки хвороста. Закончив все, он снова прошелся от ратуши до того места, где ждал его Курц с факелом наготове, и еще раз терпеливо повторил, что нужно будет сделать.

Время пролетело быстро, оставалась еще заключительная часть, самая важная. Крысолов взглянул в сторону Везера – там над лесом небо стремительно светлело. Он одобрительно похлопал Курца по плечу и со всех ног бросился обратно, к последней подводе, стоящей ближе всех к ратуше.

Его терзал страх, что он увидит на телеге пирующих крыс, но сегодня святой Петр берег его. Тишина стояла на улицах города. Крысолов небрежно расшвырял куски чуть подтухшего мяса до самого собора, заткнул самым вонючим испортившимся куском большую дыру в кладке и, затаив дыхание, отошел к статуе, не сводя глаз с церкви.

Он представлял, что сейчас произойдет в подземном зале... Запах долетит до крыс, которые уже подъели все запасы, и сотни черных голов обернутся, принюхиваясь... Но умные твари не бросятся все сразу на мясо – сперва они отправят разведчиков. Его не раз изумляла дисциплинированность грызунов, и он надеялся, что эти, сидящие внизу, не станут исключением.

Первые крысы показались очень скоро – скорее, чем он ожидал. «Видать, и впрямь подъели всю епископскую еду. Я успел вовремя. Еще чуть-чуть – и они разбежались бы из собора». Перебежками, перебежками, мимо неподвижно стоявшего Крысолова, несколько тварей выскочили на мостовую и приподнялись на задние лапы, принюхиваясь. Две набросились на угощение, одна метнулась обратно и скрылась в той щели, которую он забил тухлятиной – мясо уже исчезло, будто растаяло.

Он вынул дудку и напрягся – если расчеты его были верны, вот-вот должно начаться... Рассвет уже позолотил флюгер над самой высокой сторожевой башней, и с первыми лучами солнца крысы хлынули прочь из собора.

Они вытекали из всех щелей и накатывались на оставленные им приманки. На мясе собиралась копошащаяся масса, затем словно расплывалась – и в следующий миг рассыпавшиеся поодиночке крысы уже бежали дальше, подсакивая и пища. Все-таки их было больше, чем он ожидал, но сейчас это лишь играло ему на руку. Когда черное полотно поравнялось с ним, Крысолов вскинул дудку, громко заиграл и сразу же двинулся к выходу из города.

Крысы не испугались человека. Они видели еду, чуяли запах и набрасывались на новые и новые угощения, приготовленные для них

Крысоловом и стариком. Он быстро шел впереди основной массы крыс, принаравливая свой шаг к скорости, с которой двигалась лавина, и непрестанно играл на дудочке тот простой напев, что придумал много лет назад.

Краем глаза он видел, как приоткрываются ставни, и слышал вскрики за окнами. Неудивительно, подумал он с торжеством, уповая на то, что оно не преждевременно. Что могли увидеть жители Хамельна, выглянувшие наружу? Человека, игравшего на дудочке, за которым преданно следуют черные твари, словно замороженные ее звуками.

Конечно, часть крыс не побежала за ним, а юркнула в ближайшие подвалы, но все же, оборачиваясь, он видел – большинство идет по его следам. Мимо основательных домов, мимо переулков, мимо осторожно приоткрытых окон Крысолов вел свою черную паству к выходу из Хамельна.

Когда они оставили за собой городские ворота, он замедлил шаг: наевшиеся крысы теперь передвигались медленнее, ленивее. Но твари по-прежнему набрасывались на все приманки, что ждали их на дороге, благоухая.

Конечно же, он не повел их к самому Везеру. Зачем? Даже если бы удалось заманить крыс в воду, они бы выплыли ниже по течению – Крысолов прекрасно знал, какие отличные из них пловцы. Потому он не дошел до реки.

Да и крысы не пошли бы за ним. Ему удалось выманить их из города, но теперь твари почти насытились, и мало что могло заставить их продолжать свой путь за Крысоловом. Тонкие струйки то и дело отделялись от шевелящейся крысиной толпы и исчезали в придорожных зарослях. Нельзя было допустить, чтобы разбежались и остальные – они неизбежно вернулись бы в Хамельн.

Коричневая туша нашпигованной салом свиньи, лежавшая посреди дороги на широкой подстилке из сухой травы и уже успевшая собрать жужжащих мух, заставила крыс остановиться окончательно. Крысолов отбежал в сторону, чтобы не пугать их, и, обернувшись, увидел, как сгорбленная фигурка бежит под воротами города, то и дело наклоняясь и втыкая что-то в землю.

Все пятьдесят вертушек, разложенные и ждавшие своего часа, закрутились под утренним ветром, и треск наполнил утреннюю тишину. Те из крыс, кто не соблазнился свиньей и думал вернуться, остановились, недовольно поводя усатыми мордами. В рядах зверьков возникла заминка: одни пировали на свинье, другие озирались, ища путь для побега, третьи

успели добежать до связок хвороста, широким кругом разложенных вокруг туши, и взобрались на них, словно часовые. Курц, закончив с вертушками, доковылял до условленного места и теперь одну за другой выставлял припасенные в кустах вязанки хвороста на дорогу, отсекая крысам путь назад.

Крысолов понял, что момент настал. Он поднес дудку к губам и подал сигнал. Резкий звук заставил крыс насторожиться, но он уже поджег припрятанный факел и ткнул его в ближнюю вязанку. То же самое сделал Курц со своей стороны.

Пламя побежало по сухим веткам, и Крысолов едва успел отскочить – занялось мгновенно и сильно. Больше всего времени накануне у них заняло именно это: расчистить место, запасти травы, подготовить все так, чтобы огонь не потух, сожрав сухие ветки, но и не перекинулся на ближайшие кусты. В намерения Крысолова не входило сжечь город.

Огонь не подвел. Они с Курцем побежали друг навстречу другу, поджигая все новые и новые вязанки, пока наконец огненное кольцо не замкнулось вокруг свиной туши. Нажравшиеся крысы оказались слишком тяжелы и нерасторопны, чтобы вовремя распознать опасность и сбежать, пока оставались лазейки. Огонь уничтожил их всех, а те, кому все же удалось улизнуть, были слишком немногочисленны, чтобы представлять опасность для города.

Уставший, с почерневшим от гари лицом, Крысолов отпустил Курца, а сам остался возле пожарища – предстояло убрать обуглившиеся трупы и привести дорогу в порядок. Он привык доводить свое дело до конца.

Солнце уже высоко поднялось над ратушей, когда к ней приблизился человек в пестрой одежде, в шапочке с вышитой на ней крысой. Толпа расступилась, и он беспрепятственно вошел внутрь.

Зал, где сидел бургомистр, был заполнен людьми. При появлении Крысолова поднялся шум, который, однако, смолк, стоило бургомистру поднять руку и призвать добрых горожан к тишине.

Крысолов подошел к возвышению и остановился, чувствуя на себе взгляды десятков людей. Что-то настораживало его. Быть может, отсутствие страха на лицах, обращенных к нему. Это было непривычно... После того, что он показал им, они должны были вести себя иначе...

Он не успел облечь свои неясные подозрения в слова, как бургомистр встал. Высокий, представительный, он казался еще выше, стоя возле своего кресла.

– Я слушаю тебя! – властно прогремел он.

– Я пришел за полагающейся мне наградой.

– Вот как? – Бургомистр искусно притворился удивленным. – И за что же мы должны вручить тебе награду?

Крысолов снял с плеча мешок, достал из него договор:

– Здесь говорится...

– Нам известно, что здесь говорится, – перебили его. – Здесь говорится, что ты, пользуясь своей силой, недоступной обычным людям, обязуешься изгнать крыс из Хамельна.

– И я это сделал!

– «Недоступной обычным людям», – подчеркнул бургомистр и замолчал, бросив взгляд куда-то в сторону.

Насторожившийся Крысолов проследил за тем, куда он смотрит, и увидел женщину, жену бургомистра... Он даже вспомнил ее имя – Лизетта. Она глядела прямо на него, но в глазах ее не мелькнуло и следа любопытства, и лицо было замкнутым и серьезным. «Зачем она здесь? Что хочет от нее бургомистр?» – изумился Крысолов, но в следующий миг из-за ее спины выбрался Курц, и он стиснул зубы, догадавшись, что последует дальше.

Старик боязливо приблизился к возвышению.

– Встань здесь и говори так, чтобы слышали все! – приказали ему.

Последовали простые вопросы: кто он такой, как его зовут, где живет. Затем от Курца потребовали рассказать, что он делал нынешней ночью. При словах «помогал изгонять крыс» в зале поднялся шум, но бургомистр живо навел порядок.

– Итак, ты видел все вблизи? – громко спросил он.

– Да, добрый господин, – низко кланяясь, подтвердил Курц, кося хитрым глазом на молчавшего Крысолова. – Так близко, как только возможно!

– Тогда скажи, применял ли человек, называющий себя Крысоловом, какие-нибудь заговоры? – повысил голос бургомистр. – Видел ли ты, чтобы он заклинал крыс? Взывал ли он к Крысиному Королю? Зажигал ли он синий огонь, в который, как всем известно, прыгает любая крыса, ибо это пламя дьявола?

– Нет, мой добрый господин! – старик замотал головой. – Этот человек не использовал никаких заклятий. Он сам признался мне в том, что они не нужны! Он обычный мошенник, добрый господин!

Крысолов шагнул вперед, но в грудь ему уперлись острия мечей, обнаженных стражниками.

– Можешь ли ты доказать свои слова? – с самым суровым видом

спросил бургомистр, метнув короткий взгляд на Крысолова. Его суровость могла бы ввести того в заблуждение, если бы не этот взгляд: он так отчетливо прочел в нем торжество, что у него не осталось никаких сомнений в намерениях бургомистра.

– Посмотрите на него! – каркнул старик, обличительно указав пальцем на Крысолова. – Разве не видно, что он не способен заклать ни одну крысу?

Члены совета одобрительно зашумели. Да, этот довод показался им важным. Они разглядывали человека в пестрой одежде, как будто на нем были выведены письма, подтверждающие слова нищего.

– Ты слышал! – возвестил бургомистр. – И все слышали! Ты обманул нас, и предстанешь перед судом. Однако... – он приостановился, чтобы Крысолов успел осознать, что его ждет. – Однако милостью моей я разрешу тебе покинуть Хамельн, если ты уйдешь немедленно. Ибо ты, хоть и не сделал ничего, что не мог бы повторить любой из стоящих здесь, все же истребил крыс. Так что ты выбираешь: суд или свободу?

Последнее слово ясно показало Крысолову, что его ждет, вздумай он остаться. Да и нелепо было рассчитывать на справедливость местного суда. Его бросят в подземелье, где, к радости епископа и бургомистра, он станет добычей тех самых крыс, от которых освободил этот проклятый город.

Крысолов молча окинул взглядом зал, пытаясь совладать с клокочущей в душе бессильной яростью. Старик спрятался за спины стоящих рядом, но предатель интересовал его меньше прочих. Он вновь встретился глазами с женой бургомистра, и сила его презрения к ней, воплощавшей в этот миг всю лживость и изворотливость жителей Хамельна, оказалась столь велика, что женщина почувствовала это и изменилась в лице.

Наглые, самодовольные твари! Они перехитрили его и теперь ожидают, что он начнет просить за свою работу хоть одну десятую часть оговоренной суммы. Надеются, что он будет ползать перед ними, убеждая в том, что помог Хамельну, и прося учесть, что собор все-таки избавлен от крыс... А потом, так и быть, они проявят милость и бросят ему подачку: пару десятков медных монет, а может быть, и на дюжину больше...

Нет, он не доставит им такого удовольствия! Крысолов разомкнул плотно сжатые губы:

– Я покину город немедленно, ваша светлость.

Его видимое спокойствие озадачило их и разочаровало. Они рассчитывали, что он начнет кричать, обвинять их и тем самым даст законный повод бросить его в тюрьму за оскорбление власти... Подождав, не последует ли еще что-нибудь, и не дождавшись, Крысолов решительно

развернулся и обогнул стражников, стоявших за его спиной.

Тяжелым угрюмым взглядом провожал бургомистр удаляющегося человека, но отдать приказ не решился. Крысолов беспрепятственно вышел из ратуши и быстро зашагал прочь, провожаемый любопытными и испуганными взглядами горожан».

* * *

В кабинете Перигорского вновь собралась вся группа. Хмурый Сергей Бабкин, взъерошенный Илюшин, уставшие оперативники, сам Перигорский с непроницаемым лицом, вытянутым, словно дыня... В углу пристроился Саша Крупенников, переводя взгляд с Илюшина на своего шефа и обратно.

Макар кратко подвел итоги. Где находится Алла Рокунова, установить не удалось, и точно так же не удалось сузить круг подозреваемых за счет исключения кого-то из гостей или девушек. Илюшин внимательно просмотрел записи Бабкина, выслушал его отчет, но говорить ничего не стал – лишь покивал и, кажется, сделал свои выводы.

– По-прежнему самой вероятной подозреваемой остается Рокунова, – сказал он. – Ее видели спускающейся в грот Микаэлле, и она сама не отрицает, что шла туда, а спустя двадцать минут подняла тревогу, обнаружив тело – или якобы обнаружив. У нее был мотив – личная неприязнь, была и возможность убить. Девушку, вместе с которой она покинула ночной клуб, где скрывалась после побега из «Артемиды», нашли мертвой.

– Стоит добавить, – подал голос Степаныч, – что ту девчонку, которая работала здесь до Рокуновой, тоже убили. Таким же способом.

– Совершенно верно. У кого-нибудь будут версии?

Версии были у Николая. Еще раз обобщив то, что сказал Илюшин, он аккуратно подвел к тому, что возможности группы в этом расследовании себя исчерпали. Наблюдая за тем, как одобрительно кивают во время его речи другие оперативники, Бабкин решил, что они полностью поддерживают парня, которого выдвинули озвучить общую точку зрения как самого младшего и напористого.

– А что вы сами думаете, Макар Андреевич? – неожиданно спросил Перигорский, прерывая Николая на полуслове и поворачиваясь к Илюшину. Тот помолчал немного, выбил пальцами по столу барабанную дробь.

– Я? Я думаю, Игорь Васильевич, что мне нужен специалист по

садоводству. Лучший, какого только можно найти в Москве.

К чести Перигорского следует сказать, что он растерялся гораздо меньше, чем остальные.

– По садоводству? – Шеф «Артемиды» снял очки, поморгал, словно вытасенная из дупла сова. – Хм. Вам требуется специалист широкого профиля?

– Напротив, довольно узкого. Мне нужен человек, разбирающийся в том, какие сорта яблонь выращивают в Подмоскowie. А самое главное – где именно их выращивают.

Даже Сергей Бабкин, привыкший к тому, что мысль его напарника идет порой самыми неожиданными путями, был огорошен. Николай откровенно хмыкнул, Степаныч покачал головой.

– Ну что ж... Хорошо, – после недолгого раздумья сказал Перигорский. – Саша, свяжись с Комовым, – распорядился он, – поставь перед ним задачу. Макар Андреевич, я думаю, через полчаса уже будут какие-то варианты.

Крупенников живо поднялся и вышел, доставая на ходу телефон.

– Отлично, – кивнул Макар. – И еще одно: все-таки, Игорь Васильевич, нужны биографии наших фигурантов.

– В каком смысле? Досье есть на каждого, Сергей их уже изучил.

– Значит, досье недостаточно.

– Но что вы ищете? – не выдержал Николай. – «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Так, что ли?

Бабкин хотел вмешаться, но Макар остановил его еле заметным жестом.

– Я предполагаю, что кто-то из этих шестерых имел дело с убитой раньше, – сказал он. – Сергей задал каждому этот вопрос, и все ответили на него отрицательно. Однако я думаю, что кто-то из них врет.

– Откуда такая уверенность? – хмыкнул Николай.

– Не уверенность, а лишь предположение. – Илюшин по-прежнему был сдержан и вежлив с Николаем, и Бабкин видел, что это выводит парня из себя.

– На чем оно основано? – поинтересовался Степаныч.

– На ощущении, что Алла Рокунова не убивала Костину. Да, знаю, что пока все говорит об обратном. И тем не менее. Но если это сделала не она, значит, Микаэллу убил кто-то другой. Логично, правда? И у этого другого должны иметься на то веские основания.

– Ты сам себе противоречишь, – нехотя заметил Бабкин. – Если убийство завязано на давнем скрываемом знакомстве, то зачем

понадобилось убивать Костину сейчас? Она работает со всеми четырьмя клиентами довольно давно, знает каждого долгое время...

– Вообще-то не совсем так, – внезапно сказал Перигорский, и все обернулись к нему.

– Кто-то из клиентов – новичок? – недоверчиво уточнил Сергей. – Почему вы раньше об этом не сказали, Игорь Васильевич?

Первый раз Бабкин увидел, как на лице Перигорского отразилось что-то вроде смущения.

– Не придавал этому значения, признаться. И вы не спрашивали, хотя, конечно, это слабое оправдание.

– Так кто же новичок из клиентов?

– Собственно, их двое – Сушков и Даташвили. Один пришел в наш клуб три месяца назад, второй – чуть больше месяца.

– Вот и ищите пересечение с Костиной первым делом у этих двоих, – приказал Илюшин, и снова добавил странное: – А я займусь яблонями.

Два часа спустя в сопровождении невысокого, чисто выбритого человека, от которого пахло хорошими сигаретами, он входил в здание Тимирязевской академии.

– Факультет садоводства и овощеводства, – быстро говорил человек, стараясь поспевать в ногу с Макаром. – Здесь занимаются в том числе географией плодовых культур. Вам, можно сказать, очень повезло: завкафедрой, Казанцев, специализируется именно на почвенных исследованиях. Светлая голова, редкий умница, уже пяток монографий издал, не меньше. Из них одна как раз по интересующему вас вопросу.

– Что, по яблоням? – остановившись, спросил Илюшин.

– М-м-м... По яблоням, но не совсем. Вы у него все узнаете, идемте, идемте!

Человечек увлек Макара за собой, в лабиринт прохладных высоких коридоров академии.

Перед кабинетом топталось несколько студентов, но человечек оттеснил их в сторону и протащил Илюшина за собой, словно на буксире. Возле двери он остановился и громко постучал. Ему ответил изнутри внушительный бас, и, заглянув за дверь, человечек почти сразу вынырнул и обернул взволнованное лицо к Макару:

– Идите, идите, он ждет! Только скажите, от кого вы. Человек занятой, важный...

Илюшин ожидал увидеть пожилого профессора, однако занятой важный человек оказался удивительно молод для своего поста: на вид было

ему не больше сорока. Тесный, натянутый на боках костюм, и такие же тесные для круглого лица щеки – красные, тугие... Маленькие глазки за очками смотрели на мир весело и лукаво.

– Проходите, проходите, присаживайтесь! Кирилл Евгеньич.

– Макар Андреевич.

Илюшин пожал протянутую руку, опустил на шаткий стул.

– Кирилл Евгеньевич, чтобы не отнимать ваше время, перейду сразу к делу. Требуется ваша помощь. Ситуация такая...

Он обрисовал положение дел и выжидательно уставился на светило академии, ожидая ответа. Светило почесало в лысеющем затылке и встало, рассматривая справочники в застекленном шкафу.

– Ваша проблема, безусловно, решаема... – начал Казанцев, достав одну из книг и небрежно перелистывая страницы. – Однако... однако охват слишком широк, и если бы...

– Прощу прощения! – спохватился Илюшин. – Это я виноват, забыл уточнить. Можно карту?

Они склонились над картой Московской области, которую завкафедрой разложил на столе.

– Вот поселок Вишневый. – Илюшин очертил карандашом кружок вокруг синей точки. – Я думаю, искомое место километрах в сорока... Нет, пускай будет пятьдесят, чтобы с запасом. Итак... Можно?

Он взял циркуль, измерил масштаб и очертил вокруг поселка круг большого диаметра.

– Получается, в пределах круга и надо искать.

– Что же, это упрощает нашу задачу. Давайте посмотрим, посмотрим... Так, точно не помню, но если не ошибаюсь, ваша антоновка растет в большом количестве здесь, здесь, и вот тут тоже был когда-то колхоз, но, возможно, с тех пор...

На стол летели новые и новые справочники из книжного шкафа, затем Казанцев куда-то звонил и увлеченно выяснял у какой-то Антонины Тихоновны, что изменилось за последние шесть лет по ее направлению, а затем рассыпался в благодарностях. Илюшин так и не понял толком, о каком направлении идет речь, но видел, что его визави доволен разговором.

– Чертовски любопытное задание ставите, хочу сказать, – заметил завкафедрой, увлеченно роясь в справочниках. – Вообще вопрос географического распределения культур крайне интересен. Вы знаете, какие исследования Шитт проводил еще в четырнадцатом году? Правда, они не имеют прямого отношения к нашему вопросу, но оказали влияние на весь... Так, стоп! Нет, не то, ошибся. Так о чем мы? Да, о Шитте.

А Колесников! А Тарасов! Эндемическими заболеваниями занимался в том числе, и многое сделал в этой области! А еще доказал, что неоднородность геохимической среды... – Тут ученый взглянул на Макара и спохватился: – Простите, увлекся! Я что хотел сказать-то... Ваша антоновка – ценная исходная форма в селекции, из нее много других сортов выведено. Вот, например, Пепин Шафранный... Но мы снова отклоняемся. Я к чему говорю это все... Вы уверены, что ищете чистую антоновку, а не другие сорта, которые лишь отчасти похожи на нее?

– Не уверен, – признался Илюшин. – Но других вариантов нет, иначе круг поиска слишком расширится. Я ведь и так, Кирилл Евгеньевич, ищу иголку в стоге сена. Возможно, в каком-нибудь одном саду посадили яблоню этого сорта, а вокруг нее растут сплошные вишни да черная смородина.

– Возможно, возможно... – рассеянно проговорил Казанцев, рассматривая карту и сверяясь с классификатором. – Тогда, конечно... Но вы учтите, что у антоновки корневая система глубоко проникающая, поэтому некоторые места ей категорически не подходят – например, те, где грунтовые воды залегают близко. Сгниют корешки, и не будет у хозяев яблоньки. И почва ей годится не всякая, а черноземная или серая лесная. Ну и дерновоподзолистая, само собой...

– Кирилл Евгеньевич! – взмолился Макар.

– А? А, да-да-да! Между прочим, я уже почти решил вашу задачку. Хоть вы во мне и сомневались. – Он хитро подмигнул Илюшину. – Вот, поглядите-ка сюда... Видите, на север от вашего поселка вся почва очень глинистая. Видите, да?

Макар не видел, но на всякий случай кивнул.

– Это означает, что яблоневого сада здесь никто разбивать не будет. К тому же не в одной глине дело, есть еще несколько характеристик, которые... Впрочем, вам это ни к чему. Я что хочу сказать-то: здесь вам можно не искать. Разве что, как вы опасаетесь, какой-нибудь энтузиаст решил у себя на участке вырастить антоновку, но такого чудака я вам отловить не могу. А вот если мы глянем на юг и, самое главное, на юго-запад, то обнаружим – что?

– Что?

– Вот здесь обнаружим бывшее имение, при котором был сад, и выращивали там именно антоновку! А двинемся вверх по дороге, и снова – что? Сады, сады, сады. Тут много разных сортов выращивают, но почти все зимние, и антоновка среди них. А еще нам справочник подсказывает, что в местечке Дерябино тоже имеется антоновка. И не одно дерево, а много.

Казанцев поставил три жирные точки, удовлетворенно крикнул:

– Ну вот. Как-то так.

Макар придвинул к себе карту, вглядываясь в метки Казанцева. Одна из них была ближе всех к Вишневому и тоже находилась возле железнодорожных путей. Надпись возле нее гласила, что это Дерябино – довольно большой поселок, если судить по карте. Илюшин измерил расстояние между поселками и получил двадцать с небольшим километров.

– Что же, была польза от наших изысканий? – поинтересовался завкафедрой, наблюдая за действиями Илюшина.

– Очень хочется верить, что да, – искренне ответил тот.

– Ну, дай-то бог, дай-то бог...

Глава 9

Гитарист перевернул лист и потер глаза, уставшие от чтения. А затем схватил первый попавшийся предмет – это оказалась валявшаяся на столе деревянная ложка, – и швырнул его об пол. Твари, какие твари! И так, они все же обманули Крысолова.

В который раз он перечитывал рукопись и каждый раз приходил в ярость, потому что ничего, ничего не изменилось за много веков! Вокруг по-прежнему лжецы и тупые тусы. Так посмеяться над человеком, который спас город! Если бы он сам был там... Он не допустил бы этого.

Но он не там, а здесь. И его не обманут, потому что он не ищет награды за свой труд, и даже не ищет признания, хотя, сказать по правде, ему хотелось бы, чтобы кто-нибудь оценил проделанную им работу. Кто-то достаточно умный, кто смог бы отдать ему должное и восхититься тем, как просто и красиво он исполняет свой долг.

Все это время Гитарист чувствовал, что ему не хватает того, что было у Крысолова. Раз уж он идет по его стопам, то и вехи их пути должны быть схожими. Крысоволк был необходим, поскольку он был не просто зверем, а знаком, говорящим о том, что крысы стали подчиняться тому, кто их истребляет. Убивать – это первая ступень. Владеть и приказывать тому, чьих собратьев ты убиваешь, – уже вторая.

Но не слишком ли буквально он понял текст? Вот что заботило его... Сможет ли он воспитать из существа, сидящего в подвале, помощника себе? И где гарантия, что она не обманет его, не притворится послушной, а сама не попытается сбежать?

Гитарист вскочил и принялся ходить по комнате, хлопая ладонью по каждому предмету, попадавшемуся на пути. Волосы падали ему на глаза, и он раздраженно откидывал их, моргая и щурясь. Слишком много света! Он завесил окна шторами, и черная ткань не пропускала лучи, но он чувствовал, что снова подкрадывается то болезненное состояние, когда только полная темнота могла успокоить его. Мышцы на лице самопроизвольно начали подергиваться, и он, остановившись, прижал растопыренные пальцы ко лбу, словно пытаясь удержать сползающую маску.

Такие приступы настигали его раз в несколько месяцев и всегда были вызваны сильным волнением. Спасала темнота, в которой он мог отлежаться, и какие-то таблетки, которые давала ему мать. Но сейчас

матери не было, и предстояло пережить приступ самому.

Светло... Вокруг было слишком много света! Даже в комнате, завешанной коврами, ему показалось, что свет режет глаза, врывается в щели из заколоченных окон. Покрутившись немного, Гитарист замер на месте, и его осенило: подвал! Темная прохлада ждет внизу, и там же он попробует убедиться в том, годится ли крыса ему в помощники. Сейчас, когда все его чувства обострены до предела, она не сможет ему соврать – он сразу это почует.

А если попробует лгать, то одной мертвой тварью будет больше.

Люк скрипнул, открываясь, но впустил в подвал не свет, а все ту же темноту, что была вокруг нее. Алька видела только смутные очертания мужской фигуры и слышала звук шагов, а затем яркий луч ударил ей в лицо, и она непроизвольно выставила вперед руку.

– Убери! – приказал нервный голос, и Алька подчинилась. – Вот так...

Псих сел в нескольких шагах от девушки, направив на нее мощный фонарь, и оттого Алька не могла его разглядеть. «Господи, начинается...» – с ужасом подумала она, толком не понимая, что именно начинается, но предчувствуя какую-то ловушку. Глаза слезились от яркого луча, но Алька боялась, что убийца рассердится, если она пошевелится, и сидела, не двигаясь, смаргивая слезы.

– Ты ведь здесь одна-а-а? – протяжно спросил он, и от абсурдности этого вопроса ей стало жутко. Он и говорил не так, как раньше, а низким, будто заторможенным голосом, как если бы магнитофонную пленку, на которой его голос был записан, пустили в два раза медленнее.

– Одна. – Алька всхлипнула.

– А сейчас и я пришел...

– А сейчас и ты пришел, – послушно повторила она, повинувшись голосу интуиции.

– И что мы с тобой будем делать, а? Говори! – вдруг рявкнул он, и фонарь дрогнул и качнулся в его руке.

– То, что ты скажешь! – торопливым дрожащим голосом заверила его Алька, ощущая, что она снова перестала понимать этого психа. «Господи, только бы он не рассердился, только бы он не рассердился!»

Но псих не рассердился. Кажется, он даже остался удовлетворен ее ответом.

– Пра-а-авильно... То, что я скажу. Ты только обманывать меня не пытайся, и все будет нормально.

«Я не буду тебя обманывать. Я буду искренней, честной... девочкой,

которая благодарна тебе за все то хорошее, что ты для нее сделал».

– Я не буду тебя обманывать, – вслух повторила Алька и сама услышала, что голос ее изменился, стал более детским. – Честное слово! Разве я могу?!

– Все вы врете! Лживые стервы!

Он подался вперед к Альке, взмахнул фонарем, и сноп света описал круг по потолку и дощатому полу. Алька слышала его тяжелое дыхание и понимала, что псих снова чем-то взбешен, но не знала, как это изменить. Она попробовала сменить позу – руки затекли, к тому же она замерзла, – но тут же раздался злобный окрик, и Алька замерла на месте. Несколько минут прошло в молчании, во время которого она судорожно соображала, отчего же у него так меняется настроение.

– Может быть, ты выключишь фонарь? – попробовала она робко, опасаясь новой вспышки.

– Зачем это?!

– Мне от него плохо... Пожалуйста! Прощу тебя...

Снова сопение в тишине, затем щелчок – и подвал погрузился в темноту.

– Спасибо, – с искренним облегчением сказала Алька. Теперь, когда она могла ориентироваться на звуки, не отвлекаясь на бьющий по глазам свет, ей действительно стало легче.

Его дыхание, тяжелое, как у больного человека, постепенно стало выравниваться. Спустя некоторое время Алька совсем перестала слышать его и лишь по неуловимым признакам определяла, где именно сидит псих. Когда глаза снова привыкли к темноте, Алька даже смогла различить очертания его фигуры, и она показалась ей огромной, непропорционально большой... Но затем она сообразила, что псих, должно быть, надел шубу, чтобы не замерзнуть в подвале.

– Спасибо тебе за плед, – тотчас сказала она, не успев даже подумать, стоит ли это говорить. – Было очень холодно.

– Пожалуйста, – после короткого молчания ответил сидящий в нескольких шагах человек, и Алька заметила, что голос у него перестал быть заторможенным и протяжным. – Ты любишь жару?

– Нет, – снова повинувшись ведущему ее внутреннему голосу, сказала Алька, и для убедительности даже покачала головой. – Не люблю.

– Тогда мы с тобой сработаемся.

В темноте раздались какие-то кудахчущие звуки. Алька не поверила своим ушам. Он смеется? Чем ей удалось его развеселить? «Сработаемся...»

– Я сделаю все, чтобы ты был мною доволен, – пообещала она, старательно следя за тем, чтобы не перегибать палку в своем энтузиазме. Какая-то часть ее говорила искренне и очень хотела поступать так, чтобы ему угодить.

– Тебе придется постараться.

– Я постараюсь!

– Хорошо...

По его голосу Алька слышала, что теперь он успокоился окончательно.

– Ты только объясни мне, что нужно делать, ладно? – попросила она и прибавила: – Я очень боюсь ошибиться и огорчить тебя.

И в сказанном ею не было ни слова лжи.

После того как он выключил фонарь, Гитарист почувствовал себя значительно лучше: темнота и подвальный холод подействовали на него благотворно. Он не мерз, потому что накинул толстый старый пуховик матери, в котором она иногда чистила снег. Сперва крыса вывела его из себя, сейчас он уже не мог вспомнить, чем именно, но затем он успокоился – по голосу ее было слышно, что она не врет ему. Боится и не врет.

Отлично, она и должна его бояться. Любой твари следует бояться своего хозяина.

Он по-детски обрадовался тому, что она, как и он, не выносит яркого света и предпочитает прохладу. Чем больше у них общего, тем легче им будет заниматься их важной работой.

Она спросила, что ей предстоит делать, и он заговорил – сперва неохотно, но постепенно увлекаясь все больше и больше и чувствуя, что он и крысу заразил своей увлеченностью. Гитарист рассказал то, о чем она знала и без него, – что вокруг живут бешеные твари, которые разносят заразу, и их становится все больше и больше. Уничтожить всех невозможно, и никто не может требовать этого от одного человека, но его миссия – освободить от них этот мир до тех пор, пока хватает сил.

Крыса слушала внимательно, затаив дыхание, и ему, что зря скрывать, было приятно. К тому же он первый раз за все время говорил так откровенно – прежде ему не с кем было поделиться. Теперь ему открывался новый смысл крысоволка: быть может, не собеседник, и уж конечно, не друг, но кто-то вроде молчаливого компаньона, с которым можно поговорить начистоту.

Незаметно для себя он расслабился, заговорил совсем уж доверительно и с недовольством заметил это за собой. Если бы она сказала хоть что-нибудь, диссонировавшее с его настроением, показавшее ему, что она

лжет ради спасения своей жизни, он бы убил ее не задумываясь. За голенищем, как и у Крысолова, у него торчал острейший нож, и он не стал бы колебаться, если бы крыса себя выдала.

Но она, похоже, и впрямь была с ним честна. Сперва слушала молча, затем задала несколько вопросов, по которым он удовлетворенно понял, что она вполне сообразительна. Он попробовал подловить ее, напомнив о смерти той белобрысой, в машине которой они и встретились, но крыса отреагировала спокойно. Сначала, сказала она, у нее и в самом деле было что-то вроде шока, но это оттого, что при ней раньше никого не убивали. Теперь это будет случаться куда чаще, весело сказал он, и она согласилась: да, куда чаще. Он прислушивался к ее голосу, но услышал в нем только ожидание и волнение. Это было хорошо.

Под конец она спросила, нельзя ли ей немного поесть, и Гитарист спохватился: в самом деле, он давно не кормил ее. Когда он вернулся в верхние комнаты и пошел на кухню, то свет больше не раздражал его, и он улыбнулся. Сейчас он приготовит ей еды, а затем расскажет, что ждет ее в ближайшие сутки. Первый этап испытаний она преодолела, теперь настала пора научить ее убивать.

«Ангел-хранитель, помоги мне!»

Алька стерла пот со лба только тогда, когда крышка люка захлопнулась над ее головой. Ее чувство времени подсказывало, что прошло не меньше часа с тех пор, как псих заговорил. И весь этот час она балансировала на краю обрыва, боясь оступиться и сделать шаг в пропасть. Одна неверная интонация, одно слово, сказанное не вовремя, могли ее погубить.

Псих разговорился, и его понесло. Алька слушала, вначале обмирая от отвращения, борясь с желанием заткнуть уши и в то же время понимая, что ничем не должна выдать себя. Но затем та сторона ее натуры, что могла притвориться кем угодно, взяла верх и превратила Альку в его помощницу, которая еще не очень хорошо понимает, что ей предстоит делать, но уже готова стараться.

Красноречиво и весьма логично рассказывая ей о своей миссии, псих приблизился к Альке, подполз на несколько шагов, и она почувствовала исходящий от него запах женских духов. Он тут же сбил ее с правильного настроения, вышиб из образа, в который она вошла для спасения своей шкуры, и Альке потребовалось приложить колоссальное усилие, чтобы не думать о нем. «Не думай о белой обезьяне». Но теперь, когда псих пошел за едой, она могла позволить себе перевести дыхание и подумать о запахе женских духов – должно быть, он снял эту шуршащую куртку с какой-нибудь из своих несчастных жертв.

Впрочем, думать Альке было некогда. Она вскочила, пригнувшись, и прошла по подвалу, разминая руки и ноги. Страх исчез окончательно, вытесненный планом, который созрел в ее голове за минуту до того, как она попросила еды. Той же самой, которой он уже кормил ее, сказала она. Эта еда очень хорошо согревает...

Итак, он спустится вниз с термосом, как и тогда. Сядет неподалеку и станет смотреть, как она ест. В прошлый раз руки у нее затекли так, что она едва не выронила термос, но сейчас все по-другому. Конечно, она замерзла, и пальцы плохо сгибаются, но она может двигаться, может ходить и размахивать руками. Размахивать руками – это было самое главное в ее положении.

Потому что она собиралась именно махнуть рукой. Точнее, двумя руками. Двумя руками, сжимающими термос с горячим, очень горячим пойлом, которое должно полететь прямо в рожу этого маньяка, этого психа, убивающего светловолосых женщин и по какой-то невероятной прихоти не убившего и ее тоже.

Алька присела на плед, выбросила вперед руки, представив, что в них зажата чашка, затем вскочила и метнулась к лестнице, стараясь издавать как можно меньше шума. Он придет скоро, ему нужно время лишь на то, чтобы разогреть свое варево, а она должна отработать каждое движение. Ей нельзя промахнуться. Ей нельзя проскочить мимо лестницы. Ей нужно все рассчитать очень точно, потому что второй попытки не будет – либо она ошпарит его и выберется наружу, либо он ее убьет.

Она налетела на лестницу и едва не вскрикнула от боли, но зажала себе рот. Чертова темнота, в которой ничего не видно! Если псих снова направит на нее свет, она может вышибить у него из руки фонарь и схватить его, пока он будет держаться за обожженное лицо. Если нет, ей нужно выскочить точно к ступенькам, чтобы не тратить ни одной лишней секунды.

Алька вернулась к пледу, присела, приняла воображаемый термос и...

Плеснуть-вскочить-толкнуть-добежать до лестницы!

Снова вернулась, опустилась на плед, выбирая правильную позу, – чтобы не подвернуть ногу, когда будет вскакивать. И...

Плеснуть-вскочить-толкнуть-добежать до лестницы!

Он заорет, когда она его ошпарит, – к этому нужно быть готовой и не пугаться. Он попробует нащупать ее вслепую, и этого тоже стоит ожидать. Что еще?

Алька повторила движения четыре раза, пока не убедилась, что выскакивает точно под люк. Когда она окажется наверху, ей обязательно

надо придавить чем-то крышку. Она нахмурилась, вспоминая, что видела в комнате... Опрокинуть шкаф ей не хватит сил, а вот подтащить стол – вполне. Только это тоже предстоит сделать быстро, быстро, очень быстро...

Когда раздался звук откидываемой крышки люка, Алька даже не вздрогнула. На ее лице было лишь ожидание, и если бы у Альки был хвост, она завиляла бы им изо всех сил, застучала по этому ледяному дощатому полу. Пришел хозяин с едой, который похвалит ее, если она будет вести себя хорошо.

Спустившись вниз, псих щелкнул выключателем, и лампочка осветила плед и сидящую на нем посиневшую от холода Альку.

– Закутайся, – бросил псих.

– Ничего, я сначала так...

Он присел на корточки в двух шагах от нее, поставил термос между ног. Медленно, очень медленно его пальцы легли на крышку, обняли серебристый металл, сжались. Алька не сводила глаз с его рук, думая лишь о том, что она проголодалась. Пальцы напряглись, костяшки обрисовались под кожей, и медленно, очень медленно он начал откручивать крышку, и каждое вращение давалось ему все легче и легче. Затем он снял крышку, наклонил термос, и желтое картофельное пюре, остро пахнущее на весь подвал, потекло из горлышка. Он сунул крышку в ее протянутые руки и придвинул к ней термос, чтобы она подливала сама.

– Большое спасибо, – сказала Алька и даже несмело улыбнулась психу.

Время растянулось в гармошку, длинную, как крысиный хвост. (*Плеснуть, вскочить, толкнуть...*)

А когда Алька поднесла к губам картофельное пойло под его пристальным взглядом, оно остановилось – ненадолго, лишь на те несколько секунд, которые требовались, чтобы проговорить про себя *плеснуть-вскочить-толкнуть-добежать до лестницы...*

Но стоило ей прикоснуться губами к краю чашки, как это стало неважно. И все, что она придумала, стало неважно, потому что картофельная мешанина была чуть теплая. Совсем чуть-чуть. Ошпарить ею было невозможно.

– Серега, я уезжаю. – Илюшин, вернувшийся из академии всего полчаса назад, поднялся из кресла и отодвинул компьютер, на котором просматривал записи допросов.

– Куда?

– Хочу покататься по Подмоскovie. Рано не ждите, поздно тоже, когда вернусь – не знаю.

Бабкин недоверчиво уставился на напарника. Тот выглядел вполне бодрым в отличие от самого Сергея и, судя по его лицу, говорил серьезно.

– Шутишь? – на всякий случай уточнил Бабкин, очень надеясь на положительный ответ.

– Пожалуй, все-таки не позже завтрашнего утра вернусь, – задумчиво сказал Макар, и Сергей понял, что положительного ответа не будет.

– Илюшин, ты свихнулся, что ли? – рассерженно спросил он. – У нас сутки до окончания дела, мне нужна твоя помощь, а ты куда-то сваливаешь!

– Не куда-то, а по вполне конкретным местам. Поеду сюда, сюда и сюда. – Он показал на три точки, помеченные на карте, лежавшей на столе. – Там, как меня заверили специалисты, должна быть антоновка.

Несколько секунд Бабкин смотрел на него без выражения, потом тихо спросил, выговаривая слова по одному:

– А зачем тебе антоновка?

– Мне она ни к чему, я кислые яблоки не люблю. Зато очень может стать, что их любит тот, кто поможет нам найти Рокунову.

Лицо у Бабкина стало такое, что Макар, сжалившись, кратко рассказал о разговоре со слепым стариком. Некоторое время Сергей осмысливал свалившуюся на него информацию, затем глубоко вздохнул, стараясь сдерживаться:

– Ты хочешь сказать, что сейчас поедешь искать маньяка в яблоневых садах? Я тебя правильно понял?

– Не то чтобы искать, – легкомысленно отозвался Илюшин. – Я бы сказал, скорее провести рекогносцировку местности. Увидеть все своими глазами.

– Да через два часа стемнеет!

– Ничего страшного, я неплохо вижу в темноте.

Остатки тщательно сохраняемого спокойствия слетели с Бабкина, как сорванный ветром с дерева лист:

– Черт побери, ты можешь мне объяснить, какого фига ты едешь неизвестно куда и неизвестно зачем?! Вместо того чтобы остаться и еще раз провести допросы! И, главное, что ты надеешься получить от этой поездки, а?!

– Только не нервничай, – посоветовал Илюшин, выдвигая ящики и что-то ища. – Здесь всю необходимую работу проделаешь сам. Или ты еще не понял? – Он вытащил из ящика ручку и повернулся к Бабкину: – Серега, у нас два дела, а не одно.

– В каком смысле – два?

– В прямом. Первым занимаешься ты. Ищешь убийцу Костиной. Твой

преступник – среди тех, кто сейчас сидит в «Артемиде», и я уверен, что ты его найдешь. Второе – мое, потому что оно мне интересно.

– Да как я его найду, если мы уже всех опросили по четыре раза, а у эксперта нет никаких новых данных! Все, тупик! Баста, карапузики, кончились танцы! Приехали!

– Вы опрашивали людей, пытаюсь установить, у кого из них нет алиби. Выяснили, что нет ни у кого, а это ни на йоту не облегчает вашу задачу.

– Нашу! Нашу задачу!

– Пусть нашу. Так вот, дело не в алиби, а в мотиве. Кстати, установили, кто из четверых клиентов был знаком с Костиной раньше?

– Степаныч с помощниками сейчас этим занимаются.

– Вот и пускай занимаются. Как только что-то нароют, позвонишь мне. Возможно, одной этой информации хватит, чтобы понять, кто убийца.

– И что мы будем делать с этим знанием? – язвительно спросил Сергей.

– Там увидим. Не торопи события, мой суматошный друг. Я понимаю, что тебе нужны улики, но поверь мне на слово: они сейчас не так важны, как понимание того, что же в действительности здесь произошло.

Бабкин страдальчески закатил глаза:

– Ладно, допустим... Но зачем ты заставил меня опрашивать свидетелей, если сам справился бы с этим в сто раз лучше? Знаешь ведь, что общение с бизнесменами и чиновниками – не моя сильная сторона.

– Именно поэтому и заставил, – спокойно ответил Макар. – И ты неплохо справился.

– В каком месте, интересно, я справился, если по-прежнему у нас ничего нового?!

Илюшин отмахнулся от этого замечания как от чего-то несущественного и сунул в карман сложенную вчетверо карту:

– Все, Серега, я поеду, прокачусь по окрестностям. Будь на связи.

– Да куда уж я денусь... – проворчал Бабкин, хмуро глядя ему вслед. – Прокатится он...

Макар вел «Ниссан», взятый в гараже «Артемиды», сам: Саша Крупенников остался в клубе, загруженный делами. Это было Илюшину только на руку – он предпочел поехать один, а отказывать мальчишке, рвущемуся сопровождать его, было жалко. Под музыку «Серебряного дождя» и регулярное попискивание телефона, напоминающего о стремительно разряжающейся батарее, он ехал по трассе, вдоль которой уже зажглись фонари, время от времени поглядывая на разложенную в

соседнем кресле карту.

– Поселок Дерябино, – вслух проговорил Макар, сворачивая с главной дороги. – Посмотрим...

Поселок был выбран им по двум причинам: во-первых, он ближе всех находился к Вишневному, где нашли машину убитой Викторией Чериной, а во-вторых, из трех мест, отмеченных Казанцевым, только здесь рядом проходила железная дорога и была станция, которая так и называлась – «поселок Дерябино».

Заглушив машину возле супермаркета, который в этот час уже был закрыт, Илюшин вышел в вечернюю сентябрьскую прохладу и глубоко вдохнул. Пахло яблоками. Тонкий запах яблок и дыма стелился в воздухе, окутывал сады. Макар пошел по главной дороге, отмечая, насколько этот поселок не походил на Вишневый. Здесь стояли добротные двухэтажные дома, невдалеке виднелись три серых пятиэтажки, во дворе перед которыми сохло на веревках белье, и отовсюду слышались голоса. Перед домами сидели старушки на лавочках, почти не обращавшие на него внимания, и играли дети. В центре Дерябина кипела жизнь, из какого-то помещения под гордой вывеской «Кафе-клуб» доносилась громкая музыка, но чем дальше уходил Илюшин от главной улицы, тем тише и безлюднее становилось вокруг.

Илюшин шел неторопливо, приглядываясь к домам и их обитателям.

Он остановился возле крайнего дома, стоящего немного на отшибе, в котором не горело ни одно окно, и огляделся. Отсюда, с окраины поселка, начинался лес – точнее, перелесок, за которым угадывалась железная дорога – и станция, предположил Макар. В синих сумерках и лес казался синим, густым и непроходимым, но от дороги в сторону деревьев уводила хорошо протоптанная тропинка. Немного подумав, Макар двинулся по ней к лесу, решив, раз уж приехал, обойти и увидеть как можно больше.

Метров через триста тропинка раздваивалась, и задумавшийся Илюшин пошел по левой. На траву уже упала вечерняя роса, и стало темнеть так быстро, что вскоре он перестал различать стволы деревьев. Тропа то и дело разветвлялась, и теперь уже он выбирал не ту дорожку, которая казалась ему верной, а ту, на которой было меньше высокой травы.

Десять минут спустя он понял, что заблудился. Никакими рельсами поблизости и не пахло, а пахло ночным, уже определенно ночным лесом, ветви которого глухо шумели высоко над его головой. Илюшин достал телефон, чтобы посветить на тропу, и только вздохнул, когда, в последний раз просигналив о разрядившейся батарее, тот отключился.

«Он не стал возвращаться в трактир – там осталась лишь пара зелий местного лекаря, которые теперь были ему без надобности. Чутье подсказывало, что следует как можно скорее исчезнуть, пока бургомистр не спохватился, что сделал ошибку, отпустив его. Крысолов вышел из главных ворот и направился по дороге к Везеру, рассчитывая перейти его, а дальше затеряться в вересковых холмах. Больше всего ему хотелось спрятаться в какую-нибудь нору и как следует выспаться, а в холмах было полно небольших укромных пещер. Жители Хамельна называли их Чертовыми за то, что ночами из пещер раздавались странные голоса, но ему было наплевать на всех чертей, что могли обитать в холмах.

Не дойдя немного до брода, Крысолов приостановился, потому что услышал крики. Встретаться с кем-либо из горожан не входило в его намерения, и он уже решил поискать брод выше по течению, но затем разобрал детские голоса. Постояв на месте и убедившись, что на берегу кричат одни лишь дети, он неохотно двинулся вперед. Ненужный шест Крысолов оставил в городе, но полагал, что и без Крысиного Короля они не упустят такое развлечение.

Так и вышло. Заметив путника, дети поначалу оторопели, но затем бесстрашно бросились к нему, облепили со всех сторон, крича глупости и дразня друг друга. Крысолов усмехнулся. Пожалуй, из всего Хамельна лишь дети не знали о его изгнании и верили в то, что он и впрямь способен на колдовство. Их было человек десять, самому младшему – около четырех, а старшей девочке не больше одиннадцати. Она привлекла его внимание ангельским обликом: пышные белые кудри, как у барашка, небесной чистоты голубые глаза – и язычок, с которого то и дело слетали пакости. Крысолов сплюнул и подумал, что маленькие женщины ничем не отличаются от взрослых.

Пара глазастых мальчишек, вывалявшихся в песке с ног до головы, пытались дергать его за мешок, но он прикрикнул на обоих, и они испуганно отскочили в сторону. Тогда девочка подошла к нему и с уверенностью избалованного ребенка, знающего, что ему не откажут, улыбнулась и попросила разрешения посмотреть, что в мешке.

– Мы не скажем Ханне, – добавила она, обернувшись в сторону ивы, росшей неподалеку от берега.

– Кто такая Ханна?

– Ханна – это наша нянька. Она спит. И она очень глупая, –

пренебрежительно поведала девочка.

«Нянька?!» Крысолов оглядел детей внимательнее, забыв о том, что собирался миновать их как можно быстрее. Трое выглядели оборванцами, но прочие, даже перепачкавшись в глине и песке, были слишком чистенькими для босяцкого отродья. Он присел перед ними на корточки, задал несколько вопросов, и от тех ответов, что он услышал, с его губ едва не сорвался удивленный свист.

Трое из этих десяти ребят принадлежали к какой-то важной семье Хамельна. Их родовое имя ничего не говорило Крысолову, да это и не имело большого значения. Нянька сопровождала детей повсюду и, конечно же, поволоклась за ними на реку, но здесь ее сморило, и она свалилась спать.

Крысолов глубоко вздохнул и обернулся к башням города. Святой Петр, не оставляющий своим заступничеством бродяг и крысоловов, снова явил великую милость. Оставалось лишь не сбиться с правильного пути.

Крысолов не умел разговаривать с детьми. Но эти слушали так жадно, что от него потребовалось совсем немного. Он развязал мешок, вынул одну из коробочек и бережно отсыпал две крошечных щепотки снадобья в пустую флягу с широким горлышком. Зачерпнул воды из реки, хорошенько взболтал и сделал вид, что пьет – под испытующими взглядами детей.

Судя по их лицам, они ожидали, что он на глазах превратится в крысу и юркнет в нору под корнями, и были огорчены, когда этого не случилось. Крысолов объяснил, что его волшебный порошок дарит удивительную способность – находить золото, спрятанное карликами. Выпивший этой воды слышит голоса, подсказывающие, куда идти, чтобы откопать клад. Говорил он мало, скупно роняя слова, и тем самым окончательно убедил их в своей правдивости.

А можно им тоже глотнуть немного этого чудесного средства? Они только попробуют, всего лишь по глоточку! Поначалу он отказывался, изображая жадность, но в конце концов дети уломали его – лишь с условием, что каждый выпьет не больше двух глотков, может быть, трех. Они согласились и с горящими глазами сгрудились вокруг него.

Он вливал каждому в рот по два глотка, следя за тем, чтобы не перелить состава. Поколебался, стоит ли давать яд младшему, но тот, сообразив, что ему клада не достанется, разревелся так оглушительно, что Крысолов испугался – могла проснуться нянька. Влив мальчишке один небольшой глоток, он закупорил флягу и приготовился ждать.

Состав подействовал быстро. Сперва они начали зевать, затем глаза у детей помутнели, а движения стали вялыми и расслабленными. От каждого

из них теперь исходил резкий запах, чуть сладковатый, с гнильцой. Он рассадил всех десятерых на траве, внимательно осмотрел – в его намерения вовсе не входило лишать кого-то из них жизни – и с облегчением убедился, что на каждого снадобье действует как надо.

Когда он заговорил, они сперва не откликнулись, но затем послушно встали и пошли за ним. К счастью, брод был неглубоким, иначе дети потонули бы, как слепые кутята. На другом берегу он оглядел их, медленно и громко объяснил, что они должны сделать дальше, и, убедившись, что все слышали его, повел свое маленькое стадо к холмам.

Оглядываясь на сонную мелюзгу, он чувствовал, как дьявол внутри него хохочет и потирает руки. Пусть только попробует бургомистр теперь не заплатить сполна за его работу и за то оскорбление, что ему нанесли! Город Хамельн надолго запомнит его! Десять детей, десять маленьких голубков, десять сундучков с золотом у него в руках, идут за ним следом, послушные, как овечки, и готовы исполнить каждое его приказание. Крысолов знал, что действия раствора хватит ненадолго и что отупение, вызванное им, быстро спадает, но надеялся успеть добраться до пещер прежде, чем это случится.

От крика, раздавшегося сзади, он вздрогнул, обернулся – и грязно выругался. Их догоняла женщина – краснолицая, мокрая, запыхавшаяся... Сперва он решил, что нянька проснулась и бросилась вслед – дорога просматривалась издали, а шли они неторопливо, принаравливаясь к шагу самых мелких, – но женщина подбежала ближе, и Крысолов с изумлением узнал в ней жену бургомистра. Она едва не валилась с ног – видно, бежала за ними от самого Хамельна.

– Стойте! Стойте!

Поравнявшись с последним из детей, она все-таки упала на дорогу, в пыль, и даже не нашла сил подняться – лишь обратила к детям перепуганное лицо:

– Коринна! Дагмар! Курт! Куда вы идете?! Вы сошли с ума?! Вернитесь сейчас же!

– Они тебя не слышат, – холодно бросил Крысолов, рассматривая ее, как пойманную крысу в мышеловке.

Лизетта и сама увидела по их лицам, что творится что-то странное, и, с трудом поднявшись из пыли, бросилась трясти их одного за другим. Перед старшей девочкой она замерла, вглядываясь ей в глаза и бормоча «Коринна! Коринна!», а затем подскочила к Крысолову и вцепилась в него:

– Что ты с ними сделал?! Отвечай! Что?! Они умрут? Они умирают?!

Он оттолкнул ее в сторону:

– Мертвые они мне ни к чему! Перестань визжать и заткнись, иначе сделаешь им хуже!

Угроза подействовала на женщину – она испуганно помолчала, утирая слезы, затем спросила:

– Куда ты их ведешь?

Теперь настала его очередь молчать. Он смотрел на нее, и от его взгляда она попятилась назад. Крысолов опасался, что у нее хватит сил убежать, но, когда он подошел, разматывая веревку с пояса, Лизетта покорно протянула руки. Ее безропотность заставила его нахмуриться, подозревая ловушку, на которые только и способны женщины, но запястья он связал ей не за спиной, как намеревался, а спереди, зная, что так идти ей будет легче.

Час спустя путник, случайно оказавшийся неподалеку от Хамельна в лесах, что окружают узкой полосой вересковые холмы, мог бы увидеть необычную процессию. По широкой тропе, ведущей к Чертовым Пещерам, шли дети – около дюжины мальчишек и девчонок, странно молчаливых и сосредоточенных. За ними брела женщина в платье с рваным подолом и чепце, сползшем на одно ухо, и веревка от ее связанных рук тянулась назад – к высокому худому человеку с мешком за спиной. Человек зачерпывал что-то, похожее на желтую труху, из висевшей на поясе небольшой котомки и разбрасывал по тропе за собой.

– Зачем ты это делаешь? – подала голос Лизетта, и Крысолов вздохнул.

Они шли не так долго, но она успела освоиться и даже, кажется, смирилась со своим унижительным положением. А освоившись, начала задавать вопросы. На первых порах он пытался отмалчиваться, но тогда она сама принялась высказывать предположения, а долго слушать это Крысолов был не в состоянии.

– Зачем ты рассыпаешь песок?

– Это не песок.

– А что же?

– Кора одного дерева.

– Какого?

– Ты не знаешь. Оно растет далеко отсюда.

– А зачем ты рассыпаешь кору?

– Чтобы собаки, посланные твоим мужем по нашему следу, не нашли нас.

Он обернулся якобы для того, чтобы взглянуть на идущих детей, а на самом деле – бросить взгляд на женщину, и увидел по ее вытянувшемуся

лицу, что она ничего не поняла.

– Запах, – пояснил Крысолов. – Кора сильно пахнет, отбивает запах наших следов. Собаки не пойдут за нами, возьмут ложный след.

На этот раз она сообразила. Но на лице ее вместо ожидаемого им смятения отразилось что-то иное... И это что-то привело Крысолова в замешательство.

Он не мог ее понять. Когда он сказал, что отправит ее в Хамельн, чтобы она сообщила горожанам и бургомистру о его условиях, на которых он согласится вернуть детей, Лизетта лишь кивнула. Похоже было, будто это ее совсем не заинтересовало. Зато долго допытывалась о том, как он ввел детей в сонное состояние, в котором они слушаются только его.

Устав от расспросов, он объяснил, что дал им сильно разведенный яд, который в большой дозе вызывает быструю и почти безболезненную смерть, а в малой – животное отупение, в котором тот, кто выпил средство, может лишь подчиняться повелениям другого. Он не сомневался, что сейчас последуют вопросы о том, правильно ли он рассчитал количество порошка, но вместо этого Лизетта спросила, взглянув на него чуть ли не с испугом:

– А зачем тебе такое страшное средство?

Он не понял ее, и она объяснила: самоубийство – грех, а для чего еще носить с собой такое снадобье, как не для того, чтобы окончить жизнь без мук и боли?

Крысолов покачал головой и объяснил, что использовал яд для лечения от бессонницы. Сделай раствор погуще или выпей больше, и заснешь долгим сном без сновидений – не очень-то восстанавливающим силы, но и не изматывающим так, как мучительные ночные часы, в которые не можешь сомкнуть глаз.

Она живо закивала, кажется, обрадованная тем, что он не собирается губить свою душу. Веревки, связывающей ей руки, она словно бы и не замечала и вела себя так, будто они вышли на лесную прогулку.

Крысолов знал, что силы снадобья хватит еще на пару часов, а затем дети уснут мертвым сном. Это означало, что ему необходимо найти подходящую пещеру за то время, что они держатся на ногах.

Он поравнялся с Лизеттой и намотал веревку на руку.

– Послушай... – несмело начала она, когда переварила его слова о действии снадобья, – скажи, а как твое имя?

– Крысолов.

Она помолчала, но затем снова попыталась заглянуть ему в лицо – он уже успел отметить эту ее особенность постоянно приглядываться, словно

его лицо могло измениться за то короткое время, что она молчала.

– Нет! Как... как тебя зовут на самом деле?

– На самом деле меня зовут Крысолов, – отрезал он, изнемогая от ее настойчивости.

– Но твоя мать... – не отставала Лизетта. – Как она называла тебя?

Крысолов резко обернулся к ней и наклонился так близко к ее лицу, что она отшатнулась.

– Моя мать называла меня «Эй, выродок!». Тебе достаточно? – со скрытой жестокостью осведомился он, зная, что его вранье надолго заставит ее заткнуться.

Дождался, пока она растерянно заморгает, и снова пошел вслед за детьми, натянув веревку.

Некоторое время прошло в тишине, и он успел погрузиться в свой замысел: за детей он потребует такой выкуп, какой бургомистру не мог присниться и в самом страшном кошмаре. Он разорит этот город! Они проклянут тот день и час, когда решили посмеяться над ним! Он наверняка...

– А как твоя мать называла тебя, когда ты был крошкой?

Крысолов споткнулся от неожиданности. Святой Петр и угодники, возможно ли заткнуть хоть единственную женщину на земле одними лишь словами?!

– Наверняка у тебя было какое-то имя, – задумчиво продолжала Лизетта, незаметно приблизившись к Крысолову и пытаясь заглянуть ему в глаза. – Скажи, какое? Даже если она редко называла тебя им, скажи! Прошу тебя!

Он понял, что если не сказать, то она не отвяжется до самого конца их пути, и страдальчески закатил глаза:

– Вихарт! Ну, успокоилась?! Мать называла меня Вихарт! И хватит об этом.

Некоторое время Лизетта шла рядом с ним в молчании, но затем не удержалась:

– Вихарт – очень красивое имя. Я не знала прежде никого с таким именем.

– И не узнаешь в будущем, если не заткнешься, – грубо оборвал он ее. – Иди молча, ясно? Ты мешаешь мне думать.

На подходящую пещеру он наткнулся почти сразу, стоило им выйти к холмам. Перед ней высилась темно-серая разлапистая ель, а под елью осел замшелый валун, усыпанный подсохшими иглами.

Детей Крысолов усадил возле валуна, свой конец веревки привязал к дереву и достал из рюкзака лепешки, предусмотрительно захваченные в трактире. Лепешек было много. Дети сидели, равнодушно жуя, и по их глазам он видел, что они вот-вот заснут.

Лизетта тоже заметила это.

– Они хотят спать... Бедняжки, столько идти!

Он осмотрел пещеру, выбросил оттуда обглоданные высохшие кости – кажется, кто-то полакомился дикой козой – и вернулся к своим пленникам. У белокурой девочки лепешка выпала из руки, но поднимать ее она не стала, бессмысленно глядя перед собой.

– Коринна почти спит, – вполголоса заметила Лизетта, очищая от игл, попавших в дырявые башмаки, ножки самого младшего, Якоба.

– Твой муж, должно быть, уже поднял весь город на поиски. Из-за тебя поднимется большой переполох... Куда больше, чем из-за них. – Крысолов кивнул на детей.

– Ты плохо знаешь моего мужа! – возразила Лизетта с резкостью, удивившей его. – Переполох поднимется, но не из-за меня, а из-за нее. – Она кивнула на девочку, наклонившую прелестную головку набок и прикрывшую глаза.

– Как бы ни была знатна ее фамилия, но супруга главы города важнее любого ребенка, – пожал плечами Крысолов, подумав, что Лизетта, пожалуй, все-таки глупа.

– Коринна – не любой ребенок! – тихо, чтобы не слышала девочка, бросила Лизетта. – Она племянница Людвига!

– Что?

– Дочь его сестры. Поверь мне, Вихарт, мой супруг выложит куда больше золота за нее, чем за меня! Он очень... – она запнулась и закончила без выражения: – Он очень привязан к девочке.

Очевидно, спохватившись, что сказала лишнее, Лизетта замолчала и вернулась к своему занятию: продолжила осматривать ножки мальчика.

– У тебя есть дети? – неожиданно для себя спросил Крысолов, глядя на золотистые волосы с лисьим оттенком, рассыпавшиеся из-под чепца.

Женщина молча покачала головой.

– Отчего? Ты бесплодна?

Лизетта обернулась, и гневные слова уже готовы были сорваться с ее губ, но в последний миг она сдержалась. Качнула головой, что можно было принять и за согласие, и за отрицание, и по ее замкнутому лицу он понял, что больше ничего не услышит.

Перенести детей в пещеру было не так просто, как ему казалось, и он

изрядно попотел, укладывая каждого из них. Закончив с этим, спустился к ручью, журчавшему неподалеку, набрал свежей воды и вернулся, опасаясь обнаружить, что Лизетта сбежала. Но она сидела на земле, прижавшись к стволу дерева, словно собака, забытая хозяином на привязи. Он отвязал ее, отчего-то поверив, что она не воспользуется его добротой – глупая уверенность, если подумать, но думать ему не хотелось. Сначала женщина забралась в пещеру, к детям, но затем села возле выхода, обняв себя руками, глядя на лес, расстилавшийся внизу.

Утром он отправит ее в город, а сам с детьми переберется в другое место... Как ни хитер бургомистр, а он перехитрит его. Похотливый толстяк не откажется платить, раз у Крысолова его сокровище, белокурое дитя с развратным взглядом.

Крысолов не собирался разводить костер, понимая, что отблески огня выдадут его с головой, но не успело солнце сесть, как над лесом собрались тучи и хлынул такой ливень, словно святой Петр копил небесную воду по заказу Крысолова, не давая ей проливаться раньше времени. В такой дождь не видно дальше двадцати шагов, и потому он, забравшись под ель, развел небольшой костер и выпустил из коробки Ушастого.

Через некоторое время пришла Лизетта, пристроилась напротив, глядя на пламя. Крысолов наклонился, поворошил угли, и по ним засновали красные, как глаза крыс, огоньки.

– Завтра пойдешь в город с утра. Скажешь на словах, что за возвращение детей я увеличиваю плату в два раза. Двести солидов и две тысячи денариев – вот цена за то, чтобы все малютки вернулись домой.

– А если они откажутся?

Крысолов пожал плечами:

– Ты думаешь, я потащу детей с собой? Они выпьют по три глотка того же средства, что выпили днем, и заснут вечным сном.

– Ты не сделаешь этого!

Убежденность, прозвучавшая в ее голосе, позабавила его:

– Отчего же? Что может меня остановить? Подумай, Лизетта: я освободил Хамельн от крыс, а твой муженек вышвырнул меня, не заплатив и медной монеты. Он бы бросил меня в тюрьму, дай я ему такую возможность, но не успел. Не сомневаюсь, сейчас он клянет себя за это... Меня прогнали с позором, и слава моя побежит впереди меня. Вы готовились к голоду, готовились к позору, я избавил вас от того и другого – и что же? Разве кто-то заступился за меня, когда твой муж решил подкупить Курца? Разве кто-то возвысил свой голос в мою защиту, когда мне не бросили и собачьей подачки? Остаься крысы в Хамельне, и вряд ли

кто-то из этих детей, – он кивнул на пещеру, – увидел бы следующее лето. Так что я всего лишь сделаю то, что случилось бы и без меня.

Кажется, теперь она была куда менее уверена, чем прежде. Ему нравилось наблюдать за страхом и смятением, отражавшимися на ее лице, и видеть, как она волнуется и от волнения прикусывает нижнюю губу.

– Ты не убьешь их! Ты... Ты совсем не так жесток, как притворяешься!

Он от души расхохотался, и от его смеха Лизетта вздрогнула.

– Жестокость? Да ты сама как глупый ребенок! Жесток я был бы, если бы мучил их, как твои сограждане мучили несчастных неповинных кошек... А я лишь дам им такую смерть, которая для многих является благом. Если твой муж откажется платить...

– Он не откажется!

– Завтра и поглядим. Ты должна вернуться к этой пещере до захода солнца. Я стану ждать неподалеку. Если приведешь кого-нибудь или за тобой тайно отправят людей, я замечу их – и тогда прощайтесь с детьми. Ты принесешь с собой выкуп, и я уйду с ним, а потом сообщу, где спрятаны ваши птенчики.

Лизетта взяла палку, поворошила угли в затухающем костре. Капля дождя упала с промокшей еловой лапы ей на лицо, и она безотчетно стерла ее, думая о чем-то своем.

– Мне кажется все же, что ты добрый человек, – невпопад сказала она, глядя на него со странным выражением.

Он не нашелся что ответить и лишь криво усмехнулся. «Добрый человек!» Вот, значит, как она думает о нем?

– Скажи... – не сводя с него глаз, спросила Лизетта, – ты никогда не жил в Танненбурге?

– Я даже не знаю, где это.

– Это маленький городок по соседству с Хамельном. Я там выросла. Когда я была маленькой, мы играли вместе с мальчиком... он был чем-то похож на тебя. Мы были совсем детьми. А потом его увезли, и я очень горевала. Он был моим другом.

– Нет, – покачал головой Крысолов, отчего-то испытывая чувство, похожее на сожаление. – Никогда не был в этом городе.

– Знаешь, я сделаю все, чтобы тебе было лучше! – с неожиданной горячностью сказала Лизетта. – Клянусь, я сделаю это!

Теперь настала очередь Крысолова озадаченно смотреть на нее. Нет, по лицу не похоже, чтобы она лгала... Черт их разберет, конечно, этих баб, с их лживыми штучками и хитростью, которой позавидовала бы и лисица... Но, кажется, она и впрямь собирается позаботиться о нем.

От этой мысли в душе его шевельнулось что-то, чему он не знал названия, и ему захотелось отплатить ей лаской. Как-никак, она не мешала ему, не создавала сложностей... Мало какая женщина на ее месте вела бы себя так же храбро! Но ласковых слов он не знал, да и считал себя не мастаком говорить, поэтому распорядился:

– Сходи в пещеру, достань из моего мешка дождевик. Он вверху, под флягой. Холодает, а твое платье... Оно не для ночей в этих холмах. На, возьми. – Он сунул в костер влажную еловую ветку, и та нехотя загорелась, чадя серым дымом.

Вновь быстрый взгляд темных глаз – и, выхватив у него ветку, Лизетта метнулась в пещеру так стремительно, будто он сказал, что собирается побить ее. Вернулась не сразу, неся в руках накидку из козьего пуха – неременную принадлежность любого странника, кем бы он ни был – крысоловом или пилигримом.

– Завернись, – приказал он, оправдывая себя тем, что она нужна ему здоровой.

Лизетта накинула серый дождевик на плечи и благодарно улыбнулась:

– Тепло... Ой! Забыла!

Спохватившись, она вытащила из складок платья его флягу, в которую он набирал воды из ручья, и протянула ему.

– Я подумала, ты захочешь пить, и захватила.

Он нахмурился, и она тут же подалась вперед, заговорила торопливо и виновато:

– Нельзя? Я отнесу! Не сердись, я ее не открывала и не пила ни глоточка! Разве я могу пить твою воду? Просто я решила, что тебе...

– Перестань, – остановил он ее, откупоривая флягу: в конце концов, ему и в самом деле не помешал бы глоток. Жадно отпил, утер губы. – Должно быть, ты сама хочешь пить?

Лизетта покачала головой.

– Нет, я не хочу. Мне бы поспать... Держи, – она сбросила накидку, протянула ему. – В пещере она мне не понадобится.

Он кивнул, не споря. И правда, в пещере она может прижаться к детям, и их теплые тела согреют ее. А ему всю ночь сидеть здесь, сторожить их... Дождь вскоре кончится, и ему придется потушить костер: с бургомистра станет прочесывать холмы и ночью.

Женщина ушла. Крысолов сидел возле огня, подбрасывая поленья в костер и слушая, как рассерженно шипит огонь, когда в него проливается вода с еловой ветки. Нет, никто не станет слагать о нем песни и рассказывать своим внукам истории о Крысолове... Но зато он покинет

этот город с обещанной наградой, а сверх того – еще опустошив казну Хамельна и карман самого бургомистра.

Он сам не заметил, в какой момент от мыслей о бургомистре перешел к мыслям о его жене. Значит, о пристрастиях супруга Лизетты не зря судачат в городе... Что ж, старому развратнику придется от души заплатить за свои шалости и страстишки. Но ее – ее было жаль. Немного зная род людской, Крысолов не сомневался, что именно Лизетта, а не ее муж, подвергается насмешкам в Хамельне, и это о ней судачат за спиной и посмеиваются, будь она хоть дюжину раз женой бургомистра. Местные кумушки перемывают ей кости, а мужчины поглядывают свысока. Вот бургомистр – тот пользуется уважением и почетом... Но не она, не она...

Крысолов чувствовал, что глаза слипаются. Слишком много времени он провел без сна, и усталость наваливалась, наплывала каплей на восковой свече, и сквозь дрожание потухающего огня ему виделись свечи в соборе.

Дождевик из козьего пуха грел отменно, не хуже хорошего меха. Он завернулся в него, чувствуя, как тепло проникает вглубь, мохнатой шкурой медведя закрывает свет, и сам ощутил себя медведем, забирающимся глубоко в берлогу. Там было темно, сухо, и Крысолов облегченно погрузился в сон».

Глава 10

Пересечение, о котором говорил Илюшин, они нашли два часа спустя после того, как тот уехал. Бабкин схватился за трубку, но телефон Макара не отвечал.

– Тащите сюда эту гниду, – прорычал он, не сдерживаясь, но под укоризненным взглядом Крупенникова взял себя в руки.

Сушкова привели сонного и страшно недовольного.

– Вы что, с ума сошли? – зашипел он от двери. – Одно слово Перигорскому шепну, и вас здесь...

– Вы почему скрыли факт знакомства с Аллой Рокуновой? – с тихой угрозой в голосе спросил Бабкин, и Сушков осекся на полуслове.

– Что... что значит – скрыл?! – начал он, придя в себя, но Сергей снова перебил его:

– Рокунова была любовницей вашего Безикова! Жила в его доме! И как раз тогда, когда вы с ним, уважаемый, очень тесно работали вместе. Не вздумайте мне говорить после этого, что вы ее не знали!

– Сдурел, что ли, мент?! – заорал Сушков. – Еще я буду шлюх Витькиных запоминать!

Бабкин не отреагировал на оскорбление, чувствуя, что Сушков нарочно старается вывести его из себя.

– Так вы имели дело с ней раньше? – невозмутимо спросил он. – Какие у вас были отношения?

– У нас вообще не было отношений!

– Но вы же встречались, когда она жила с Безиковым, правда?

– Не помню. Может быть, и встречались.

Сушков не успел взять себя в руки сразу, и Бабкин успел заметить что-то, мелькнувшее в бесцветных глазах, когда он упомянул Рокунову. Теперь он не собирался отступать, намереваясь вытрясти из этого человечка все, о чем тот умолчал.

– Постарайтесь припомнить, Сергей Иванович. Вы наверняка здоровались с девушкой при встречах... О чем-то разговаривали. Так?

– Ну... наверное, так.

– Наверное или так?

– Так, так! – раздраженно бросил Сушков.

– Хорошо, что вы об этом вспомнили. Так какие у вас были отношения?

– Я вам уже двадцать раз сказал, что у нас не было отношений!

– А до этого, Сергей Иванович, вы двадцать раз сказали, что не видели прежде никого из девушек. Затем выяснилось, что не только видели, но и неоднократно встречались с одной из них. Вы же бывали в доме Безикова... Бывали?

– Бывал... Иногда.

– И Аллу Рокунову, наверное, видели?

Сушков прикрыл глаза, словно не в силах смотреть на сыщика:

– Господи, ну видел, видел! И что с того?!

– Так это же замечательно, что видели! – обрадовался Бабкин, придвигая к себе блокнот. – Расскажите, как вы с ней общались?

Но спустя полчаса он отодвинул блокнот обратно на край стола. Сушков уперся и стоял на своем: да, он встречал раньше Рокунову, и даже припомнил, что она была любовницей его шефа, но никакого общения, кроме вежливого обмена репликами о погоде и здоровье, между ними не было. Лицо русалки Ливи, когда он увидел ее в клубе, показалось ему знакомым, но он понял, что это именно она, только после слов Бабкина. А до этого ему мешал узнать ее яркий макияж, да и вообще – у него плохая память на лица! Он ничего не скрывал, да и зачем – подумаешь, виделся раньше с любовницей своего бывшего начальника! Это никак не связано со смертью Микаэлы.

Теперь, когда Сушков пришел в себя, сдвинуть его с этой позиции было невозможно, и Бабкин понял, что больше он от чиновника ничего не добьется.

– Еще что-нибудь хотите сообщить? – спросил он напоследок.

Нет, Сушков не хотел. Когда Крупенников увел его – на этот раз с охраной, как отметил усмехнувшийся про себя Бабкин, – он собирался вызвать к себе Коромыслову и Федорчук, но в последний момент передумал.

– Степаныч, спроси там у охраны – наши красотки еще не спят? – позвонив, поинтересовался он. – Нет? Тогда скажи, что я сейчас к ним приду – хочу кое-что уточнить.

Бабкина проводили до комнаты «русалок», и, войдя внутрь, он натолкнулся на две пары настороженных глаз. Оксана и Женя сидели в креслах и молча смотрели на него.

– Девчата, задам пару вопросов и уйду, – заверил Сергей. – Постарайтесь припомнить: Рокунова, то есть Ливи, что-нибудь рассказывала вам о своей прежней жизни? До того, как она попала в клуб? Упоминала какие-нибудь фамилии?

– Она очень мало о себе рассказывала, – после паузы сказала Клео. – Да мы и не особо спрашивали.

– Почему?

– Потому что не хотели с ней разговаривать! – выпалила Оксана, и Сергей поймал предостерегающий взгляд рыжей, брошенный на нее.

Он видел, что обе девушки на взводе, хотя рыжая держится куда лучше. Обстановка в комнате была наэлектризована. «Устали, вымотаны бесконечными расспросами и нервотрепкой, возможно, поссорились... Их прослушивают, и наверняка они об этом знают, а необходимость следить за словами не добавляет спокойствия. Но есть что-то еще, что-то еще...»

– Почему же не хотели? – мягко спросил он. – Потому что она заняла место Софи?

– Сони, а не Софи, – процедила сквозь сжатые зубы Женька. – Ее звали Соня!

– Так из-за этого?

– Да!

– Но потом мы подружились! – быстро вставила Эль. – То есть почти...

Бабкин продолжал задавать вопросы, видя, что девушки держатся на пределе. Если раньше им удавалось скрывать свои чувства, то теперь обеим не хватало душевных сил и хладнокровия, чтобы притворяться.

– Как Микаэлла относилась к Соне? – спросил он, и умоляющий взгляд Оксаны метнулся к Женьке, взывая о помощи.

– Мы не знаем! – отрезала Женька, и Оксана облегченно повторила за ней: «Да, мы не знаем...» Бабкин подумал, что, устрой он допрос каждой по отдельности, Оксана не выдержит первой, но чутье удерживало его от того, чтобы развести их по разным комнатам. Смутное ощущение, что он стал свидетелем невысказанного противоборства, которое играет ему на руку.

Рыжая леденела с каждым новым вопросом, отвечала односложно, не смотрела на Сергея. Пару раз ему показалось, что она готова броситься на него или на Эль, съезжившуюся в кресле. Та слишком подробно отвечала Бабкину, не в силах сообразить, что можно говорить, а что нет, и сама пугалась, что сболтнула лишнее.

Видя, что о Соне обе не станут разговаривать, Сергей, поймав глазами обнаженное запястье рыжей, спросил не задумываясь:

– Жень, а где твой браслет? Тот, из бусинок?

Оксана вскочила, и, переведя на нее удивленный взгляд, Сергей увидел, что ее и без того бледное личико побелело еще сильнее.

– Сядь, – голосом, в котором отчетливо лязгнул металл, приказала ей Женя.

Эль стояла, не двигаясь, вцепившись в спинку кресла.

– Сядь, я тебе сказала!

– А ты мне не приказывай, ясно?!

– Что?!

– Что слышала!

– Не понял... – протянул Бабкин. – Красавицы, что здесь происходит?

– Ничего! – истерически вскрикнула Оксана. – Все нормально!

– Заткнись!

– Я ему ничего не сказала!

– Господи, да замолчи же ты!!

Эль зажала рот рукой, испуганно глядя на подругу. Женька, если бы могла, испепелила бы ее взглядом. Она тяжело дышала, не отрывая глаз от Эль.

– Так где браслет, голубушки?

Взгляд Женьки заметался по комнате. Бабкин изумленно следил за ней, не понимая, почему простой вопрос вызвал такую бурю эмоций, но не собираясь уходить, не выяснив правды.

– Э-эй! Евгения! Где браслет, спрашиваю!

– Потеряла! – выкрикнула Эль, вид у которой стал обезумевший. – Она его потеряла!

Женька кусала губы, вжавшись в спинку кресла. Капелька крови выступила на нижней и набухла все сильнее.

– Допустим... – медленно проговорил Сергей, переводя взгляд с одной на другую. – Хотя вы сегодня были от силы в трех помещениях, и найти его не составит труда. Кстати, а откуда он вообще взялся, этот браслет?

Гнетущая тишина повисла в комнате. В этой тишине Бабкин услышал негромкий, но отчетливый звук, источник которого он не сразу смог определить. Оксана-Эль тихо поскуливала, не открывая рта, и казалось, вот-вот потеряет сознание.

– Сядь! – приказал Бабкин, и когда Эль не отреагировала, подошел к ней и силком усадил в кресло. Поскуливание не прекратилось, лишь стало тише.

Сергей уселся напротив Эль, почесал в затылке, поднял темные глаза на Клео, рыжие волосы которой разметались по спинке кресла, словно змеи на голове Медузы Горгоны. И лицо ее было искажено так же, как на картинке в старой книге легенд и мифов Древней Греции, которые Сергей любил перечитывать в детстве. «В этом клубе у каждой вещи есть свое

назначение, даже если поначалу кажется, что она бессмысленна», – всплыли у него в памяти слова Илюшина, сидящего на корточках перед статуей.

«Свое назначение... Свое назначение!»

Браслет, смерть Микаэлы, странности в поведении Клео и Эль – почти все вдруг свелось к одному простому вопросу, и, получив ответ на него, Бабкин нашел бы объяснение и произошедшему в «Артемиде». Следуя правилу Илюшина, Сергей решил пойти самым легким путем – спросить.

– Одного не могу понять, – доверительно сказал он. – Зачем вам, девочки, все-таки понадобилось ее убивать? Неужели из-за браслета?

В ответ он ожидал чего угодно, но только не того, что произошло. Женьку вышвырнуло из кресла, бросило к нему, словно не она владела своим телом, а кто-то другой, вселившийся в него, и, вцепившись в руку Бабкина белыми русалочьими пальцами, она выдохнула ему в лицо:

– Да! Да, из-за браслета! Понял, ты! Из-за браслета, а-ха-ха-ха!

И захохотала диким смехом, откинув голову назад.

Поскуливание оборвалось, и Эль, уткнув лицо в ладони, отчаянно зарыдала. Это все-таки был плач маленькой девочки, а не взрослой женщины, – именно такая мысль мелькнула в голове Бабкина, пока он поднимался, чтобы дать пощечину Клео.

Парень, от которого пахло смертью, сидел рядом с Алькой в подвале и глядел, как она отпивает по глотку из крышки термоса. Над их головами раскачивалась лампочка, и он размеренно говорил, будто бы в такт ее покачиванию.

Поначалу Алька почти не прислушивалась к его словам. Ее слишком ошеломило то, как в одну секунду сорвался такой простой и безупречный план. Она попыталась исправить ситуацию, осмелившись попросить его подогреть еду, но псих отказался. Без объяснения причин, но так, что она поняла: он не согласится. Или она съест принесенное им, или останется без еды – но горячей похлебки ей не видать.

Алька глотала пюре, не чувствуя его вкуса, и постепенно в ее сознание начал проникать смысл произносимого психом.

– ...Так что не пугайся. Ножа я тебе не дам, обойдешься руками. Она будет уже немного придушенная, но живая. Потренируешься на ней, потом доставлю тебе другую. Покажешь, на что способна. Если будешь хорошей девочкой, на третью охоту возьму тебя с собой.

– Ты хочешь, чтобы я убила другую женщину?! – Вопрос сам сорвался

с губ. – То есть... крысу?

– Разумеется. – Он удивился ее словам. – А ты не хочешь?

«Хочу ли я?!» Алька почувствовала, что внутри рождается смех, и постаралась задавить его, пока он не вырвался наружу, где, она знала, его уже не остановишь.

– Да. Конечно. Просто мне непривычно.

– Ты же вряд ли раньше убивала, – резонно заметил он. – Поучишься делать это. Совсем не страшно. Будет музыка. – Он как-то дерганно взмахнул рукой, и лицо его изменилось. – Красиво! Звучит... Симфония, и в такт!

Алька метнула короткий взгляд на его лицо, и увиденное заставило ее уткнуться в чашку. Тошнота подкатила к горлу, как до этого подкатывал истерический смех. А парень все говорил, говорил, путая слова, прерывая самого себя какими-то напевами, и паутина его сумасшествия сплеталась вокруг Альки все плотнее и плотнее.

«Он подстережет какую-нибудь девчонку на машине, сядет к ней... Отключит ее, как отключил меня, и привезет сюда, в свое логово. Бросит в подвал и будет наблюдать за тем, как мы деремся, а если одна из нас откажется от драки, то он убьет обеих...»

– Где ты хочешь ее найти? – спросила Алька, чувствуя, что голос сел. Слова скребли по горлу изнутри, не хотели выбираться наружу.

Псих тоже заметил это. Изучающе поглядев на Альку, пожал плечами:

– Какая разница? Их везде полно. Привезу тебе утром свеженькую. Э! Ты что, боишься?

Подумав, Алька кивнула.

– О'кей, – легко согласился он, – тогда на первый раз сделаю тебе поблажку. Сухожилия ей перережу, она стоять не сможет. Не по правилам, конечно... Но в другой раз такого не будет, понятно? – Голос его стал строгим, сухим.

Алька снова кивнула, как механическая игрушка. «Перережет ей сухожилия... Перережет... Сухожилия...»

Она представила на полу в этом подвале девчонку, которая корчится и кричит от боли, подтягивая к себе окровавленные ноги. И аккуратного темноволосого парня, наблюдающего за ними с лестницы и, может быть, даже подбадривающего ее, Альку. Подсказывающего, что нужно делать.

Картина эта встала перед ее глазами с неправдоподобной четкостью, и на несколько секунд то, что вообразила Алька, стало куда реальнее, чем все, окружавшее ее. Человек на лестнице. Тусклая раскачивающаяся лампочка. Светловолосая девчонка на полу, заходящаяся от рыданий и

стонов. Алька, стоящая возле нее на коленях, трясущаяся в ознобе.

Девчонка повернула к ней голову, и Алька с ужасом увидела, что у нее Викино лицо. «Когда ты успела отрастить волосы?» – хотела спросить Алька, но не спросила, потому что по Викиному горлу шла узкая длинная полоса, и при взгляде на нее становилось ясно, что все вопросы не важны. Алька моргнула, и лицо Вики сменилось другим, расплывающимся у нее перед глазами, незнакомым, вытасненным откуда-то из рекламы масла или маргарина. Просто хорошенькая белокурая девочка, умоляющая не убивать ее, умоляющая не убивать ее, умоляющая умоляющая умоляющая УМОЛЯЮЩАЯ.

– Когда разберешься с первой, я тебе вторую подгоню, – лениво сказали в двух шагах от Альки, и она вздрогнула.

Обернулась к парню и увидела в его глазах спокойствие и уверенность. Он уже все знал заранее. Он хотел посмотреть, как она будет убивать, чтобы потом взять ее с собой на охоту. Ему хотелось иметь крысу, которая станет уничтожать для него других крыс. Сволочь, сумасшедшая сволочь, не человек и даже не животное, потому что животные не убивают из идейных соображений!

Не раздумывая, ничего не взвешивая и не просчитывая, охваченная лютым бешенством, Алька схватила стоящий на полу термос и со всего размаха ударила им по бледному лицу человека, сидящего рядом, вложив в этот удар всю силу своей ненависти.

Раздался глухой стук, и парень опрокинулся на спину. Термос, упав рядом, покатился по полу с гроыханием, разливая из своего нутра жидкое картофельное пюре, но Алька уже не видела этого – пригнувшись, она бросилась к лестнице и стала карабкаться вверх.

– Ы-ы-ы!

Страшный звук за ее спиной заставил Альку оглянуться. Крысолов встал на четвереньки и теперь полз к ней с невероятной скоростью, словно паук, перебирающий четырьмя лапами вместо восьми. Из его разбитого, перекошенного на сторону носа текла кровь. Закричав, Алька рванулась, вышибла головой крышку и захлопнула ее в тот самый момент, когда существо в подвале с горящими глазами подбиралось к выходу, готовясь схватить ее.

Алька села на люк, судорожно ища глазами, чем можно его прижать.

Изнутри в крышку заколотили с такой силой, что Алька едва не упала с нее. Господи, господи, она не сможет придавить ее ни стулом, ни столом, как собиралась, потому что стоит ей слезть, и он выберется! Ему хватит секунды на это! В комнате царил темень, и только вышитые золотые

крысы на черных портъерах с угрозой скалили зубастые пасти.

Снизу ударили сильнее, и раздалось рычание, от которого Альку пробрал мороз по коже. Она не сможет сидеть долго – в конце концов ослабеет, и это чудовище сбросит ее. Или выберется другим способом – кто его знает, что он придумал в собственном подвале! И тогда...

«Нет! – отчаянно закричало все внутри нее. – Никакого «тогда»! Я убегу отсюда, убегу, убегу!»

Алька принялась осматриваться, стараясь не обращать внимания на удары, подкидывавшие ее вместе с крышкой. Господи, где же может быть выход в этом доме?! Ей нужно добежать до двери, открыть ее – и тогда она окажется на улице. Возможно, там будут люди, а если и не будет, других вариантов у нее все равно нет.

Алька вспомнила, как он нес ее из комнаты с заколоченными окнами, и коридор с мышеловками возник перед глазами. «Коридор!» Теперь она почти не сомневалась, что дверь находится в конце этого коридора. И совсем не сомневалась в том, что та окажется заперта.

«Выбежать из комнаты, повернуть направо... Но он схватит меня раньше, чем я разберусь с замками!»

Новый удар снизу, а за ним – град ударов, словно он бил не кулаками, а палкой. «Чем же припереть люк?! Думай, Алечка, думай!»

Но сколько она ни оглядывалась, на расстоянии вытянутой руки не было ни одного предмета, до которого она могла бы дотянуться. Ближайший стул стоял в двух шагах, и для того чтобы схватить его, Альке понадобилось бы слезть с люка. А этого она бы не сделала даже под пистолетным дулом: в конце концов, смерть от пули представлялась ей куда меньшим злом, чем то, что сделал бы с ней выбравшийся из подвала нелюдь.

Отчаянно озираясь, Алька вдруг заметила темный предмет на полу возле люка и, сжав зубы, дотянулась до него босой ногой. Предмет оказался деревянной ложкой, к тому же треснувшей, но эта ложка заставила ее глаза вспыхнуть.

Возле люка в полу была небольшая скоба: «для того, чтобы держаться за нее, спускаясь по лестнице», – сообразила Алька. Вторая скоба, приколоченная к крышке люка, выполняла роль ручки. Дрожащими руками Алька положила ложку на край люка таким образом, чтобы при попытке откинуть крышку ложка не давала ей подняться, упираясь одновременно в скобу на полу и ручку. Она сознавала, что один резкий удар способен выбить ничем не закрепленную ложку или сломать ее, но выбора у нее не было.

Алька глубоко вдохнула, как пловец перед нырком, и, соскочив с люка, бросилась к темному провалу дверного проема, не оборачиваясь назад. Выскочить из комнаты, повернуть направо, добежать до конца коридора... Сердце колотилось так, что она ничего не слышала, кроме его ударов в ушах. Алька что-то задела в коридоре, и какие-то кастрюли полетели с грохотом вниз за ее спиной, а за ними с тяжелым деревянным звуком упало и что-то еще.

«Дверь, дверь, где же дверь?!»

Дверь оказалась точно в конце коридора, и, налетев на нее, Алька едва не закричала, поняв, что не сможет ничего разглядеть в этом мраке. Она захлопала рукой по стене, пытаясь нащупать выключатель, и наткнулась на него почти сразу. Свет зажегся, и Алька лихорадочно дернула в сторону засов, чуть не прищемив себе пальцы.

За дверью оказалось помещение, насквозь пропахшее яблоками, и она проскочила его за долю секунды. Ей пришлось повозиться с засовом на второй двери, потому что он никак не хотел открываться, но в конце концов она догадалась нажать на дверь, и тогда деревянный засов неохотно пошел в сторону.

В тот миг, когда Алька, дрожа и хватая воздух ртом, вылетела на крыльцо, она не услышала даже, а скорее почувствовала сзади единственный звук.

Треск сломавшейся ложки.

Охваченная дикой паникой, Алька рванула, не оглядываясь, по дорожке, уводившей от страшного дома куда-то в лес, в темную чащу, которая сейчас представлялась ей единственным спасительным местом.

Гитарист выбрался из подвала и отшвырнул в сторону стул, попавшийся на его пути. Рукопись слетела со стола, и нескрепленные последние два листа выпали из папки.

Он выскочил на крыльцо и с торжеством увидел, что крыса сделала ошибку: побежала в сторону леса. Если бы она догадалась обогнуть его дом, то увидела бы улицу, освещенную редкими фонарями. Но она не догадалась. И выбрала самый простой путь, по которому он и сам бегал много раз – а потому знал его куда лучше, чем крыса. «Умница», – одобрительно усмехнулся он. Так облегчить ему работу...

Он помнил наизусть почти каждую фразу из выпавших двух листов рукописи, а особенно хорошо – заключительные абзацы. Слова бились в его голове и сталкивались, словно мячи, пока он мчался вслед за женщиной, чьи светлые волосы мелькали впереди.

«Проснувшись, он не сразу понял, где находится. Кострища рядом не было, но, повернувшись, Крысолов увидел его с другой стороны ствола. Видать, во сне ворочался так, что перекатился за сосну, подумал он, и тут же осознал, что не так с окружающим миром.

Солнце стояло над деревьями.

Да, солнце стояло над деревьями, оно уже успело высушить и росу, и капли дождя на еловых ветках... Ясный погожий день пел птичьими голосами в вересковых холмах, стрекотал, жужжал, звенел и щелкал.

Только одних звуков не хватало в этом дне – голосов детей, что давно уже должны были проснуться.

Крысолов вскочил и покачнулся: ноги плохо держали его, и голова гудела, как будто он перебрал молодого вина.

«Дети! Где дети?!»

Пошатываясь, он добрал до пещеры и, наклонившись, заглянул внутрь. Ни детей, ни мешка.

Крысолов издал глухое рычание и побежал по тропе, нюхая воздух, словно дикий зверь. За поворотом его глазам открылась поляна, вся в лиловых катышках вереска, и на краю ее он увидел Лизетту, а в нескольких шагах от нее – свой мешок.

Она обернулась к нему, когда он был уже совсем близко, и на лице ее отразилась тревога – но не страх.

– Где они?! – взревел он, схватив ее за плечи и тряхнув так, что плохо завязанный чепец слетел с ее головы. – Где?!

Женщина отчаянно замотала головой, и в глазах ее появился испуг.

– Говори!

Он еще на что-то надеялся. Быть может, она перевела их в другую пещеру или вывела на воздух и отправила пастись на соседнюю поляну, словно молодых барашков...

– Где?!

– Я... Я их отпустила!

– Что?!

От его крика она зажмурилась и заткнула ладонями уши, но он дернул ее руки в стороны и заорал прямо ей в лицо:

– Когда?! Когда ты сделала это, отвечай?!

У нее подкосились ноги, и она упала бы, если бы он не держал ее за запястья.

– Давно... – одними губами произнесла Лизетта, побледнев. – Ты очень долго спал... Я...

Взгляд ее предательски метнулся к мешку за его спиной, и Крысолов понял.

– Ты подсыпала мне яд... – с недоверчивым изумлением протянул он. – Ах ты гнусная крыса!

– Нет! Не яд! Не яд! Снотворное! Ты сам сказал, что в небольшой дозе он подействует как снотворное! Я не хотела... Не хотела тебя отравить! Я лишь хотела, чтобы ты заснул...

Она залилась слезами, и Крысолов оттолкнул ее. Женщина, рыдая, упала на траву и не сделала даже попытки встать или убежать от него. Он тупо смотрел на нее, пока эта мысль не проникла окончательно в его сознание: «Дети вернулись в город». Да, дети вернулись в город... Он представил, как визгливо хохочет бургомистр, как пренебрежительно ухмыляется чернобородый, как трясется всей тушей жирный епископ, как весь Хамельн заходится от смеха, потому что в конце концов ОНИ ВСЕ ЖЕ ОДУРАЧИЛИ ЕГО!

И она тоже. Она его предала.

Он почувствовал себя не просто дураком – ничтожеством! Он, никогда не доверявший ни одной бабе, доверился этой, принял из ее рук питье, и хорошо, что остался жив. Он, знавший, на что они способны, оставил ее не связанной, и она воспользовалась этим. Он, всю жизнь державшийся от них подальше, разрешил ей приблизиться к нему – и чего скрывать, сам этого хотел! – и потерял последнюю надежду на то, чтобы получить свои деньги. Черт с ними, с деньгами, пусть они провалятся в преисподнюю вместе с ратушей! – он потерял куда больше! Он проиграл этому городу, и решающий удар нанес ему не изворотливый бургомистр, не лживый Курц, не скаредный епископ, а женщина.

– Мне надо тебя убить.

Она подняла на него заплаканные глаза, и он осознал, что произнес это вслух. Лизетта перестала всхлипывать и поднялась.

– За что? – шмыгнув носом, спросила она.

– Ты меня предала.

– Я тебя спасла!

– Спасла?!

Крысолов не думал, что может удивиться еще чему-нибудь, но этой женщине удалось поразить его. От изумления он на секунду потерял дар речи и молча смотрел на нее.

– Я тебя спасла! – настаивала Лизетта, вытирая слезы с мокрого

лица. – Так нельзя было поступать! Хамельн не простил бы тебе похищения детей! Они бы нашли тебя и убили!

– Чертова дура! Скорее я усыпил бы всех детей, включая племянницу твоего мужа!

– И погубил бы свою душу!

– Да тебе-то что до моей души?! Чтоб ты провалилась, крысиное отродье!

– Если бы ты их убил, ты был бы проклят на земле и на небе! Смертоубийство невинных – страшный грех! Но ты бы не сделал этого, я знаю...

– А раз ты знаешь, – заорал он так, что эхо отозвалось в холмах, – так какого дьявола ты их отпустила?! А?!

– Я же сказала тебе! Я не хотела, чтобы тебя убили! Я пыталась позаботиться о тебе!

– Позаботиться?!

Он занес руку, чтобы отвесить ей пощечину, но Лизетта не сделала даже попытки защититься.

– Ты можешь ударить меня, если хочешь, – побледнев, проговорила она. – Людвиг часто делает это.

Ее слова действовали на него как ковш холодной воды, выплеснутой в лицо. «Людвиг!» Нет, он не Людвиг. Крысолов опустил руку, повернулся к Лизетте спиной и подошел к мешку, наклонился над ним. Ушастый сидел в своей коробке и выжидающе уставился на хозяина, подняв к нему умную морду, когда Вихарт приоткрыл крышку.

При виде зверя ярость Крысолова окончательно прошла. Он сам виноват. Определенно, он сам виноват – сглупил, доверившись бабе. Да не просто сглупил, а проиграл все, что имел, и хорошо, что его мешок остался с ним. И еще Ушастый. Уже за это следует вознести хвалу святому Петру, и Крысолов, стоя на вересковой поляне, мысленно произнес слова благодарности.

Лизетта не прерывала его молчания. Он обернулся и изучающе посмотрел на нее. Удивительно сообразительная, оказывается, женщина, эта Лизетта. В темноте пещеры, с одной лишь чадящей веткой в руках, она залезла в его снадобья, безошибочно выбрала нужное (правда, оно лежало на самом верху), отсыпала ровно такую дозу, которая погрузила его в сон до следующего дня... Дождалась, пока утром проснутся дети, и отправила их домой. Несомненно, они найдут дорогу – а если и не найдут, на них наткнутся отряды горожан.

Зря, зря он послушал ту толстуху и отправился в Хамельн. Надо было

выбрать другую дорогу – глядишь, не выставил бы себя на посмешище.

Крысолов огляделся, принимая решение. Вересковые холмы манили к себе, но он знал, что там его могут найти и затравить, как лису. Нужно бежать через горы, искать переход. Вряд ли бургомистр пошлет туда своих охотников за обманутым крысоловом.

Все началось с женщины и женщиной же закончится. Быть может, Лизетта и в самом деле хотела сделать как лучше, но теперь это не имело значения.

– Ты убьешь меня?

Если она рассчитывает, что ее тихий голос и заплаканные глаза смогут смягчить его, то ошибается, подумал Крысолов.

Она ничем не отличается от прочих. И не заслужила другой судьбы.

Длинный тонкий нож, который он носил за голенищем, Крысолов достал незаметно, чтобы не пугать ее раньше времени. Двенадцать шагов, разделявшие их, он преодолел быстро, и когда Лизетта поняла, что ее ждет, было уже слишком поздно.

Окровавленный нож он вытер о траву. Мешок забросил за спину, постоял, окончательно определяясь с направлением, – и двинулся в сторону гор. За перевалом будут селения, там наверняка найдутся крысы – а значит, и работа для крысолова».

* * *

«Работа для Крысолова... Работа для Крысолова...»

Он бежал за крысой следом, догоняя ее и уже предчувствуя торжествующую поступь своей симфонии. Полная луна не давала женщине скрыться: освещенная призрачным светом, она была хорошо видна среди деревьев. На секунду ему даже захотелось, чтобы это не было так просто, и, словно повинувшись его желаниям, луна скрылась за облаком.

Тени деревьев расплылись и исчезли, и крыса, повинувшись инстинкту, свернула с тропы и бросилась в чащу леса, под защиту кустарников. Здесь заросли орешника становились почти непролазными, затянутыми паутиной, и Гитарист криво ухмыльнулся на бегу, представив, как она попадет в их сеть и не сможет выбраться.

Алька исколола ноги так, что каждый шаг причинял ей боль. Холодная и мокрая земля, режущая трава, ветки и пни, о которые она сбила пальцы, – весь этот лес был враждебен ей, он оборачивался лишь новой ловушкой, в

которую она снова себя загнала. Ее преследователь не отставал ни на шаг, и когда Алька обернулась на бегу, то увидела, что в руке его что-то сверкнуло. В следующий миг луна зашла за тучу, и Алька нырнула под свод черных листьев и веток, надеясь, что хотя бы там сумеет спрятаться.

Шорохи, топот за спиной, вскрик ночной птицы и треск коры, падающей с сухого дерева... Алька продиралась сквозь заросли, уже плохо соображая, куда бежит и в какой стороне тропа, с которой она свернула. Цепкие ветви тянулись к ней со всех сторон, ловили свою добычу, придерживая ее для того, кто догонял сзади. Вырываясь из их хватких объятий, Алька упала, расцарапав ногу и вскользь провезя щекой по торчащему из земли сучку, но заставила себя подняться и снова побежала, стирая с лица кровь. «Он придет на запах. Придет на запах крови», – билась в голове сумасшедшая мысль. Шаги и треск сломанных веток раздавались все ближе, и она, не оборачиваясь, подалась вправо, виляя, словно заяц, в отчаянной надежде, что где-то должна быть нора, в которой она сможет притаиться, раз уж не в силах убежать.

Яму под ногой Алька заметила в самый последний момент, когда было уже поздно: босая пятка съехала по влажному уклону, и Алька, потеряв равновесие, повалилась на бок, плечом ударившись о ствол дерева. Суеверная мысль мелькнула в ее голове: все это знаки, показывающие, что она не выберется отсюда. Она боролась с судьбой, сколько могла, но выиграть в партии, в которой ты заранее назначен побежденным, невозможно. Силы окончательно оставили ее, и Алька прижалась к стволу дерева, о который ударилась, тихо прося кого-то, чтобы ее смерть не была мучительной.

И вдруг откуда-то совсем рядом донесся долгий гудок, который едва не оглушил ее. Алька привстала, онемев от изумления. Поезд! Господи, здесь совсем рядом проходят рельсы! Вскочив, она захромала в ту сторону, откуда доносился звук, и даже успела выбежать на опушку. А в следующий миг ее схватили сзади.

Хватка оказалась мертвой: одной рукой преследователь зажал ей рот, другой стиснул руки за спиной, и извивающаяся Алька ничего не могла поделать. Она уже чувствовала холод лезвия на своей шее, как вдруг ее резко развернули, и она оказалась лицом к лицу с Макаром Илюшиным.

– Тихо, – наклонившись к ее уху, приказал Илюшин. – Где он? Где-то поблизости?

Женщина смотрела на него огромными глазами, замерев, словно под гипнозом. На исцарапанном лице застыло странное выражение.

– Ливи, это я! – Илюшин осторожно встряхнул ее. – Не бойся, это я,

Макар. Помнишь – «Артемиды», Перигорский, расследование? Я искал тебя вместе с Крупенниковым. Сейчас он остался в клубе, а я поехал сюда один. Кстати, тебя все ищут, и Лямин тоже, и сам Игорь Васильевич.

Он быстро называл знакомые ей слова и фамилии, опасаясь, что сейчас она потеряет сознание, не найдя объяснения происходящему.

– Я тебя помню... – прошептала Алька, приходя в себя. – Охотничья собака лысого...

– Что? – Он вдруг сообразил. – Да-да, совершенно верно. Именно так. А теперь скажи мне, где он?

– Я не знаю, – сглотнув, заскулила она, вцепившись в него обеими руками. – Он рядом, рядом! Он убьет меня!

– Не убьет. Быстро, сюда.

Он потащил Альку за собой, уводя ее с опушки, на которой оба были видны как на ладони, но они успели сделать лишь несколько шагов.

– Я с ней сам справлюсь, – проговорил запыхавшийся голос за его спиной, и Макар обернулся.

В десяти шагах от него стоял темноволосый парень с приятным, хоть и невыразительным лицом. В правой руке его поблескивал скальпель. Из искривленного носа подтекала тонкая струйка темной крови, и парень стер ее тыльной стороной ладони, оставив размазанный над губой след.

Илюшин не стал тратить время на разговоры.

– Беги, – бросил он через плечо окаменевшей Альке, а сам двинулся навстречу убийце.

Она не тронулась с места.

– Беги, тебе сказано! – повторил Илюшин, не сводя глаз с усмехнувшегося парня.

– Крыса... – сказал тот. – Они все такие.

– Да беги же, черт возьми! – рявкнул Макар, и Алька отступила на несколько шагов.

В ту же секунду парень бросился ей наперерез, заноса руку со скальпелем для удара. Прыгнув вперед, Макар сбил его с ног, увернулся от мелькнувшего перед глазами лезвия и отскочил, понимая, что в ближнем бою они не соперники, – его изрежут раньше, чем он успеет выбить оружие из пальцев убийцы. Тот приподнялся, отряхиваясь, осуждающе покачал головой:

– Зря... Вот это ты зря.

Стремительный выпад, за ним другой... Теперь Макар перешел в положение обороняющегося. Парень легко танцевал перед ним, со свистом рассекая воздух, и в глазах его горел фанатичный огонь. Слева от него

Илюшин краем глаза видел застывшую женскую фигуру. Еще выпад – и он почувствовал что-то теплое на плече. Кровь.

– Не стоило тебе вмешиваться, – укоризненно попенял ему владелец скальпеля. – Говорил же, что я сам! Справлюсь!

На последних словах Илюшин едва успел уклониться – сталь дважды вонзилась в то место, где он стоял долю секунды назад. Женский вскрик отвлек его, и он чуть не пропустил следующий удар. Эти танцы начали изнурять его, к тому же было очевидно, что все закончится довольно быстро, если только он не изменит тактику.

Рука нырнула в карман, но не нащупала там ничего, кроме карты. Револьвер остался в машине, и Макар огорченно прищелкнул языком – надо же было так сглупить! Что ж, значит, необходимо придумать себе другое оружие, и чем быстрее, тем лучше.

Алька смотрела, как Илюшин приседает, нащупывает что-то в траве и тут же поднимается, уклоняясь от удара. Взмах – и псих, вскрикнув, отшатнулся назад: в правой руке его противник сжимал толстую сучковатую ветку, орудуя ею как рапирой. Левую Макар снова сунул в карман, и она увидела, как он достал лист бумаги и развернул его.

«Сошел с ума», – промелькнуло у Альки в голове, и она поняла, что теперь настал ее черед вмешаться. Она сделала несколько шагов и тоже подняла с земли палку, примеряясь, с какой стороны лучше напасть и ударить психа.

Но тут Макар сделал такое, от чего она остановилась. Держа руку с листом странно вывернутой, он замер, дожидаясь, пока парень со скальпелем допрыгнет до него, а затем несколькими косыми росчерками стремительно рассек воздух перед собой, будто доморощенный Зорро, оставшийся без плаща и шпаги.

Вопль боли раскатился по лесу. Псих упал, катаясь по траве, закрыв лицо руками, из-под которых брызгала кровь. Алька видела, как стоявший над ним Илюшин отбросил свое странное «оружие» в сторону и занес ветку, примеряясь ударить психа по голове. Она не вздрогнула и не отвернулась, когда его оружие опустилось на затылок кричавшему, и в лесу наступила тишина.

* * *

– Не напрасно, значит, я на тебя время тратил, к Алмату в клуб таскал! – В голосе Бабкина звучало глубокое удовлетворение. – А ты мне

мозги компостировал! Ныл! Пытался бледно иронизировать! Учиться не хотел, призывал защищаться исключительно силой интеллекта! Сильно бы тебе помог твой интеллект против скальпеля, а?

– Положим, не бледно, а вполне себе ярко иронизировал, – возразил Макар, – но в остальном готов признать твою правоту.

– Не могу поверить! Игорь Васильевич, будете свидетелем? Второй раз мне такого не услышать.

– Буду. И Сашку тоже запишем.

– Я согласен!

– А вообще, Макар Андреевич, вы своему напарнику жизнью обязаны.

– Не в первый раз уже, – сказал Илюшин, сбросив веселость, и Бабкин пожал плечами, показывая, что пошел совсем уж несерьезный разговор.

Алмат, о котором он упомянул, обучал его и Макара защищаться всем, что окажется под рукой. «Бумага – страшное оружие, – говорил он. – Но сложное. Кирпичом и дурак сумеет ударить. Ты попробуй ударить листом». Технику, включающую «мягкий удар», Бабкин с Илюшиным осваивали уже год, но только теперь им выпал случай убедиться в силе этого оружия.

Они вчетвером сидели у Перигорского: Сергей, Илюшин, Крупенников и сам хозяин кабинета. За окном оседал осенний вечер, ни один из них не имел возможности выспаться ни ночью, ни днем, но расходиться никто не собирался. Разве что Бабкин заикнулся про то, что теперь можно и отдохнуть, но Перигорский, хрустнув длинными пальцами, решительно заявил, что, пока не услышит исчерпывающих объяснений, никого не отпустит. Сергей с Макаром только что вернулись из прокуратуры, и он хотел услышать от них ответы на все вопросы.

– Почему Алька-то сбежала, я так и не понял? – спросил Крупенников.

– Потому что баба глупая! – в сердцах бросил Сергей.

– Ничего себе глупая! – помощник Перигорского хотел напомнить, при каких обстоятельствах Рокунова удрала из клуба, но взглянул на Бабкина и счел за лучшее промолчать.

– Она, конечно, не глупая, – сказал Илюшин, наливая себе чай: кофе уже никто пить не мог. – А очень даже умная. Несколько лет назад Рокунова жила вместе с неким Виктором Безиковым, бизнесменом, который активно продирался в политику, и продрался наконец – для нас не имеет значения, какими способами. Вместе с ним карьеру себе тихо строил Сергей Иванович Сушков, скромный и неприметный финансист. Я не знаю, кому его шеф перешел дорогу и чем купили преданного до того Сушкова, но на очередной пьянке в доме Безикова Сергей Иванович установил в его спальне камеру и записал, как его начальник кувыркается с проституткой,

да к тому же еще под воздействием наркотиков. Затем запись отправилась в нужные руки, и Виктор в один час лишился своей должности – тогда как раз нахлынула волна борьбы за нравственность власть имущих.

Сушков же остался. Его перевели на теплое место, где он никому не мозолил глаза и в то же время имел возможность зарабатывать на мягкую корочку хлеба. В доме в тот вечер было полно народу, и камеру мог установить кто угодно, поэтому вряд ли Безиков стал подозревать его. Но дело в том, что разговор Сушкова с заказчиком подслушали две девицы, одна из которых – Рокунова.

– Как две? – живо спросил Саша. – А вторая?

– А вторая – ваша Микаэлла Костина, которая приехала в качестве эскорта с кем-то из гостей.

Крупенников перевел недоверчивый взгляд на Сергея.

– А что ты на меня смотришь? – хмыкнул тот. – Все подробности – у него. – Он кивнул на Илюшина. – Ваша красавица с ним доверительно беседовала, не со мной.

– Да, Костина с Рокуновой именно там и встретились первый раз, – подтвердил Макар. – Спрятались в комнате и стали свидетельницами занимательного разговора. А Рокунова еще и видела своими глазами, как Сушков вынимает аппаратуру. И все бы ничего, только вот он их обнаружил. А затем пригрозил, что прикончит обеих, если они разболтают что-нибудь шефу. Думаю, Сушкова волновало не столько то, что его поступок станет известен Безикову, сколько простое соображение, что Виктор, узнав о записи, успеет принять меры и подстраховаться. А это не входило в планы нашего тихого Сергея Ивановича.

– И они ничего не сказали?

– Нет, обе молчали как рыбы. Безикова уволили, Рокунова сбежала из дома и через некоторое время пришла устраиваться к вам в клуб. И здесь столкнулась с Микаэлкой второй раз.

– Так, а вот с этого момента поподробнее, пожалуйста, – сдержанно попросил Перигорский. – Хотя в основных чертах мне уже все понятно... По крайней мере то, что касается Коромысловой и Федорчук.

Бабкин мысленно посочувствовал психологам, дававшим заключения о профессиональной пригодности девушек. Он понимал, что после того, что случилось в «Артемиде», работать никто из них здесь больше не будет.

– Начать, пожалуй, нужно с того, что у Костиной был и есть сын, Алексей. Отец его умер много лет назад, и после него осталась рукопись своеобразного содержания...

– На которой парень сдвинулся по фазе, – прибавил Сергей.

– Думаю, по фазе он сдвинулся значительно раньше, но рукопись все усугубила, это точно.

– Что за рукопись-то?

– Хм... Это описание жизни человека, известного как Гамельнский Крысолов. Того самого, который в тринадцатом веке увел детей из города после того, как ему отказались выплатить награду за изгнание крыс.

– Сказка? – удивился Крупенников.

– Вообще-то история о Гамельнском Крысолове – это не сказка, а легенда. То есть что-то имеется в ее основе, хотя что, мы, похоже, уже никогда не узнаем. Но в рукописи Дмитрия Венцова все описываемые события поданы как вполне реальные, и им даны реальные объяснения. Более того, на первой же странице сказано, что текст найден Венцовым случайно и переведен им с древнегерманского.

– Не понял... – протянул Саша.

– Либо это была чья-то литературная мистификация, либо – этот вариант кажется мне более правдоподобным – Венцов сам написал текст от начала до конца. А затем поиграл в таинственность, выдумав несуществующую библиотеку в Гамельне, где он якобы отыскал свой манускрипт, и историю с переводом... Должно быть, собирался заинтересовать таким образом издателей. Но Венцов умер от болезни вскоре после возвращения из Германии, и рукопись никогда не была опубликована. Для нас имеет значение, что речь в ней идет о человеке, всю жизнь истребляющем крыс, потому что сын Микаэлы Костиной решил, что он – последователь того самого крысолова. И занялся отловом тех, кто представлялся ему крысами.

– Блондинок?

– Угу. Избавлял мир от напасти и заразы. Рокуновой он сохранил жизнь только потому, что собирался каким-то образом использовать ее, но она успела сбежать до того, как он приступил к дрессировке. Он держал ее в подвале своего дома, куда его мать иногда приезжала на выходные. Алла рассказала, что он убил Черину – это случилось на ее глазах, – а затем отключил ее саму и притащил к себе.

– Вот же псих...

– Одной из его жертв стала Соня Минина. Он убил девушку и снял на память с ее руки браслет. Но затем его очень сильно подвело желание оставлять трофеи: его мать нашла вещицу и вспомнила, кому она принадлежала. Сын Венцова утверждает, что мать знала о его «работе» и до того, как увидела браслет... Уверен, так оно и было. Микаэлла очень любила сына и поэтому никуда заявлять, конечно же, не стала. Более того,

она отобрала у него браслет, очевидно, собираясь уничтожить его или выкинуть.

– И почему же она этого не сделала? – мрачно спросил Перигорский.

– Не думаю, что мы когда-нибудь получим достоверный ответ на этот вопрос, но кое-что могу предположить. Если интересно.

– Конечно, интересно.

– Скажите, Микаэлу из ее городской квартиры забирал шофер?

Перигорский задумался, но ненадолго:

– Да, конечно. Она единственная из участниц третьей сцены не водила машину.

– Тогда, думаю, ситуация развивалась следующим образом. Сын Микаэлы делал тайники не только в загородном доме, но и в квартире. Именно там он и спрятал браслет, а Костина его обнаружила. Шофер поднимался за ней в квартиру?

– Безусловно.

– Тогда, предполагаю, она нашла браслет за несколько минут до того, как шофер позвонил в дверь. Услышав звонок, Микаэлла запаниковала и вместо того, чтобы оставить безделушку в квартире, сунула ее в карман или надела на руку. Это было ошибкой.

– И поехала с браслетом в «Артемиду»?

– Конечно, а что ей еще оставалось? Выкинуть браслет по дороге она не рискнула и спрятала его в единственном подходящем месте. Должно быть, считала, что сундук с фальшивыми драгоценностями будет отличной маскировкой для этой улики. Микаэлла только одного не учла – что Женя Коромыслова была привязана к Соне, пожалуй, так же сильно, как и сама Мика к сыну. И, конечно, узнала браслет, сплетенный Мининой, когда они со второй русалкой, Оксаной, случайно опрокинули сундук в гроте Мики. Серега, таблицу по времени ты составлял? Я уже забыл, в какой последовательности все произошло...

– Там и помнить нечего, все оказалось очень просто. Сушков навестил Микаэлу, а на выходе столкнулся с Рокуновой, которая шла отчитываться перед Костиной. Но Алька задержалась на пятнадцать минут, решив принять ванну в «кастрюльке» – вот то, чего мы не учли. Пока она отмокала в ванне, Клео и Эль приплыли через озеро в грот Мики, и там все произошло довольно быстро.

– Оксана Федорчук рассказала, что Микаэлла была в крайне раздраженном состоянии, – продолжил Илюшин. – Может быть, из-за сына. Она накричала на обеих девушек, вывела их из себя, и, когда они собрались уходить, Эль случайно опрокинула в песок бутафорский сундук.

– Не такой уж он и бутафорский, – обиженно проворчал Крупенников.
– Неважно! Главное, что опрокинули, и оттуда выпал браслет. Который обе девицы не могли не узнать. Коромыслова совершенно точно помнила, что видела его на руке Сони, когда та уезжала домой из клуба, а несколько часов спустя Минину убили. И вот они обнаруживают улику в вещах Микаэллы, а когда та меняется в лице, решают, что она убийца.

– Я так полагаю, – задумчиво сказал Бабкин, – что ваша Микаэлла еще и сама себя подвела под удар. У девчонок, которые видели, как она обращается с Рокуновой, не возникло даже тени сомнения в том, что это Костина убила их подругу. Коромыслова пришла в бешенство, а она натура неуравновешенная, истеричная и при помощи Эль задушила Микаэлла. Много времени на это не понадобилось.

– А я ведь говорил, говорил, что это она убила! – встрял Крупенников, но на него взглянули укоризненно, и он стушевался.

– Убив, они потом тем же путем, то есть через озеро, вернулись каждая к себе в грот... – закончил, кивая, Перигорский.

– Причем Женя надела браслет на руку, – уточнил Макар. – А вскоре после этого с другой стороны в пещеру пришла Рокунова. Что она могла подумать, когда Сушков, угрожавший им смертью, попался на ее пути пятнадцать минут назад, а теперь она наткнулась на труп? Только одно: что он узнал обеих и решил их убить.

– А он в самом деле их узнал?

– Да кто ж его знает, молчаливого нашего... – проворчал Бабкин. – Я не думаю. Если и узнал, то лишь Рокунову, потому что к ней он раньше почти никогда не заходил, а к Костиной заживал частенько. У Микаэллы лицо было такое... которое косметика сильно меняла.

– Конечно, Сушкову не было необходимости их убивать, потому что, даже если бы кто-то из них пришел к Безикову с правдивым рассказом о том, что случилось несколько лет назад в его доме, это бы ничего не изменило.

– Вот именно. Он же Безиков, а не дон Корлеоне.

– Но Аля-то ваша этого не знала! Она вполне логично рассудила, что с одной Сушков расправился, и теперь ему осталось только добраться до нее. Дождаться этого момента она не захотела и сбежала из «Артемиды», разыграв нас с Серегой.

– Но как она попала этому придурку, сыну Мики?! – не выдержал Крупенников.

– Он вышел на очередную охоту, и его подсадила в свою машину девчонка, с которой Рокунова познакомилась в ночном клубе. Вот и все.

Видишь, Саша, как все просто?

– И они друг друга не узнали?!

– Как они могли друг друга узнать, если никогда не виделись раньше? Рокуновой показалось смутно знакомым его лицо, потому что парень и в самом деле похож на мать, но Микаэлла – яркая блондинка, а у него темные волосы... Да и потом, не в той она была ситуации, чтобы выискивать фамильное сходство. Слава богу, что вообще спаслась.

– Мне показалось странным поведение девушек, когда одна из них вспомнила о рукоделии, которым увлекалась Минина, – сказал Бабкин. – Женя испугалась, что Оксана вот-вот проговорится о браслете, и перевела разговор очень неумело. Они вообще наделали много ошибок.

– Начиная с того, что убили Костину, – себе под нос заметил Крупенников.

Илюшин отхлебнул остывший чай и уселся с чашкой на подоконник.

– Еще одна деталь! – вспомнил он. – Я видел рукопись, которую написал Венцов. Знаете, что любопытно? Что его сын переделал в ней концовку.

– Каким образом?

– Да просто переписал. Пока мы с Рокуновой ждали милицию в его доме, связав эту сволочь по рукам и ногам, я просмотрел текст. Последние абзацы там написаны похожим почерком, но другими чернилами. Я поискал по ящикам и очень быстро нашел вынутые два листа, где была настоящая концовка истории.

– Ты по ящикам лазил? – Бабкин воззрился на Макара.

– Мне было любопытно, – пожал плечами Илюшин. – Естественно, никаких следов не оставлял, а рукопись честно передал следователю. Так что считай, что я облегчил ему работу!

– А зачем он изменил концовку, Макар Андреевич? – заинтересовался Перигорский.

– Не знаю, я ее только мельком просмотрел. К тому же у меня не было времени целиком читать рукопись.

– А может быть так, что это действительно история о Гамельнском Крысолове? – вдруг спросил Саша, и глаза его загорелись. – Черт, я бы ее тоже почитал!

Макар хотел было посоветовать, чтобы тот читал Ницше вместо всякой ерунды, но взглянул на лицо Крупенникова и передумал.

– Да запросто! – небрежно ответил он, спрыгивая с подоконника.

«Все началось с женщины и женщиной же закончится. Быть может, Лизетта и в самом деле хотела сделать как лучше, но теперь это не имело значения.

– Ты убьешь меня?

Если она рассчитывает, что ее тихий голос и заплаканные глаза смогут смягчить его, то ошибается, подумал Крысолов.

– Зачем мне тебя убивать? – брезгливо бросил он. – Возвращайся обратно к своему муженьку. Давай проваливай! Беги, крыса!

Лизетта сделала несколько шагов в сторону, остановилась... Еще несколько шагов – и снова встала. С лицом ее что-то происходило – сперва оно покраснело, затем краска схлынула с него, и побледнели даже губы. Если бы сейчас ее увидели жители города, то не миновать бы жене бургомистра костра, до того она стала похожа на ожившую утопленницу. Шаг обратно к Крысолову – и снова шаг прочь... Ее словно тянули в разные стороны невидимые ему силы, раздирали на части.

Крысолов заставил себя повернуться к ней спиной, решив больше не думать об этой женщине, и присел возле мешка. Теперь следовало быстрее уходить из этих мест: может статься, бургомистр все же отправит за ним погоню, раз ему уже нечем им угрожать. Вряд ли толстяка остановит мысль, что его жена по-прежнему в руках Крысолова. А он не воин, чтобы сражаться с теми, кого пошлет рассерженный Хамельн...

– Если я крыса, почему же ты не убиваешь меня?

Дьявол ее раздери, эту женщину, которая разрушила все его планы! Она никуда не ушла, и в словах ее прозвучал вызов.

– Ты близка к этому, – процедил он, не оборачиваясь. – Задашь еще один вопрос, и именно это я и сделаю.

– Если я крыса, почему ты не убиваешь меня? – повторила она еще громче, хотя теперь он отчетливо расслышал, что голос ее дрожит.

Крысолов встал, обернулся и уставился на нее с кривой ухмылкой:

– Ты хочешь, чтобы я тебя убил? Чтобы слуги твоего муженька набросили мне веревку на шею и протащили, словно куль, по дороге до самой ратуши? Не дождешься.

– Отчего же не дождусь? – возразила Лизетта. Глаза ее горели на бледном лице, рыжие волосы растрепались. – Ты многого не знаешь, Вихарт! Это ведь я подсказала мужу, чтобы он разыскал старого Курца и предложил ему денег за правдивый рассказ! Это я посоветовала им всем

прогнать тебя, слышишь?! Я оставила тебя без награды. Я сказала, что ты ничего не сможешь ответить, – ведь ты и в самом деле не изгнал крыс, пользуясь своей силой, а всего лишь выманил их из города и сжег! Вот что я сделала, Вихарт!

– Заткнись! – Он сжал руки в кулаки, снова борясь с желанием ударить ее.

– А потом я еще и отпустила детей – единственную твою надежду получить обещанную награду! – Лизетта рассмеялась ему в лицо. – Но если ты думаешь, что я сделала только это, то ошибаешься! Я выставила тебя дураком, слышишь?! Теперь везде, где бы ты ни появился, над тобой будут смеяться! «Поглядите! – очень похоже изобразила она шамкающий старушечий голос. – Вон идет Крысолов, которого вышвырнули из славного города Хамельна, как он сам прежде вышвыривал крыс! Давайте же называть его Первым Дураком-Крысоловом!»

– Замолчи, дрянь!

– А если не замолчу?! Если не замолчу, что тогда?!

Она наступала на него, выкрикивая свои вопросы, и напонила Крысолову раненую птицу, из последних сил уводящую охотника от гнезда с птенцами. От этой мысли бешенство, охватившее его, рассеялось и подозрение закралось в душу.

– Ты обещал, что стоит мне задать еще один вопрос, и ты убьешь меня! Я задала! Что же ты, Вихарт?! Или у тебя не хватает смелости убить меня?! Боишься?! Правильно мой муж вышвырнул тебя из ратуши! Ты это заслужил! Трус!

Ее отделяла от Крысолова лишь пара шагов, и при последних словах он преодолел их: стремительно оказался возле нее, схватил сзади, вывернув ей руки так, что она не могла дернуться. Лизетта была слабой – он легко мог бы придушить ее сейчас, когда она стояла, тяжело дыша и ожидая... Чего? Того, что он и впрямь ее убьет?

– Зачем ты хочешь смерти? – прошептал Крысолов, прижимая губы близко-близко к впадинке возле ее уха. – Лизетта, зачем?

Она обмякла так, что он едва удержал ее, и по этой внезапной слабости он понял, что был прав. Она выводила его из себя нарочно. Что-то подсказывало ему, что Лизетта не предлагала разыскать Курца и не советовала своему мужу выгнать его без денег... Выдумала она это все – выдумала, чтобы он озлобился и потерял голову от ярости. «Зачем?»

– Лизетта! – позвал он, смягчившись. – Ответь...

– Я не вернусь к ним, – прошептала она так тихо, что он едва разобрал. – Я хочу остаться с тобой.

– Что?!

От изумления он отпустил ее, и женщина бессильно опустилась на землю у его ног. Он смотрел на нее сверху вниз, ничего не понимая. Лизетта подняла к нему лицо и повторила с твердостью отчаяния:

– Я хочу остаться с тобой.

Она сказала это с такой безыскусной простотой, с такой искренностью, что он поверил ей – против своей воли. Потому что все его существо сопротивлялось, кричало о лжи, о притворстве, о том, что его в очередной раз обманут и оставят униженным. Но взгляд серых глаз, с безнадежной тоской обращенных к нему, не лгал. И губы ее не лгали, когда она говорила, что хочет остаться с ним... Крысолов вдруг ощутил, что во рту пересохло. Да и в голове у него словно пересохло – не осталось ни одной мысли, ни одного здравого соображения, за которое он мог бы зацепиться и спастись от ее голоса, от ее глаз. Он опустился на траву.

– Но... почему?!

Лизетта правильно поняла его. «Почему я?!» – вот что он пытался и не мог осознать.

– Я не знаю, – прошептала она.

Она опустила голову так низко, что волосы упали с двух сторон, почти закрыв лицо. Протянув руку, он осторожно убрал одну золотистую вьющуюся прядь, затем вторую... Лизетта закрыла лицо руками, и Крысолов осторожно развел их в стороны.

Глаза у нее оказались зажмуренными, и он почувствовал, что ее ладонь дрожит в его руке. Она его боялась! Эта мысль ошеломила Крысолова. Она, бесстрашно оставшаяся утром дожидаться его пробуждения, а затем выкрикивавшая такие слова, которые могли заставить его убить ее, теперь боялась и стыдилась его. Все это время он был в ее власти, хотя она о том не догадывалась, – теперь же все изменилось.

С нежностью, которой он сам в себе не подозревал, все еще не в силах поверить окончательно, Крысолов приподнял ее лицо за подбородок и позвал:

– Лизетта!

Она замотала головой, по-прежнему зажмурившись.

– Лизетта... Посмотри на меня, прошу тебя.

Очень осторожно, словно боясь увидеть что-то страшное, она приоткрыла глаза. Вихарт взгляделся в них.

– Ты пойдешь со мной? – Голос у него сел, и вопрос вышел почти грубым. – Лизетта, ты правда хочешь?..

Радость, озарившая ее черты прежде, чем он успел повторить вопрос,

сделала все слова лишними. Но она все же успела быстро сказать что-то о том, что сейчас же... сразу же... и знает тропу, которой никто не ходит... до того, как он прижался губами к ее теплым губам, соленым на вкус. Эта соль словно разъела все страхи, в которых он существовал раньше – до того как встретил эту женщину, и все, что осталось, – это страх, что их поймают и он ее лишится. Больше он ничего не боялся.

Когда солнце задело нижним краем еловые макушки, они вышли на тропу, которая должна была вывести их через перевал. На плече у Вихарта сидел Ушастый, щекоча его хвостом. Ветер, кружившийся вокруг гор, принес с собой холод снегов, и Крысолов поправил на женщине накидку из козьего пуха.

– Эту дорогу мне показывал отец, – сказала Лизетта, держа его за руку. Ладонь ее была теплой. – Говорил, что о ней мало кто знает. Здесь много медведей... люди боятся ходить сюда. Ты боишься медведей?

Он покачал головой, улыбнувшись.

– А рысей? – Она снова заглядывала ему в глаза, страшась услышать, что он боится рысей, и они повернут обратно.

– Нет. Ни рысей, ни медведей, ни волков. У нас с тобой есть страшный крысоволк. – И указал на Ушастого.

Лизетта рассмеялась. Он обнял ее, и так, обнявшись, они вошли под своды леса, шелестящего на ветру.

Пять дней спустя в местечке Кронинг, что находится за горами, отделяющими Хамельн от соседей, появились уставшие мужчина с женщиной весьма странного вида: мужчина – с огромным мешком за спиной, женщина – в потрепанной одежде. Они купили еды на первом же подворье и двинулись дальше. Видевшие их рассказывали потом, что мужчина играл на дудочке, женщина смеялась, а на плече у Дудочника сидела огромная крыса с горящими глазами. Их бы схватили, если бы не испугались – кто их знает, этих заклинателей крыс, чего от них ожидать! Лучше на всякий случай держаться подальше.

К тому же незнакомцы принесли денег жителям Кронинга – тем из них, кто продал этим двоим провизию. Набив мешок и наевшись до отвала, мужчина с женщиной оставили поселение, и больше их никогда не видели в тех краях.

Постепенно канули в прошлое и подробности их появления, и крыса на плече, и странная одежда, и даже то, что они заплатили Урсуле и Дагмару за еду втрое больше против обычной цены – а уж такое-то,

понятное дело, забыть сложно!

Запомнилось только и по непонятной причине крепко-накрепко осело у всех в памяти, от стариков до мальчишек, самое неважное, что и значения-то никакого не имело, и вообще не заслуживало даже того, чтобы об этом упоминать.

Что дорога, которой они ушли, вела на юг».

notes

Примечания

1

Об этом расследовании читайте в романе Е. Михалковой «Остров сбывшейся мечты», издательство «Эксмо».